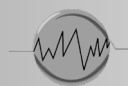

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 6 2019 (ИЮНЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 20.06.2018 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

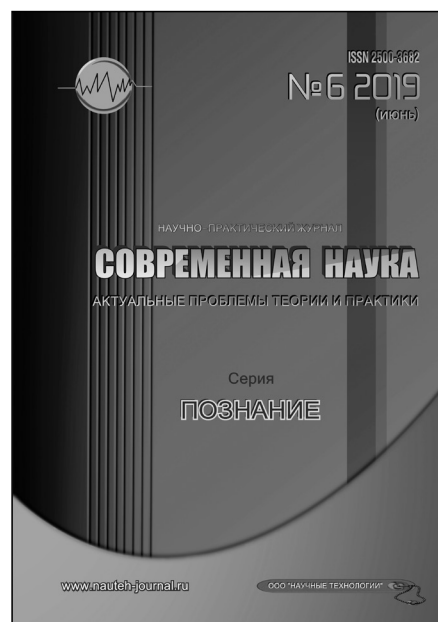
Серия: Познание № 6 июнь 2019 г

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Познание».

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Слюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

Культурология

- Горшенев К. К.** — Специфика культурной политики России и Китая в социокультурном пространстве
Gorshenev K. — Specificity of cultural policy of Russia and China in the socio-cultural space.....5
- Данилова М. И., Блоховцова Г. Г., Плотников Н. В.** — К вопросу о необходимости разделения образовательной и научной сфер
Danilova M., Blokhovtsova G., Plotnikov N. — To a question of need of division of educational and scientific spheres 10
- Енчинов Э. В.** — Традиции медленного питания в пищевой культуре алтайцев
Enchinov E. — The tradition of slow food in the food culture of the Altai..... 14
- Мартиш В. С.** — Символизм в средневековых шахматах
Martish V. — Symbolism in medieval chess..... 18
- Орлова Н. Г.** — Русский национальный тип в литературе и философии
Orlova N. — Russian national type in literature and philosophy 22
- Савельева И. П.** — Становление и эволюция жанра русского романа в истории русской музыки
Saveleva I. — Formation and evolution of the Russian romance genre in the history of Russian music..... 27
- Фролов Д. А.** — Проблема национально-культурной идентичности в латвийской графике конца XIX – начала XX в
Frolov D. — The problem of national-cultural identity in Latvian schedule of the end of XIX – beginning of the XX century..... 31
- Хлупнова Е. В.** — Культурное наследие женщин-творцов. Образовательная художественная политика государств на рубеже 19–20 веков. Два взгляда – Россия; Германия
Khlupnova E. — Cultural heritage of women creators. Educational art policy of states at the turn of 19–20 centuries. Two views – Russia; Germany 37

Психология

- Бахтина Н. Н.** — К проблеме изучения временной относительности образа мира субъектов труда, работающих вахтовым методом
Bakhtina N. — To the problem of studying the temporary relationship of the image of the world of work entities, working by the shift method..... 42
- Доронина М. И.** — Особенности интеллектуального развития детей младшего школьного возраста с расстройством аутистического спектра
Doronina M. — Features of the intellectual development of children of primary school age with autism spectrum disorder 45
- Козлова В. А.** — Тьюторское сопровождение формирования волевых качеств одаренного ребёнка
Kozlova V. — Tutor support for the formation of volitional qualities of a gifted child 51
- Коротовских Т. В., Пяшкур Ю. С.** — Особенности зрительного восприятия у детей младшего школьного возраста с общим недоразвитием речи III уровня
Korotovskih T., Pyashkur Y. — The peculiarities of visual perception in children of primary school age with general underdevelopment of speech III level.....55
- Кудинов С. И., Имомбердиева Н. М., Эрнazarова Д.** — Психологические основы самореализации карьерных ориентаций российских и сербских студентов
Kudinov S., Imomberdieva N., Ernazarova D. — Psychological bases of self-realization career orientations of the Russian and Serbian students. 61
- Кузнецова Е. С., Морозюк С. Н.** — Взаимосвязь рефлексии и защитной рефлексии матери, воспитывающей ребенка-дошкольника
Kuznetsova E., Morozyuk S. — The relationship of reflection and protective reflection of the mother raising a preschool child 69

Мельник Л. Ю., Гильманова Г. Х., Тухватуллина Л. Р. — Разработка методов исследования и диагностики психического развития человека <i>Melnik L., Gilmanova G., Tukhvatullina L.</i> — Methods for research and diagnosis of human mental development. 72	Философия
Никитина А. Н. — Сравнительный анализ содержания мотивационной сферы людей с разным типом выбора жизненного пути <i>Nikitina A.</i> — Comparative analysis of the content of the motivational sphere of people with different type of selection of the vital way 77	Буйчик А. Г. — Философское осмысление ценности историко-культурного наследия (к вопросу о науке клирономии) <i>Buichik A.</i> — Philosophical understanding of the values of cultural heritage (the question of the science of klironomy) 103
Огуй В. О., Тарасенко А. А., Свириц Е. Н. — Исследование эффективности виброакустического тибетского массажа для снижения уровня тревожности <i>Ogui V., Tarasenko A., Svirshch E.</i> — Research of the efficiency of vibroacoustic Tibetan massage to reduce the level of anxiety. 82	Дударева М. А., Никитина В. В. — Философия языка художественного текста. Апофатическое в поэме М. И. Цветаевой «Царь-Девница» и некоторые восточные культурные параллели <i>Dudareva M., Nikitina V.</i> — Philosophy of language literary text. Apophatic in the poem of Marina Tsvetaeva "Tsarevna" and some eastern cultural parallels 107
Смирнова В. К. — Развитие воображения у студентов педагогических профессий <i>Smirnova V.</i> — The development of imagination in students of pedagogical professions 91	Зайнудинов С. З. — Проблема «слон-муха» в философии <i>Zaynudinov S.</i> — The «elephant-fly's» problem in the philosophy 112
Титова В. О. — Профессиональная этика в структуре принятия решений представителями помогающих профессий (на примере специалистов социальной работы в г. Томске) <i>Titova V.</i> — Professional ethics in the structure of decision-making by representatives of the helping professions (for example, specialists of social work in the city of Tomsk) 95	Лобанова Ю. В. — Манипуляция сознанием: усиление воздействия в информационном пространстве <i>Lobanova Y.</i> — Manipulation of consciousness: increased exposure in the information space. 117
Федоров А. Ф. — Творческий потенциал воспитателя как основа способности устранения конфликтов <i>Fedorov A.</i> — Creative potential of the teacher as a basis for ability to eliminate conflicts 100	Маякова А. В. — Возникновение рисков в социокультурной среде: основные причины и значимые факторы <i>Mayakova A.</i> — The occurrence of risks in sociocultural environment: the main causes and significant factors 121
	Мулина Н. А. — Культурное измерение образования: инновационные вызовы третьего тысячелетия <i>Mulina N.</i> — The cultural measurement of education: the innovative challenges of the third millennium. 126
	Паршикова Г. В. — Сознание через призму языка и синергетики <i>Parshikova G.</i> — Consciousness through the prism of language and synergetics 129
	Информация
	Наши авторы. Our Authors. 132
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 134

СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И КИТАЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

SPECIFICITY OF CULTURAL POLICY OF RUSSIA AND CHINA IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE

K. Gorshenev

Summary. Modern processes cultural processes in China attract the attention of researchers, as this region becomes the center of active interaction between China and Russia. On the one hand, cooperation is developing in different spheres, and on the other hand, the challenges of national security are being actualized. At the same time, each of the countries of the region is turning to new models of impact on its neighbors in the region, while there is a surge of interest in new directions of cultural policy.

The article analyzes the cultural policy of Russia and China, shows the dynamics of cultural policy, highlights the main areas of its implementation and identifies promising directions of its development.

Keywords: China, Russia, cooperation, cultural relations, cultural policy, socio — cultural space, one belt-one road strategy, geo-factors.

Горшенев Константин Константинович
Аспирант, Майкопский государственный
технологический университет
info@mkgtu.ru

Аннотация. Современные процессы культурные процессы в Китае привлекают внимание исследователей, поскольку данный регион становится центром активного взаимодействия между КНР и Россией. С одной стороны, развивается сотрудничество в разных сферах, а с другой — актуализируются вызовы национальной безопасности. При этом каждая из стран региона обращается к новым моделям воздействия на соседей по региону, одновременно отмечается интерес к новым направлениям культурной политики.

В статье проводится анализ культурной политики России и Китая, показывается динамика культурной политики, выделяются основные сферы ее реализации и обозначаются перспективные направления ее развития.

Ключевые слова: Китай, Россия, сотрудничество, культурные связи, культурная политика, социокультурное пространство, стратегия «Один пояс — один путь», гео-факторы.

В условиях геополитических изменений мира, вызванных рядом глобализационных процессов, международные отношения и взаимодействие между государствами развиваются интенсивно и стремительно. В начале XXI в. глобальное развитие стран тесно связано с культурными вызовами. В связи с этим диалог культур и признание культурного разнообразия стало важным средством преодоления кризисов и, что существеннее, предотвращения войн. Культурный компонент в качестве мощного инструмента внешней политики приобретает с каждым годом всё большую актуальность и значимость.

Расположение Китая на евразийском континенте сказывается на формировании Евразийского мировоззрения, поэтому знание китайской культуры имеет решающее значение для России.

Российско-китайские культурные отношения являются актуальным направлением для современной России и Китая, а культурный обмен является важной сферой развития стран.

Когда-то Китай развивал свою культуру в условиях относительной изоляции. Тем не менее, величие, присущее этой стране, росло и достигло силы, когда начался век сотрудничества и взаимопомощи.

Культура, отделенная от всего мира, в современный период не может иметь своего развития.

Изучение категорий «культура», «культурная политика», «внешняя культурная политика» представляет интерес для специалистов различных областей современной

науки: в сфере международных отношений, мировой политики, культурологии, социологии и других гуманитарных дисциплин.

На наш взгляд, научное осмысление данных категорий является ключом к пониманию природы, содержания и механизмов осуществления внешней культурной политики.

В течение последнего десятилетия, как мы можем наблюдать на примере КНР, как формируется тенденция к усилению роли культуры во внешних отношениях государств, а также международных и региональных организаций; использование ее как своего рода катализатора развития и укрепления диалога со странами.

Китайская цивилизация всегда занимала особое место в мире. Она насчитывает уже пять тысяч лет и считается одной из древнейших культур в мире. Китай всегда был интересен для путешественников и исследователей, но довольно долгое время развивался обособленно. Лишь в 20 веке началось активное торгово-экономическое сообщение со страной.

В 1949 году Китай стал социалистической республикой, которой и остается до сих пор. В связи с этим, китайские народные традиции были в почете только до 1966 года, потом же началась культурная революция, которую возглавлял Мао Цзэдун. Она была направлена против развития капитализма и создавалась для того, чтобы помочь утвердить на территории Китая социалистическое государство.

Главными ценностями современного Китая остаются культура и традиции. Великая китайская стена, мастерство строительства, уважение к старшим, каллиграфия, обширное историческое наследие — вот что создает особый интерес у многих стран к культуре Китая, несмотря на различия в образе жизни и даже в языках [2, с. 38].

После распада Советского Союза у стран появился прекрасный шанс перезагрузить отношения. В первую очередь открылись впечатляющие возможности для развития экономического, научного и военно-технического сотрудничества. Официально сегодня отношения характеризуются как стратегическое взаимовыгодное партнерство. Товарооборот между государствами растет, развивается приграничная инфраструктура, растет число китайских туристов в России. Расцвет экономического сотрудничества сопровождается также интенсификацией культурного обмена, возрастает взаимная потребность граждан двух стран в изучении языка партнера.

Студенческий обмен между странами развивается также весьма динамично: многочисленные студенты

из КНР проходят обучение в художественных и технических ВУЗах страны, изучают русский язык на курсах различной продолжительности и пишут диссертации под руководством российских ученых.

Современные российско-китайские отношения затрагивают большое количество сфер жизни и деятельности этих государств: научную, образовательную, экономическую, военную, культурную, социальную и др.

Расширение связей с внешним миром — это основной политический курс Китая. Российско-китайское торгово-экономическое и культурное сотрудничество активно анализируется в работах многих исследователей, но их мнения о наиболее существенных векторах сотрудничества и перспективах его развития разделяются. В связи с этим актуальными становятся анализ и структура ряда сфер российско-китайских отношений, внешнеэкономических связей, возможностей для развития отношений между Россией и Китаем, а также их переход на новый уровень [9, с. 42].

Культура является ключевым фактором, определяющим возможность дальнейшего углубления сотрудничества между двумя странами. Хотя у Китая и России разная культура, они имеют и много общего. Китаю нужна сильная Россия, России нужен сильный Китай. Понимание культурных различий между Китаем и Россией способствует эффективной коммуникации. Укрепление китайско-российских культурных связей поможет содействовать общему развитию двух стран в области политики, экономики, культуры, науки и военных дел.

Обобщаются работы ряда российских, европейских и китайских авторов, что позволяет сделать выводы о различных культурно обусловленных стратегиях и ракурсах исследования инициативы «Один пояс — один путь», о различной культурно обусловленной акцентуации в рассмотрении её идей и проектов.

Например, Минцин пишет: «Стратегия “Один пояс — один путь” необходима для эффективного сотрудничества между Китаем и Россией, она не только укрепит экономическое сотрудничество, но и будет содействовать взаимному уважению регионов, содействовать их совместному развитию на основе взаимного уважения и культурного диалога. Стратегия также повышает общий уровень геополитических и геоэкономических отношений, геополитических и культурных связей» [5, с. 57].

Что касается северо-восточного направления, то эта стратегия ориентирована на отношения между Китаем, Монголией и Россией. В этом направлении уже есть основания для взаимодействия, так как уже ведется ак-

тивное сотрудничество с такими городами, как Хэйхэ и Маньчжурия.

По мнению исследователей, если российский Дальний Восток будет эффективно использовать возможности стратегии «Один пояс — один путь», то он сможет получить больше возможностей, чем другие регионы, тем более что северо-восток Азии является источником сухопутного и Морского Шелкового пути. Реализация данного направления зависит от многих факторов, в том числе от того, что «российское правительство должно работать над преодолением «узких мест» с субрегиональным экономическим развитием в инфраструктуре обеих стран, а также от необходимости активного участия в совместных проектах в рамках экономического сотрудничества».

В данном случае интересная трактовка понятия «геостратегия», где отмечается, что, поскольку гео-отношения и внутренние отношения между гео-экономическими отношениями по существу представляют собой совокупность различных геостратегий, в основе которых лежит географическое положение, гео-стратегические отношения, которые лежат в основе гео-экономических отношений и являются гарантией безопасности гео-культурных связей. В то же время географические и культурные отношения играют ведущую роль в определении направлений и целей культурного сотрудничества.

Д.А. Смоляков считает, что существенная разница между риторикой китайских авторов и риторикой их российских и европейских коллег заключается в том, чтобы подчеркнуть, как реализация проекта «Один пояс и один путь» зависит от культурных и институциональных различий [8, с. 68].

Таким образом, китайский автор С. Сибанг использует «культурная дистанция» и «институциональная дистанция» для описания культурных и институциональных различий, отмеченных в трансграничном сотрудничестве» [7, с. 89].

Культурная дистанция определяется как различие между национальной культурой Китая и странами, с которыми он сотрудничает, что влияет на степень взаимодействия. Институциональная дистанция — это степень сходства или различия между уровнями экономического развития стран-партнеров.

Мы считаем, что с учетом экономического роста Китая можно сделать вывод о том, что, несмотря на растущее число стран, в которые китайские компании инвестируют в последние годы, культурные, институциональные и географические различия по-прежнему являются основными факторами, влияющими на выбор места для иностранных инвестиций, и что представите-

ли китайских компаний предпочитают инвестировать в культурные и географически соседние страны.

Как считает Т.В. Бернюкевич, вопрос о том, как воспринимать реализацию этих идей в приграничных районах, связанных с Китаем, следует рассматривать как российский вопрос, имеющий свои культурные особенности и значительный опыт регионального культурного обмена с приграничными регионами, связанными с Китаем, остается открытым. По его мнению, учет особенностей культуры приграничных регионов и их использование в практике сотрудничества между Китаем и Россией может придать новый импульс развитию приграничных регионов [1, с. 109].

Однако может оказаться, что акцент на культурном потенциале приграничных территорий России отчасти обусловлен стремлением «компенсировать» их социально-экономическую уязвимость по сравнению с нынешним состоянием развития приграничных территорий, связанных с Китаем.

Как подчеркнул В. Гао, будущее инициативы «Один пояс и один путь» напрямую зависит не только от того, насколько развиты, понятны и приняты местные механизмы для осуществления практики сотрудничества на институциональном уровне, но и, что более важно, от того, как эти местные механизмы разрабатываются и находят ответы на культурном уровне [3, с. 9].

Для того, что бы понять специфику культурной политики, рассмотрим основные события, которые происходили между Россией и Китаем в социокультурном пространстве двух стран за последние два года, доказывающие, что культурная политика между двумя странами, в современный период находятся в активной фазе своего развития.

Например, в 2016 году в Минкультуры России состоялось заседание российско-китайской подкомиссии по сотрудничеству в области культуры Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству, где стороны обсудили текущие вопросы сотрудничества в сфере культуры и договорились на основе взаимопонимания и паритетности содействовать дальнейшему развитию обменов в культурной области в интересах народов двух стран.

Так же, учитывая высокую оценку Программы сотрудничества между Министерством культуры Российской Федерации и Министерством культуры КНР на 2014–2016 годы, которая играет важную роль в развитии культурных обменов между нашими странами, стороны подписали программу межведомственного сотрудничества на 2017–2019 годы.

В Шанхае прошла в 2018 году конференция клуба «Валдай» «Россия и Китай: современные вызовы развития», где развернулся вокруг вопросов, связанных с взаимным восприятием элиты, СМИ и общества Китая и России, а также роли традиционной культуры в современном мире и отношениях двух стран.

Итоги конференция, показали, что обе страны являются великими культурными державами, но культурные связи между ними нуждаются в совершенствовании. Например, среди 20 самых продаваемых в Китае книг нет ни одной российской. То же самое касается и слабого присутствия китайской культуры и литературы в России.

По мнению Ц. Сяофэнь, в современном Китае культура не является чем-то остаточным, она играет роль в политике и в международных отношениях. Китайские ценности выходят в мир, дополняя там китайское материальное присутствие. Поэтому они важны и интересны уже не только для культурологов, но и для понимания современной политики, роли Китая в мировых делах. При этом традиционная культура и философия тесно переплетаются с идеями марксизма, и для понимания китайской политики нужно понимать не только Конфуция, но и Маркса, и Мао Цзэдуна. Богатство китайской культуры часто даже затрудняет её понимание [9, с. 42].

Л. Кун, считает, что пока Китай знает и понимает Россию лучше, чем Россия знает и понимает Китай. Важным выводом стал тезис о том, что в культурном отношении важным преимуществом является то, что существующие культурные различия не означают враждебности. Китай и Россия будут стремиться к общим целям, которые смогут сблизить культуры разных народов [4, с. 107].

Таким образом, дискуссии показали высокое качество китайско-российского экспертного диалога, искренность и способность открыто обсуждать самые важные вопросы не только двусторонних отношений, но и мирового развития.

Россия и Китай вступают в новый мир, который они сами должны формировать, а речи о доминировании за-

падных медиа в России и Китае речь уже не идёт, более того Россия перешла в информационное наступление, вырабатывая общий политический и информационный язык.

Колоссальный уровень взаимного доверия в политике между Россией и Китаем, как подчеркнул Фу.Л., дополняется уже и растущими связями на уровне бизнеса и общества. И, несмотря на то, что отношения между политическими элитами оставляют пространство для совершенства, будущее определяют именно широкие массы и политические руководители [10, с. 198].

В настоящее время Китай и Россия проявляют стремление к непрерывному укреплению отношений в различных областях: в области внешней политики, экономического и культурного сотрудничества, а именно культурные связи между Россией и Китаем имеют давнюю историю [11].

Таким образом, укрепление дружественного сотрудничества идет не только по пути сохранения наследия прошлого, но и по пути создания платформ культурного взаимодействия, нацеленных в будущее.

Как показало исследование, в современный период Россия и Китай стремятся к более тесному сотрудничеству для создания нового партнерства на основе взаимного доверия, а также для создания единого культурного пространства.

Китай стал экономическим и политическим гигантом Восточной Азии и зарекомендовал себя как мощная не только региональная, но и глобальная сила.

Именно это определяет приоритетную роль, которую может сыграть партнерство с Китаем для реализации национальных интересов России, и именно в китайском направлении происходит укрепление наиболее эффективной роли России.

Роль китайской культуры трудно переоценить, т.к. она имеет основополагающее значение для России и для развития идеи национальной самоидентификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернюкевич, Т. В. Культурно обусловленные стратегии и аспекты исследования инициативы «Один пояс — один путь» [Текст] / Т. В. Бернюкевич, Я. Сунь, Н. В. Головкин // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2018. — Т. 8. — № 4. — С. 109–125.
2. Владимирова, Д. А. Межкультурный диалог России и Китая: культурная политика и репрезентация идентичности [Текст] / Д. А. Владимирова, Е. С. Задворная // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. — 2017. — № 3. — С. 38–44.
3. Гао, В. История культурных связей России и Китая в рамках становления китайской стратегии «Один пояс — один путь» [Текст] / В. Гао // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2018. — № 5. — С. 9–13.
4. Кун, Л. Китайско-российская межкультурная коммуникация [Текст] / Л. Кун // Университетский научный журнал. — 2018. — № 40. — С. 107–114.

5. Минцин, В. Исследование отношений геоэкономики между Северо-Востоком Китая и Дальним Востоком России: дис. . . . докт. наук. — Северо-Восточный Педагогический университет (Northeast Normal University, г. Чанчунь, пров. Цзилинь). — С. 57.
6. Самойлова, М. П. Культурно-образовательный аспект в политике «мягкой силы» Китая и России [Текст] / М. П. Самойлова, Е. А. Лобанова // *Juvenis scientia*. — 2017. — № 11. — С. 34–37.
7. Сибау, С. Культурная политика в российско-китайских отношениях [Текст] / С. Сибау // В сборнике: Социокультурная динамика Иркутской области в XX — начале XXI века материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — 2017. — С. 89–90.
8. Смоляков, Д. А. Перспективы российско-китайского гуманитарного сотрудничества в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь» [Текст] / Д. А. Смоляков // *Образование и наука*. — 2018. — Т. 20. — № 7. — С. 68–89.
9. Сяофэнь, Ц. Отношения РФ и КНР в культурно-гуманитарной сфере [Текст] / Ц. Сяофэнь // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. — 2017. — № 4 (14). — С. 42–48.
10. Фу, Л. Имидж Китая в России: формирование образа страны в контексте инициативы «Один пояс и один путь» [Текст] / Л. Фу, И. Ма, Ф. Ху // *Научный диалог*. — 2018. — № 6. — С. 198–208.
11. Не спиной к спине, а лицом к лицу. Как культурные традиции влияют на политику России и Китая? [Электронный ресурс] URL: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/kulturnye-traditsii-politika-rossii-kitaya/>.

© Горшенев Константин Константинович (info@mkgtu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Майкоп

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗДЕЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ СФЕР

TO A QUESTION OF NEED OF DIVISION OF EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC SPHERES

M. Danilova
G. Blokhovtsova
N. Plotnikov

Summary. modern society is at a stage of deep transformations which affect all main spheres of human life, including science and education. Rates of modern growth of scientific knowledge call into question of a possibility of its adequate judgment as volumes of scientific information were beyond informative abilities of the certain person. The increasing relevance is acquired by a question of orientation in the world of already existing scientific developments. Not the smaller value has also that against the background of a modern shaft of scientific information valuable research developments can easily get lost. Therefore, becomes acute a question of a quality priority over quantity in the scientific sphere. In this regard within the present article it is asked about relationship of institute of education and institute of science in modern social practice and also tradition of performance of qualification scientific works. A research object — social institutes of science and education. An object of research — consequences and the prospects of integration of scientific and educational spheres. A research objective is reflection of the negative trends connected with excessive rapprochement of educational and scientific spheres. During the research the following positions are proved:

1. The modern science is in crisis state that is connected with insufficient judgment of results of research activity.
2. One of the reasons of problems with judgment of scientific information is existence of the numerous, cyclically repeating each other works which do not have real scientific novelty.
3. A source of these publications is practice of writing of qualification works for gaining access to training, the final diploma, etc.
4. The translation of science from the status of the purpose in the status of means leads to depreciation of scientific activity and formation pragmatical, in many respects the technical relation to science.
5. Excessive binding of institutes of science and education leads to their mutual restriction that interferes with their further development.

Keywords: science, education, qualification work, scientific publications, deformation of the relation to science.

Данилова Марина Ивановна

Д. ф. н., профессор, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)
madary@mail.ru

Блоховцова Галина Геннадьевна

К. ф. н., доцент, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)
ggb_@rambler.ru

Плотников Наполеон Валерьевич

К. ф. н., независимый исследователь
dartana@bk.ru

Аннотация. современное общество находится на стадии глубоких преобразований, которые затрагивают все основные сферы жизни человека, включая образование и науку. Темпы современного роста научного знания ставят под вопрос возможность его адекватного осмысления, поскольку объемы научной информации вышли за рамки познавательных способностей отдельного человека. Все большую актуальность приобретает вопрос ориентирования в мире уже существующих научных разработок. Не меньшее значение имеет и то, что на фоне современного вала научной информации легко могут затеряться ценные исследовательские разработки. Поэтому со всей остротой встает вопрос о приоритете качества над количеством в научной сфере. В этой связи в рамках настоящей статьи ставится вопрос о взаимоотношениях института образования и института науки в современной социальной практике, а также традиции выполнения квалификационных научных работ. Объект исследования — социальные институты науки и образования. Предмет исследования — последствия и перспективы интеграции научной и образовательной сфер. Целью исследования является отражение негативных тенденций, связанных с чрезмерным сближением образовательной и научной сфер. В ходе исследования обоснованы следующие позиции:

1. Современная наука находится в кризисном состоянии, что связано с недостаточным осмыслением результатов исследовательской деятельности.
2. Одной из причин проблем с осмыслением научной информации является наличие многочисленных, циклически повторяющихся друг друга работ, не имеющих реальной научной новизны.
3. Источником этих публикаций является практика написания квалификационных работ для получения доступа к обучению, выпускного диплома и т. д.
4. Перевод науки из статуса цели в статус средства приводит к обесцениванию научной деятельности и формированию прагматического, во многом технического отношения к науке.
5. Чрезмерное связывание институтов науки и образования приводит к их взаимному ограничению, что препятствует их дальнейшему развитию.

Ключевые слова: наука, образование, квалификационная работа, научные публикации, деформация отношения к науке.

Развитие человечества происходит крайне неравномерно. Качественные изменения в жизни людей, которые ранее происходили в течение столетий, в настоящее время реализуются в течение 20–30 лет, что позволяет большинству людей приобрести опыт «жизни в нескольких эпохах» [5]. Казалось бы, кардинальные изменения в обществе и культуре, связанные с развитием радио и телевидения, сменились современной эрой цифровых разработок.

Происходящие изменения затрагивают не только культуру. Одним из важнейших направлений, претерпевающих глубокую трансформацию, становится область науки [3]. Благодаря сомнениям и поискам неординарно мыслящих личностей, общество неуклонно движется вперед, преобразуя уже познанное и освоенное [1]. Однако ситуация, когда каждые несколько лет происходит удвоение объемов научного знания, заставляет поставить крайне важный вопрос об условиях ориентирования в сфере современных научных разработок и применимости критерия новизны к современным научным исследованиям. Для того чтобы оценить уровень новизны научного исследования, необходимо знать основные существующие достижения в данной сфере. Однако тенденция такова, что с нынешними темпами роста объемов научного знания это становится практически невозможным. Как результат — мы имеем дело с неспособностью научного сообщества производить точную оценку новизны научных исследований, что позволило бы ранжировать их по степени оригинальности излагаемых идей или (если речь идет о реферативных работах) — полностью отражения научной информации по конкретной теме.

В этих условиях актуализируется один аспект, на первый взгляд, не имеющий прямого отношения к затрагиваемой проблеме — отношение науки и образования в современной социально-культурной практике.

Не секрет, что многие известные научно-исследовательские центры сформированы на базе крупных университетов. Это логично с позиции того, что многие ученые являются также преподавателями, а обретение научной степени связано, в том числе, с прохождением соответствующего обучения в рамках существующих университетов. По факту, порядок защиты квалификационных научных работ предполагает непосредственное участие в данном процессе университетов, что тесно связывает научную и образовательную сферы на институциональном уровне (при этом, что немаловажно, возможность продвижения научной работы предполагает, как необходимое условие,хождение педагогической практики). Существует и обратная сторона данного явления — одним из значимых условий возможности осуществления преподавательской деятельности является наличие ученой степени. Таким образом, связь между на-

учной и образовательной сферой является двусторонней: для того, чтобы преподавать в вузах, необходимо быть ученым с подтвержденной научной степенью и, в свою очередь, для того, чтобы продвигаться в научной сфере, необходимо быть включенным в институциональную сферу университетов. Что немаловажно, в отечественной практике защиты докторских диссертаций одним из важных критериев оценки соискателя является стаж преподавательской деятельности. Данный факт еще раз подтверждает тесную связь между сферами науки и образования в современных практиках их организации. Однако возникает серьезный вопрос относительно того, насколько оправданным является такой подход и, в частности, с какими издержками связана его реализация.

Для того чтобы отразить тенденции отношений между областями науки и образования, обратим, для начала, внимание на такой аспект, как квалификационный характер отдельных научных работ.

Понятие квалификационного исследования характеризует целевой аспект производимой работы, связанный с демонстрацией навыков поиска, анализа и обработки научной информации. Иными словами, квалификационная работа — это одна из форм экзаменационных испытаний, ориентированных на выяснение профессиональных качеств соискателя. В современной университетской практике выполнение квалификационных работ является широко распространенным явлением: начиная с первого курса обучения, студенты выполняют курсовые работы, а итоги всего обучения подводятся, в том числе, благодаря реализации дипломного проекта.

При современном уровне развития образования, когда ежегодно студентами вузов становятся сотни тысяч молодых людей [2], количество ежегодно производимых квалификационных работ превышает миллионную отметку. При этом, на первых годах обучения, глубокий всесторонний анализ поставленной проблемы и ее оригинальное решение выступает скорее исключением из правила, в то время как большинство производимых работ носят реферативный характер и лишь в различных формулировках повторяют одни и те же общеизвестные (и представленные в наиболее известных публикациях) факты. Сколь-нибудь серьезной исследовательской работы можно ожидать от дипломных проектов, однако здесь в дело вступает чисто социологическое расхождение в целях, преследуемых студентами и их распределение по критерию заинтересованности в научной деятельности. Обязательность выпускной работы определяет то, что большое число студентов, не заинтересованных в науке и не питающих к ней интереса, создают свои исследования с изначально определенной целью «сдать квалификационную работу».

Рассмотренная выше тенденция увеличения объемов научной информации во многом реализуется за счет бездумного, многократно циклически повторяемого процесса реферативного отражения общеизвестной информации в рамках студенческих квалификационных работ. При этом решить вопрос о качестве студенческих работ крайне проблематично: повышение «планки» приведет к тому, что большая часть студентов, которые получают образование для дальнейшей профессиональной деятельности по специальности, окажутся неспособны к выполнению квалификационной работы и, соответственно, не смогут получить то социальное развитие, которое традиционно дает сфера образования. Вместе с тем, критерии оценивания квалификационных работ, будучи явно заниженными, не позволяют относиться к ним серьезно. Как итог — те из молодых исследователей, кто действительно вкладывает серьезный труд в формируемую квалификационную работу, сталкиваются с демотивирующими суждениями о том, что «это никто не читает», иными словами — о бессмысленности работ такого уровня и их нулевой ценности для научного сообщества. Обязаловка в осуществлении научной деятельности приводит к ее обесцениванию.

Если рассмотреть в данном отношении современную сферу образования, приходится признать, что здесь также присутствует момент необходимости сдачи квалификационных работ, однако речь о работах более высокого порядка — кандидатских и докторских диссертационных исследованиях. Если некоторое время назад диплома специалиста было достаточно для трудоустройства по специальности «преподаватель», то в настоящее время общей тенденцией становится ужесточение требований к преподавательскому составу, в связи с чем кандидатская степень становится необходимым условием преподавательской деятельности. Таким образом, для педагогического состава высших учебных заведений научная деятельность становится необходимым профессиональным требованием.

Причины подобного рода практики вполне ясны. Самостоятельное выполнение квалификационной работы требует развития навыков обучения, поиска и анализа информации, постановки и решения проблем и т.д., что для студентов является значимым опытом. Если говорить о преподавательском составе, то здесь также понятно стремление к тому, чтобы в университетах преподавали люди, продвигающие науку и, фактически, дающие уникальное знание «из первых рук». Однако так складывается ситуация лишь в теории, поскольку чтение авторских спецкурсов в узких областях исследований — крайне малораспространенная в отечественной образовательной системе практика. То есть, по факту, речь идет о преподавании общих курсов, в которых факт конкретного открытия, совершенного преподавателем, не игра-

ет решающей роли в процессе передачи общего знания по дисциплине.

Мы не утверждаем, что необходимо жесткое разграничение образовательной и научной сферы. Осуществление исследований внутри университетов, равно как и доступ студентов к научно-исследовательской деятельности — ценная традиция. Однако она остается таковой только в том случае, если наука продолжает оставаться целью, а не переходит в разряд средства получения статуса, возможности получения конкретной должности (как это имеет место в текущей ситуации, когда доступ к преподаванию определяется ученой степенью). Прагматичное отношение к науке и образованию, их обесценивание в системе современных отношений — это одна из опасностей настоящего времени [4]. Обязательность достижений в науке для всех — это принцип, возможно, полезный для образовательной практики, однако крайне сомнительный в деле продвижения науки, которая является элитарной сферой приложения интеллектуальных способностей человека. Между тем, современный способ организации института образования закладывает именно такое, прагматическое отношение к науке, рассматривающее псевдонаучную деятельность как средство достижения цели. В итоге утрачивается дух познания, а основным итогом становится очередная квалификационная работа.

Назначение квалификационных работ имеет свои причины и функции, и потому мы не выступаем за их простую отмену. Как таковые, квалификационные работы представляют собой важный способ, с одной стороны, развития личных качеств, с другой — их проверки. Однако, на наш взгляд, более оправданным было бы не производимое в настоящее время практически насильственное сближение науки и образования (пример тому — включение в современную практику обучения в отдельных вузах требований по осуществлению студентами научных публикаций), а, напротив, разграничение между сферами образования и науки.

В пользу последнего может быть приведен следующий аргумент. Взаимозависимость образования и науки приводит к тому, что в настоящее время получить развитие (в том числе и статусное) в научной сфере может либо гений, либо человек, участвовавший в профессиональной преподавательской деятельности. И, напротив, преподавание в университете доступно лишь тем людям, кто хорошо себя зарекомендовал на научном поприще. Вместе с тем, набор личных качеств, необходимых для осуществления научно-исследовательских разработок разительно отличается от набора личностных качеств, необходимых для осуществления преподавательской деятельности. В соответствии с этим можно прийти к выводу о том, что помимо людей, имеющих талант и в нау-

ке, и в образовательной деятельности, имеют место быть люди, способные к науке, но неспособные к преподаванию, а также люди, имеющие хорошие данные для участия в преподавательской деятельности, но не предрасположенные к развитию науки.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что попытка чрезмерного сближения науки и образования приводит к ряду неблагоприятных последствий. Бесцельное увеличение объемов научной информации представляет собой лишь одно из них. Кроме этого следует отметить деформацию в отношении к науке, которая рассматривается как средство достижения статуса (что зача-

стую приводит к профанации науки), а также проблемы с трудоустройством у людей, не имеющих развитых способностей одновременно в обеих областях (наука и образование), но имеющих талант в какой-то одной (например, талантливые ученые, не имеющие развитых коммуникативных навыков, или выдающиеся педагоги, не склонные к самостоятельным научным изысканиям). Таким образом, понимание подлинного смысла образовательной и научной деятельности представляет собой важный шаг на пути их развития, с одной стороны, с другой — возвышения, поскольку в настоящее время, как это ни парадоксально, они зачастую выступают друг для друга в качестве ограничивающего фактора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блоховцова Г. Г. Социокультурный потенциал гуманитарного творчества в искусстве, науке и образовании: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Галина Геннадьевна Блоховцова. — Ростов н/Д.: Южный федеральный университет, 2011. — 167 с.
2. В Минобрнауки сообщили об увеличении количества студентов-бюджетников в 2018 году. Информационное агентство ТАСС // URL: <https://tass.ru/obschestvo/5505642> (дата обращения 17.02.2019)
3. Данилова М. И. Наука и философия на пути нового единства / Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1 (32). С. 225а-226.
4. Данилова М. И. От традиций «служения» к «образовательным услугам». В сборнике: Качество современных образовательных услуг — основа конкурентоспособности вуза (сборник статей по материалам межфакультетской учебно-методической конференции). — Краснодар, 2016. С. 170–172.
5. Капица С. П. Парадоксы роста: Законы развития человечества. — М.: «Альпина Нон-фикшн», 2010. — 192 с.

© Данилова Марина Ивановна (madary@mail.ru),
madary@mail.ru (ggb_@rambler.ru), Плотников Наполеон Валерьевич (dartana@bk.ru).
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Краснодар

ТРАДИЦИИ МЕДЛЕННОГО ПИТАНИЯ В ПИЩЕВОЙ КУЛЬТУРЕ АЛТАЙЦЕВ

Енчинов Эркин Валериевич

К.и.н., с.н.с., БНУ Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», (г. Горно-Алтайск)
enchinov_e@mail.ru

THE TRADITION OF SLOW FOOD IN THE FOOD CULTURE OF THE ALTAI

E. Enchinov

Summary. The article discusses the features of the traditional cuisine of the Altaians. The basis of food in the Altai culture was dairy, meat and vegetable food. For example, eating meat of lamb, the cooking begins with the time of slaughtering the animal: blood sausage, grilled meat with bacon, boiled heart, kidney, spleen, ribs, a delicacy from the innards of derham, meat soups. Preparation of traditional dishes according to tradition, is measured and takes several hours, and the consumption of dishes is carried out without haste. At the beginning of XXI century. customs and food culture have become part of traditional knowledge and serve as an expression of ethnic identity.

Keywords: Altaians, ethnography, traditions, custom, rite, ritual, meat, food consumption.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности традиционной кухни алтайцев. Основу питания в алтайской культуре составляла молочная, мясная и растительная пища. На примере мясной пищи из баранины, приготовление блюда начинается с момента забоя животного: кровяная колбаса, жаренное мясо с грудки, варенное сердце, почки, селезенка, ребра, деликатес из внутренностей дьергом, мясные супы. Приготовление традиционных блюд согласно традиции, ведется размеренно и занимает несколько часов, также потребление блюд ведется без спешки. На начало XXI в. обычаи, культура питания стали частью традиционных знаний и служат выражением этнической идентичности.

Ключевые слова: Алтайцы, этнография, традиции, обычаи, обряд, ритуал, мясо, потребление пищи.

Тематикой алтайской пищевой традиции, на протяжении XIX–XXI вв. занимались такие исследователи, общественные и религиозные деятели как, Н. Я. Бичурин, В. И. Вербицкий, В. В. Радлов, Г. Н. Потанин, С. П. Швецов, Л. П. Потапов, Ф. А. Сатлаев, Н. И. Шатинова, В. П. Дьяконова, Н. А. Тадина, С. П. Тюхтенева, В. Е. Санашкина и многие другие.

Из сообщений китайских летописей, относящихся к первым векам до нашей эры, можно узнать, что кочевники умели изготавливать кумыс и сыр [3, с. 58, 142]. Молоко ранние кочевники Алтая употребляли в кислом виде, в условиях жизни кочевников сохранить его от скисания было невозможно. Хлебная пища была распространена на Алтае и в первой половине XII в. По данным археологических раскопок видно, что здесь получило развитие земледелие с применением искусственного орошения [9, с. 40].

Ценные данные о пище алтайцев содержатся в русских письменных источниках XVII и первой половины XVIII вв. Значительный материал о пище содержится в фольклоре алтайцев, особенно в исторических преданиях и героическом эпосе [1, с. 245].

Традиционную основу питания в алтайской культуре составляла молочная, мясная и растительная пища (дикоросы, просо, ячмень). Формированию традиционной мясомолочной и растительной основы пищи способствовал ландшафт, история, традиции, этногенетические связи алтайцев сформировавшие пищевые модели, тесно связанные с хозяйственно-культурным типом. Как отмечает С. А. Арутюнов, именно характер и способ получения основных пищевых продуктов служат главным критерием выделения тех или иных ХКТ [2, с. 8].

В данной статье мы остановимся только на пище из мяса домашних животных, а именно барана. Относительно вообще мясной пищи, коренное население региона издревле употребляло мясо:

- ◆ домашних животных (лошади, крупного и мелко рогатого скота, яка, верблюда);
- ◆ диких зверей (косули, марала, дикого козла, суслика, барсука, медведя, глухаря, рябчика и др.);
- ◆ речных и озерных рыб (сибирского хариуса, тайменя, ускуча, окуня, карася, щуки и др.).

В 80–90-х гг. XX в. на волне возрождения культуры традиционные блюда, длительное время имевшие низ-

кий статус, как пища прошлого и исторический пережиток, обретают новую актуальность.

Свидетельством былого низкого статуса традиционных блюд, особенно пищи из субпродуктов домашних животных, являются заметки историков, этнографов, литераторов, относительно оценок населением своей пищевой традиции. Например, в статье Л.П. Потапова «Алтайская пища» исследователь описывает традиционное блюдо из вывороченной, тщательно промытой прямой кишки лошади (*карта*): «Мой напомнимания в 1939 г. об этом кушанье колхозникам алтайцам в Усть-Канском районе вызвали дружный смех. Однако один из пожилых алтайцев из Яконурского колхоза им. К. Маркса, заметил, что 'некоторые и теперь едят *карта*, так как она бывает очень жирной'. Его замечание вызвало новый взрыв смеха присутствующих, особенно молодежи. Все на перебой стали утверждать, что *карта* теперь бросают собакам» [9, с. 57].

Процесс реабилитации традиционной кухни в 1990-х гг., помимо процессов культурного возрождения, был усилен затянувшимися структурными реформами, когда основным поставщиком продуктов на стол становится огород и личное подсобное хозяйство. В пореформенное время, домашнее хозяйство актуализирует в первую очередь традиционные знания о национальной кухне.

Отметим, что общей базой для возрождения традиционной культуры послужили сохранившиеся традиционные знания, которые в свою очередь получили в конце XX в. определенную юридическую базу. Так понятие «традиционные знания» вошли в установочные международные документы «Конвенции о биологическом разнообразии» от 1992 г. [7] (ратифицированной Российской Федерацией от 1995 г.), Всемирной организации интеллектуальной собственности (Межправительственный комитет по традиционным знаниям, генетическим ресурсам и фольклору 2000 г.). В международных документах «традиционные знания» используется для обозначения всех объектов, относящихся к жизнедеятельности народов. Традиционные знания определяются как знания, которые являются результатом интеллектуальной деятельности многих поколений и включают умения, навыки, методы, воплощенные в традиционном образе жизни сообществ или народов, и содержатся в системах знаний, передаваемых между поколениями. Эти знания не ограничены какой-либо определенной сферой деятельности, они имеют отношение как к окружающей среде, так и к любой другой сфере деятельности, связанной с традиционным укладом жизни. Традиционные знания также отражают способ адаптации человеческих сообществ к окружающей среде, как природной, так и социальной [4, с. 4].

Со стабилизацией экономики и формированием новых вкусовых и гастрономических пристрастий у населения, связанных с такими факторами как урбанизация, массовое потребление и глобализация культуры, традиционная кухня занимает свою нишу и ассоциируется с такими представлениями как экологичность, натуральность, сбалансированность. Также в последнее время появляется представление о традиционной кухне как о медленной пище/кухне.

Известно, что в 1989 г. на базе объединения итальянских энтузиастов здорового и традиционного питания создается ассоциация «Слоу Фуд» («Slow Food»). Позиционирующая себя как своего рода альтернативу системе «фастфуда», нивелирующую национальные традиции и уничтожающую многовековую культуру питания. Свою миссию ассоциация определяет, как триединую: пропаганда экологически чистой системы питания, бережно относящейся к традициям и сохраняющей культурную идентичность, защиту биологического разнообразия и связанных с ней традиционных аграрных производств, просвещение в вопросах культуры питания и его изучение, памятуя о том, что «народные гастрономические традиции не ограничиваются пределами кухни» [6, с. 5].

В этом отношении домашнее приготовление пищи в современном алтайском обществе называется одним из главных плюсов традиционной кухни. При этом блюда традиционной алтайской кухни требуют значительного времени в своем приготовлении. Взаимосвязь традиционная алтайская кухня и ценности системы «Slow Food» видятся в отношении людей к пище, к процессу приготовления пищи, где потребление на ставится исключительной самоцелью, а творческим процессом, культурным диалогом между людьми.

В потреблении баранины можно выделить несколько этапов: подготовительный, забой, приготовление блюд из субпродуктов и приготовление блюд из мяса.

Подготовительный этап состоит в том, что барашек должен соответствовать определенному возрасту, минимальным является год, полтора года, менее года считается напрасным забоем, т.к. мясной и общей пищевой массы у такого животного мало, ожидание в полтора года считается оптимальным. Когда барашек соответствует возрасту его отделяют от отары иногда нескольких, несколько дней, недель могут держать на усиленном откорме и после производят забой.

Существовало два способа производства забоя овец. При первом барану связывали ноги, валили на бок, перерезали горло, кровь выпускали в деревянное корытце. Второй способ, «наиболее древний, также распространенный у монголов, бурят состоял в том, что барана вали-

ли на спину, чуть ниже груди делали небольшой надрез в 10 см. просовывали туда руку, разрывали диафрагму и [обрывали брюшную — Э.Е.] аорту. Кровь оставалась за стенками диафрагмы, откуда она вычерпывалась и собиралась в корытце» [9, с. 54].

Второй способ у алтайцев считается наиболее приемлемым, так как при забое кровь не проливается на землю, практически полностью исключается попадание пищевых отходов в кровь. Подобные традиционные способы забоя скота способствовали чистоте сбора крови животного. Согласно народным верованиям, потеря крови и разрушение целостности костей животных уносят удачу в разведении скота [11, с. 118].

После забоя животного и извлечения крови для изготовления *кан*, из брюшной полости также извлекаются все внутренности, обычно их сразу перекалывают в большой таз или какой-нибудь чистый настил, накрытый клеенкой, целлофаном.

В алтайской пищевой традиции кровяная колбаса является деликатесом и обычно она является первым угощением после забоя овцы, время ее приготовления в среднем 10–12 минут. Чистота кровяного раствора также является обязательным требованием, т.к. с первого блюда всегда производится ритуальное кормление духа огня и подношение должно быть, как в ритуальном, так и в физическом плане чистым.

Все внутренности уносятся в сторону от туши животного, где и происходит их вскрытие, очистка и промывка в теплой воде. Внутренности тщательно промываются, воду меняют обычно 3–4 раза. Промывают обычно два человека, преимущественно данным трудом занимаются женщины и молодые девушки, т.к. во время промывки нужны не грубые мужские руки, а гибкие женские пальцы, способные тщательно очистить субпродукты от пищевых отходов. Умение справляться с очисткой внутренностей забитого животного, со слов информантов, служит показателем трудовой компетентности молодой девушки, особенно той категории девушек, которые находятся на выданье.

Когда весь необходимый продуктовый набор для изготовления *дёргём* промыт (внутреннее сало (*карын-дю*), желудок (*карын*), тонкие кишки), приступают к нарезке желудка и внутреннего сала, нарезают в виде лент, по всей их длине. Полученные ленты оплетаются крестообразным способом тонкими кишками в «косичку» длиной до 1 метра. Описанная технология изготовления *дёргём* также была описана в 50-х гг. XX в. Л. П. Потаповым [9, с. 56] и спустя более полувека не претерпела изменений. Как и прежде заплетают *дёргём* два человека, один держит жгуты из внутреннего сала и желудка, а второй оплетает их тонкими кишками [5, с. 219].

Приготовление того же *дёргём* занимает достаточно много времени, как и всех остальных блюд из внутренних органов. Согласно канонам приготовления *дёргём*, в идеальном плане, он должен быть изготовлен и сразу же сварен, и съеден в горячем виде. Приготовление домашней еды объединяет семью и род, большинство традиционных алтайских блюд должно готовиться как минимум двумя людьми, которые во время готовки ведут спокойную и размеренную беседу. При этом работает императив, «спешка первый враг качественной пищи», блюда должны хорошо провариться, но не развариться [5, с. 221].

Большим лакомством считается жаренная на горячих углях грудинка барана *керзен* [10, с. 48], которая срезается с туши вместе с кожей и шерстью. Грудинку нанизывают на шпажку или деревянную рогатину *тиш* и жарят, шерсть и кожа обгорая придают мясу тонкий запах и привкус дыма, что считается приготовленным по традициям. Также на углях готовили мясо таким же способом как обычно готовят шашлык, но с той разницей, что не используют разного рода маринады и на одну палочку приходится один хороший кусок, но не слишком большой, чтобы он лучше прожарился. Деликатесами считаются варенные селезенка *телююн* начиненная салом с луком, и жаренная печень *буур*.

Из мясных супов готовят *дьарма* (из обрушенных жаренных зерен ячменя) и *кёчё* (из ячменной перловки) [13, с. 127]. Для приготовления *дьарма* или *кёчё*, мясо отваривается в подсоленной воде с добавлением крупы, варится на медленном огне от часа и более, после приготовления основным блюдом является мясо, выложенное в деревянное корытце с нарезанным луком, собственно суп употребляется как дополнение к мясу. При этом *кёчё* часто готовится как самостоятельное блюдо, даже без большого количества мяса, где главным условием является наличие кости/костей, желательна с костным мозгом, необходимых для формирования бульона [8, с. 203].

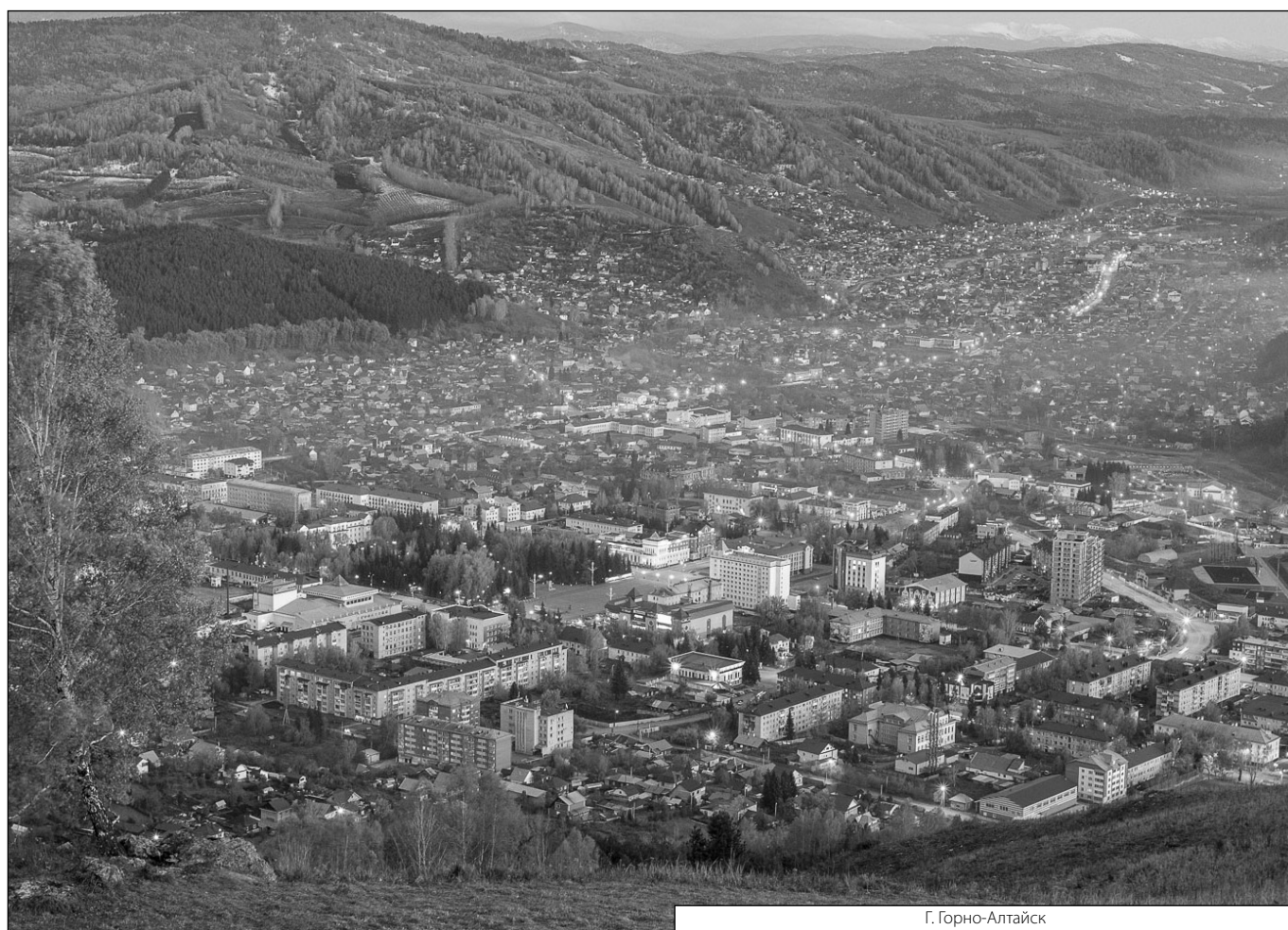
Таким образом, традиционная алтайская кухня, в частности приготовление блюд из баранины, является ярким выражением процессов социокультурной адаптации населения к природно-климатическим условиям и культурным взаимодействиям, нашедших отражение в способах потребления пищи. Медленный, растянутый во времени процесс приготовления мясных блюд оказался наиболее приемлемым, хорошо проваренное мясо легче прожевывается, в том числе детьми и пожилыми людьми и как следствие лучше усваивается. Время приготовления традиционных блюд, не является потраченным только на процесс собственно готовки, в это время идет активный процесс экстраполяции традиционных знаний от старшего поколения к младшему, охватывающий вопросы материально и духовной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие / редколл. Н. В. Екеев (отв. ред.), Н. М. Екеева, Э. В. Енчинов; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. — Горно-Алтайск, 2014. — 464 с.
2. Арутюнов С. А. Карта культуры питания народов мира // Этнографическое обозрение. № 1, 2011. — С. 7–16.
3. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. — М.-Л., 1950. — 471 с.
4. Ботоканова Г. Т., Доолбекова Ж. Б. К экспликации понятия «традиционные знания» // Manas Journal of Social Studies. — Т. 2. — № 8. — С. 1–15.
5. Енчинов Э. В. Дьергом — престижное потребление в алтайской традиции питания // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 год. Вып. 13: Материалы XIII международной научно-практической конференции. — Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018. — С. 216–222.
6. Кабицкий М. Е. Введение в тему: антропология пищи и питания сегодня // Этнографическое обозрение. № 1, 2011. — С. 3–7.
7. Конвенция о биологическом разнообразии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения — 18 апреля 2019 года).
8. Конструирование общероссийской, региональной и этнической идентичности в Республике Алтай (конец XX — начало XXI веков) / Редколлегия: Н. О. Тардышева, Э. В. Енчинов; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. — Горно-Алтайск, 2018. — 336 с.
9. Потапов Л. П. Пища алтайцев (этнографический очерк) // Сб. МАЭ. — М.-Л.: Наука. 1953. — Т. XIV — С. 37–71.
10. Санашкина В. Е. Алтайская кухня. — Горно-Алтайск, 1995. — 48 с.
11. Тадина Н. А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). — Горно-Алтайск: Юч-Сюмер — Белуха, 1995. — 207 с.
12. Хозяйственно-культурный комплекс Горного Алтая: трансформации и традиции (конец XX — начало XXI вв.) / Отв. ред. Н. В. Екеев, Э. В. Енчинов; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. — Горно-Алтайск, 2016. — 252 с.

© Енчинов Эркин Валериевич (enchinov_e@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Горно-Алтайск

SYMBOLISM IN MEDIEVAL CHESS

V. Martish

Summary. The author considers symbolism in medieval chess, in his opinion, during this period the chess Board and figures were filled with valuable values. The author conclude that the game was not only a social structure of medieval Europe, but was also filled with a significant moral and religious meaning.

Keywords: chess, symbolism, chessboard, pieces, middle ages.

В современном западном обществе игра в шахматы — это просто игра, форма досуга, подпитываемая желанием отвлечься от мирской, повседневной жизни, наполненной постоянными трудностями и напряженным трудом. Для некоторых значение игры может быть глубже, как сильную решимость участвовать в конкуренции и необходимость превзойти других игроков. Однако в средневековом обществе простая шахматная доска и сопутствующие ей фигуры были намеренно наполнены определенными ценными значениями. Игра сама по себе была значительной иллюстрацией средневекового общества, символом, который представлял социальный статус, моральные ценности, религиозный смысл и даже космическое значение. Средневековое отношение к шахматам и к другим видам развлечений было чрезвычайно сложным и насыщенным мощной смесью метафоры и морали, которая определяла европейское общество в Средние века.

Истоки популярной игры, которая воплотила в себе ценности средневековой Европы, остаются предметом научных дискуссий и по сей день. Как игра, включающая шахматную доску и фигуры, которые перемещаются только в рамках строгих правил, шахматы, вероятно, находят свои корни в игре с четырьмя игроками, которая возникла в Китае, хотя первые письменные записи, ссылающиеся на шахматы, можно найти в Индии. Действительно, игра в шахматы, в которую играли средневековые европейцы, имеет поразительное сходство с чатурангой, настольной игрой с участием двух игроков, которая уже была распространенной в Северной Индии к концу VI века. Из Индии чатуранга, скорее всего, распространилась через Персию, где ее название было изменено на шатрандж, и игра приобрела символику, которая была явно арабской. Шатрандж быстро стал самой популярной настольной игрой в арабской культуре

СИМВОЛИЗМ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ШАХМАТАХ

Мартыш Вадим Сергеевич

Аспирант, Тюменский государственный университет
trunk-08@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает символизм в средневековых шахматах, по его мнению, именно в этот период шахматная доска и фигуры были наполнены ценными значениями. Автор приходит к выводу, что игра не только представляла собой социальную структуру средневековой Европы, но и была наполнена существенным моральным и религиозным смыслом.

Ключевые слова: шахматы, символизм, шахматная доска, фигуры, средневековье.

и постоянно прославлялся в арабском искусстве и литературе как символ человеческих страданий, перенесенных судьбой. Арабское времяпрепровождение было настолько популярно, что проникло в Испанию во время завоеваний мавров в VIII веке и закрепилось в западно-европейской культуре к 1000 году [2].

Прогресс шахмат от арабской Испании до христианских королевств Европы, скорее всего, можно отнести к территориальным завоеваниям Карла Великого в Иберии, и действительно, шахматы стали любимым занятием аристократических классов. Шахматы были введены во времена “золотого века”, управляемого могущественным христианским королем. Средства аллегории и символики, особенно христианской разновидности, были признаны в течение столетия после ее введения в европейскую культуру. Действительно, учитывая, что самые ранние упоминания о шахматах в Европе происходят из рукописей, написанных в испанских монастырях, игра, похоже, приобрела ауру христианства на Западе еще до того, как стала выдающимся компонентом европейской культуры [8].

Шахматы, датируемые в 11 в, уже воспринимались как некий символ, наполненный различными значениями. Как гласит легенда, именно эти шахматы были подарены Карлу Великому восточным калифом и предназначались как знак мира и уважения к власти французского императора. Они были большими и сделаны из тяжелого горного хрусталя в арабском дизайне. Это говорит о том, что это подарок не предназначался для игры, а был представлен как символический инструмент дружеской дипломатии [5]. Значение шахмат как символа дипломатии оставалось укоренившимся в европейской традиции даже в XIII в. когда могущественный лидер исламской группы Хашашин подарил Королю Людовику IX шахматы

вместе с различными золотыми и хрустальными сокровищами, как символ их продолжающегося мира и переговоров [7].

Шахматы были игрой, пронизанной сложной символикой, которая отражала ценности Европейского общества. Это резко контрастировало с другими низменными развлечениями, которым часто предавались и аристократы, и низшие классы. Пьянство считалось развлечением само по себе, и, независимо от игры, игроки часто напивались вином [3]. Однако церковь рассматривала это как греховное злоупотребление кровью Христа. Азартные игры, считались неправильным и аморальным, нечестным способом зарабатывания денег [6]. Церковь также осудила азартные игры, сославшись на Новый Завет и историю о реакции Христа против торговцев, которые тратили свою жизнь только на зарабатывании денег. Кроме того, если женщина принимала участие в таком греховном поведении, ее строго наказывали и обычно приговаривали к смертной казни.

В обществе, которое постоянно воевало либо с другим королевством, либо подавляло внутренние угрозы, либо отправляло паломников и рыцарей в крестовые походы на восток, насилие было необходимым компонентом повседневной жизни. Подпитываемое вином и возбуждением от игры, насилие постоянно возникало среди игроков. В маленьком городке не было ничего необычного в том, что целые кварталы или даже сам город ввязывались в драку. Хотя многие были ранены и даже убиты, местные власти проявляли определенную сдержанность при подавлении сражающихся крестьян. Они рассматривали это как полезную форму подготовки к настоящей войне, и поэтому, когда драка вспыхивала из-за исхода игры, ее обычно разрешали продолжать до тех пор, пока участники не были слишком истощены, чтобы продолжать.

Церковь часто осуждала развлечения, выбранные в качестве отвлечения от тяжелой повседневной работы, и было почти невозможно примирить многие формы развлечений со строгими стандартами христианской морали. Хотя Церковь ясно понимала реалии воюющего общества, она яростно использовала язык мира и подчеркивала важность правил для контроля над насилием в обществе. Церковь решительно продолжала выступать против игр, которые приводили к серьезным травмам, против азартных игр и пьянства.

Церковь не могла выработать последовательного отношения к шахматной игре. Большинству из того, что мы знаем о ней, почти полностью из писаний церковников и монахов, и эти писания демонстрируют широкий спектр мнений. Как игра, в которую играли низшие классы и знать, шахматы часто были связаны с игрой в кости

и азартными играми, которые, как мы видели, уже осуждались как бесчестные и богохульные. Игры в кости, в частности, были связаны с пьянством, проституцией и плохими последствиями. Вполне возможно, что некоторые ранние версии шахмат действительно уходили корнями в кости. Таким образом, шахматы с самого начала столкнулись с отрицанием Церкви, и многие церковные (и даже некоторые светские) учреждения запретили шахматы [9].

С середины XIII в. шахматы стали часто использовать как социальную метафору.

С кем и с чем пытались сравнивать шахматную доску и фигуры. Ответы на эти вопросы можно найти в книге доминиканского монаха Якобуса де Цессолеса. Книга состоит из четырех частей. В первой рассказывается о происхождении игры; во второй — о форме фигур и принадлежности каждой из них определенному социальному статусу; в третьей главе — о 8 пешках, олицетворяющих простолюдинов; в четвертой говорится о правилах перемещений фигур на доске. Автор начинает свое повествование с истории о том, как была создана игра — некогда жил в Вавилоне очень жесткий правитель. Народ, страдавший от тирана, обратился к мудрецу Филометру с просьбой наставить его на истинный путь. Он нашел выход из этой трудной ситуации: сделал из золота и серебра человеческие фигуры и разместил их на 64 клетках.

Игра стала популярной при дворе. Заинтересовался ей и правитель. Ненавязчиво прочитал проповедь о его правах и обязанностях. Ситуация в государстве изменилась к лучшему[1].

Шахматы в трактате сравниваются с обществом и его системой отношений, взаимных обязанностей. Вавилон, говорит Якобус, по сообщениям пророка Иеремии, был построен по плану, разбитому на квадраты (64). Чтобы представить модель города, изобретатель этой игры создал доску с 64 клетками. Итак, шахматы символизируют город, общество, а шахматные фигуры — различные социальные группы. На самом деле фигуры сами «напрашиваются» на аллегории: король и королева в шахматах соответствует королевской паре средневекового общества, конь — рыцарю, две ладьи олицетворяют представителей королевской власти, фигуры слонов — судий. 8 пешек олицетворяют различные занятия простолюдинов. Цессоли подробно описывает внешний вид и атрибуты каждой фигуры. Проповедник говорит о грехах и добродетелях, присущих каждому сословию, и сопровождает свое повествование назидательными примерами. Большое место в книге он отводит простым людям. Каждая из 8 пешек олицетворяет сразу несколько «профессий»: так пешка, олицетворяющая портного,

символизирует все ремесла, связанные с обработкой ткани и кожи, и т.д. [4] Книга Якобуса — проповедь, которую он часто читал прихожанам. С помощью шахматной метафоры он стремился воздействовать на сердца и души своих прихожан.

По замыслу автора правила поведения трактата, шахматная доска представляет средневековое королевство, а фигуры, правила их ходов показывают, как нужно вести себя в обществе и в различных жизненных ситуациях [4]. Как в шахматах все подчинено защите короля, так и в обществе, по мнению Якобуса, все социальные группы должны поддерживать короля и укреплять королевскую власть. Расположение фигур на шахматной доске выявляет отношения взаимной зависимости. Почему, например, простолюдины (пешки) стоят перед знатными фигурами? Что бы делали король, королева и все остальные без помощи простолюдинов, которые обслуживали их и кормили своим трудом? символизирующей медика? [4].

Принципы перемещения фигур по шахматной доске были также символичны. [4]. Главный принцип перемещения благородных фигур — обеспечить защиту короля; как и в обществе, здесь также все подчинено интересам королевской власти.

Средневековые проповедники видели в шахматах модель мира. Игрок, перемещая фигуры, создает некое подобие игры жизни: он выигрывает, терпит неудачи, конфликтует, а затем уходит в вечность. Игра имела огромный успех в средневековом обществе. Она представляла собой универсальную формулу жизни и исторического процесса. Трактат Якобуса де Цессолеса завоевал большую популярность. Он был переведен на французский, английский, немецкий и голландский языки, получил большое распространение в Европе благодаря огромному числу рукописей. Почему же средневековым писателям понадобилось обратиться к новой идеальной модели социального порядка — шахматам?

В средние века растет число новых профессий, ремесел и статусов. Трактат, в котором общество изображается в виде шахматной доски, где за каждой шахматной фигурой закреплён четкий статус и положение в обществе, должен был внести порядок и стабильность в это общество. В это время происходит общественная перестройка, растет социальная мобильность. Автор трактата было обеспокоен этим и хотел препятствовать мобильности новых сословий, указать каждой социальной группе свое, четко определенное место как на шахматной доске, так и в обществе.

Возможно, из-за общей ассоциации игры с развлечениями, мудростью, королевской властью и войной

многие шахматные доски, которые пережили века, были выполнены из слоновой кости. Шахматные фигуры Льюиса, найденные в Шотландии и датированные серединой XII века, вырезаны из слоновой кости и зубов китов. Для царственных особ и более богатых дворян — из горного хрусталя и инкрустированы драгоценными камнями, причем некоторые фигуры были целиком из драгоценных камней и металлов. Хотя многие из этих досок были в основном созданы как экспонаты для казначейства, они, вероятно, все же использовались знатью.

Однако самые престижные и востребованные шахматные наборы были сделаны из слоновой кости. Слоновая кость представляла ценность прежде всего своей экзотической природой, поскольку символизировала Восток, чужую землю, изобилующую очаровательными диковинками: мусульманскими учеными и художниками, таинственными существами и могущественными халифами. Игра с фигурками, вырезанными из слоновьих бивней, была новинкой, которой немногие могли похвастаться. Они признаны были вызывать определенный образ в сознании игроков, а также чувство чести и рыцарства. В различных средневековых источниках мы находим, что слоны, славились своим умом, хорошей памятью и долгой жизнью. Несмотря на то, что слон использовался на войне, он считался от природы мягким животным, внутренне склонным к доброте и защите. Слон также был идеальным супругом, оставаясь в состоянии целомудрия со своим партнером на всю жизнь. Это особое чувство чистоты было даже связано с изначальным состоянием человечества до падения Адама и Евы, и слон, таким образом, стал тонким символом невинности и сострадания. Таким образом, 32 фигуры, вырезанные из слоновой кости, были, возможно, предназначены для того, чтобы вызвать это чувство первоначальной чистоты, а также побудить игрока подражать естественным качествам слона.

В дополнение к рыцарским и тонким значениям, полученным от шахматных фигур из слоновой кости, средневековые шахматы также приобрели несколько глубоко значимых моральных и религиозных значений. Средневековое происхождение самой игры было построено как моральная аллегория. До появления ауры средневековой символики, шахматы часто ассоциировались с Паламедом, греческим героем, который разгадал хитрость Одиссея и заставил его принять участие в Троянской войне. Согласно древней легенде, именно Паламед изобрел пещу, архаичную форму того, что впоследствии стало известно как шахматы. Но с появлением средневекового мира и его рыцарских, христианских ценностей древний языческий характер Паламеда постепенно трансформировался в образ идеального христианского героя. Таким образом, он стал сарацинским рыцарем, принявшим христианство и импортировавшим шахматы с востока. В средневековых легендах

он был известен тем, что соперничал с Тристаном за руку Ирландской принцессы Изольды и служил королю Артуру в качестве рыцаря Круглого стола.

Кроме того, еретическое происхождение Паламеда как сарацинского рыцаря также обеспечил, чтобы шахматная доска стала признанным символом торжества нравственных христианских ценностей.

Мораль шахмат распространилась на искусство и литературу Средневековья, где игра была представлена настенными фресками, гобеленами, рисунками и иллюстрациями. В литературе шахматы также стали неотъемлемой чертой романтической любви. В средневековых романах влюбленные часто изображаются играющими в шахматы.

Шахматы также присутствуют в произведениях искусства, изображающих библейские сцены или христианские аллегории. Сама шахматная доска рассматривалась как произведение искусства, представляющее соотношение между христианством и классической философией. Доска была физическим проявлением невидимой связи между пространством и временем: она представляла собой идеальный квадрат восемь на восемь, число восемь обозначало восемь небесных сфер, упомянутых пифагорейцами. В целом, эти квадраты соответствовали шестидесяти четырем поколениям между Адамом и Христом.

В Новом Завете смерть постоянно ассоциируется с реальным физическим существом. Фреска XV века

в церкви Тэбю (Швеция), изображает человека, играющего в шахматы со смертью, изображенного в виде скелета с плотью, капающей с костей. Есть две возможные интерпретации этого образа. Во-первых, смерть—это еще одна аллегория Сатаны, и фреска призвана изобразить непрерывную борьбу человечества со злом и безнравственностью. Вторая интерпретация заключается в том, что смерть — это просто смерть, а шахматная доска символизирует переход в загробную жизнь и окончательный триумф вечности.

В средневековом мире шахматы приобрели беспрецедентное для любого средневекового времяпрепровождения значение: они стали важным компонентом благородного образования; они одновременно были идеальным символом справедливой стратегической войны и иконой дипломатии; они представляли идеальную христианскую мораль; они олицетворяли западное средневековое общество; и они также были широко включены в средневековое искусство и литературу. В отличие от традиционных игр средневекового мира, таких как охота, азартные игры, выпивка и другие развлечения, шахматы представляли собой нечто большее, чем просто грубую форму развлечения. Игра не только представляла собой социальную структуру средневековой Европы, но и была наполнена существенным моральным и религиозным смыслом. От дизайна самой шахматной доски до самого материала, из которого были сделаны фигуры, шахматы были физическим и метафорическим представлением средневековых ценностей и убеждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лучицкая С. Метафоры средневекового общества: тело, здание, шахматы // «На меже меж Голосом и Эхом». Сб. статей в честь Т. В. Цивьян. М., 2007, с. 269–275
2. Adams, Jenny. *Power Play: The Literature and Politics of Chess in the Late Middle Ages*. Philadelphia: U of Pennsylvania Press, 2006.
3. Carter, John Marshall. *Medieval Games: Sports and Recreations in Feudal Society*. New York: Greenwood Press, 1992.
4. De Cessolis, Jacob. *Liber de moribus hominum et officiis nobilium super ludo scacchorum*, 1300
5. "Chess set." Grove Art Online. Oxford Art Online. (дата обращения 20.04.2019). <<http://www.oxfordartonline.com/subscriber/article/grove/art/T016348>>.
6. Chiurulla, Paola. "Entertainment in Medieval Culture." *Medieval Culture*. Umbra Institute, Perugia. 15 November 2010. Lecture.
7. John of Joinville. "The Life of Saint Louis." ca. 1305–1309. John of Joinville and Geoffrey of Villehardouin. *The Chronicles of the Crusades*. New York: Penguin Classics, 2008.
8. Moyer, Ann E. *The Philosophers' Game: Rithmomachia in Medieval and Renaissance Europe*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2004.
9. Plessow, Oliver D. "What the Artefacts Tell: Medieval Chess Pieces and the Interpretation of the Social Connotations of the Game of Chess." *The Mediation of Symbol in Late Medieval and Early Modern Times*. Edited by Rudolf Suntrup, Jan R. Veenstra, and Anne Bollmann. New York: Peter Lang, 2005. p. 109–141.

© Мартиш Вадим Сергеевич (trunk-08@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

RUSSIAN NATIONAL TYPE IN LITERATURE AND PHILOSOPHY

N. Orlova

Summary. This article is devoted to the problem of determining the national type of the Russian people and the difficulties of understanding the Russian national mentality. The features of the Russian national character are indicated with their further consideration and opposition to the «average» Western person based on the analysis of works of fiction and the works of Russian philosophers. The article compares both positive and negative features of the Russian national type.

Keywords: culture, mentality, identity, values, Russian national type, Russian national character.

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП В ЛИТЕРАТУРЕ И ФИЛОСОФИИ

Орлова Наталья Георгиевна

*Аспирант, Российский государственный социальный университет (Москва)
Nata-Lia-Nata@yandex.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме определения национального типа русского народа и трудностям осмысления русского национального менталитета. Обозначаются черты русского национального характера с дальнейшим их рассмотрением и противопоставлением «среднему» западному человеку на основе анализа произведений художественной литературы и трудов отечественных философов. В статье осуществляется сопоставление как положительных, так и отрицательных черт русского национального типа.

Ключевые слова: культура, менталитет, идентичность, ценности, русский национальный тип, русский национальный характер.

Введение

Проблема определения русского национального типа является в значительной мере результатом трудности понимания национального менталитета русского народа в европейской культуре. С позиций доминирующего европоцентризма в культурологической науке решение этой проблемы не представляется возможным, поскольку оно исходит из западноевропейского культурного контекста во многом принципиально отличного от отечественных духовных традиций. Наиболее полно русский национальный тип представлен в русской философии и художественной литературе, которые по-настоящему еще не изучены исследователями отечественной культуры, чаще всего руководствующимися поверхностными стереотипами европейских исследователей по отношению к национальному менталитету русского народа. Такая недооценка философского и художественно-литературного отечественного наследия связана с отсутствием сложившейся научно-исследовательской традиции его культурологического изучения. Далее будут рассмотрены некоторые подходы к изучению этой темы как представляющие определенную значимость для дальнейших исследований русской культуры и национального менталитета русского народа.

Методика

Наиболее продуктивным в этой связи представляется изучение особенностей русского национального типа «от противного» — через выделение качеств русского

человека, составляющих его отличие от менталитета «среднего» представителя западно-европейской культуры. Одним из ведущих исследователей советского и западного общества, выдающимся отечественным логиком и писателем А. Зиновьевым были выделены наиболее существенные базовые социально-антропологические характеристики «западного человека» в сопоставлении с которыми оказывается возможным определить отличительные черты русского национального типа.

Среди этих характеристик, представляющих особый интерес для изучения последнего, такие как индивидуализм, изобретательное мышление и поведение, стремление к практической выгоде, высокий уровень деловых качеств, расчетливость, авантюризм, любознательность, эмоциональная черствость, холодность, тщеславие, повышенное чувство собственного достоинства, высокая степень самодисциплины и самоорганизации, стремление управлять другими и способность к этому, способность скрывать свои чувства, склонность к театральности, опыт колонизатора и завоевателя [5].

Исследователем русской культуры А. В. Каменцом были выделены характеристики русского национального типа в противоположность вышеназванным [6]. Так, индивидуализму западного человека в русском национальном типе противостоит склонность к коллективистским взаимоотношениям; изобретательность, сплошь и рядом вытесняется подражанием уже имеющимся достижениям. В противоположность распространённому практицизму европейцев традиционному русскому

национальному типу свойствен идеализм; вместо деловитости — беспечность; расчетливости — нерасчетливость. В отечественном социокультурном опыте также отсутствует в отличие от Запада склонность к авантюрам как устойчивая поведенческая характеристика. Зато присутствует стремление к созерцательности, душевность, пылкость, честолюбие, которое может сочетаться со смирением. При этом в социальном поведении может присутствовать частое проявление импульсивности и произвольности. В русском национальном типе в то же время отсутствует стремление управлять кем-либо в качестве устойчивой поведенческой доминанты. Также можно отметить готовность к эмоциональному самораскрытию и нежелание публично демонстрировать себя. На особенности русского национального типа также существенно повлиял опыт «собирателя земель» и покровителя других народов в отличие от колонизаторского опыта европейцев. Все эти черты русского национального типа могут представлять собой исходные типологические характеристики, которые могут быть исследованными и конкретизированными на материале трудов русских философов и произведений русской художественной литературы.

Результаты

Приведенное сопоставление особенностей русского национального типа с чертами «среднего» западного человека (в терминологии А. Зиновьева — «западоида») может восприниматься не всегда в пользу первого. Но при более внимательном и тщательном рассмотрении оказывается, что именно сочетание выделенных выше качеств позволило сформироваться уникальному русскому характеру, представляющему достояние всей мировой цивилизации и культуры.

Так, распространенные упреки представителям русского суперэтнуса в недостаточной инициативности, лени, индивидуальной активности являются оборотной стороной нежелания участвовать в какой-либо деятельности, если она лишена жизненного смысла. Об этом писал еще известный русский философ С. Л. Франк: «Русский человек страдает от бессмыслицы жизни. Он остро чувствует, что, если он просто «живет, как все» — ест, пьет, женится, трудится для пропитания семьи, даже веселится обычными земными радостями, он живет в туманном, бессмысленном водовороте, как щепка уносится течением времени, и перед лицом неизбежного конца жизни не знает, для чего он жил на свете. Он всем существом своим ощущает, что нужно не «просто жить», а жить для чего-то» [12, с. 263–264].

В этом же контексте иначе можно оценить и известного литературного персонажа Илью Обломова, ставшего показательным образцом «русской лени».

В современном либеральном дискурсе этому герою противопоставляется другой персонаж романа Гончарова — деятельный Штольц, который оценивается как необходимая альтернатива «обломовщине» в современной модернизирующейся России. Внимательное же изучение романа «Обломов» показывает, что трактовка главного персонажа как примера разложившегося бездельника выглядит неоправданным упрощением. Некоторые монологи Обломова раскрывают его мотивацию неучастия в активной социальной жизни как нежелание разменивать свою жизнь на мелочную суету и бессмысленную с его точки зрения погоню за жизненным успехом, основанном на материальном благополучии как главной жизненной цели.

Указанная выше эмоциональность и отзывчивость русского национального типа, часто противопоставляемая западной рациональности как «слабость» русского национального характера, на деле представляет собой способность к пониманию и сострадательности к самым различным людям независимо от национальности, культуры, этничности, общества и т.д., что является уникальным ресурсом дальнейшего самосохранения и развития всей человеческой цивилизации. Эта особенность русского человека представлена, например, в образе Максима Максимовича в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова. Именно это качество русского человека в данном аспекте оценивал великий русский писатель Ф. М. Достоевский.

В этом же контексте можно оценивать и учение русского философа Соловьева о «всеединстве», которое может быть создано на путях всеобщей христианской любви и единения всех народов [9].

Необходимо также отметить и повышенную саморефлексию представителей русского национального типа, позволяющую им критически оценивать собственные негативные качества и недостатки, которые могут быть выражены как «голос совести». Вот какую характеристику этому качеству дает Ф. М. Достоевский: «Я как-то слепо убежден, что нет такого подлеца и мерзавца в русском народе, который бы не знал, что он подл и мерзок, тогда как у других бывает так, что делает мерзость, да еще сам себя за нее похваливает, в принцип свою мерзость возводит, утверждает, что в ней-то и заключается порядок и свет цивилизации, и несчастный кончает тем, что верит тому искренно, слепо и даже честно. Нет, судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном гармоническом соединении. А если при этом и так много грязи, то русский человек

и тоскует от нее всего более сам, и верит, что все это — лишь наносное и временное, наваждение дьявольское, что кончится тьма и что непременно воссияет когда-нибудь вечный свет» [4, с. 199–200].

Таким образом, именно подмечаемый многими западными и прозападными исследователями чрезмерный идеализм традиционного русского характера позволяет сверять с принятыми идеалами собственные несовершенства и недостатки, которые необходимо преодолевать в процессе духовно-нравственного самосовершенствования [7,8,11,14].

Выделяемая еще одна черта русского национального типа — смирение, традиционно критикуется как неумение и нежелание противостоять в борьбе с антагонистами, покушающимися на его благополучие и свободу в отличие от представителей западного мира, всегда готовыми к борьбе за свои права, свободы, жизненное пространство [3].

Эта русская национальная черта имеет два основания, освещаемые как в духовно-религиозной традиции, так и в творчестве русских писателей. Первое основание представляет собой проявление необходимости христианского смирения перед силами зла, которые, в конечном счете, побеждаются силой любви и кротости. Этот акцент в христианской вере наиболее полно представлен в трудах православных мыслителей и многих русских писателей. Достаточно упомянуть знаменитую теорию Л.Н. Толстого о «непротивлении злу насилием», которая, как известно, была воплощена в освободительном движении Ганди.

Второе основание смирения — это приобретенный русским народом опыт выживания в экстремальных условиях подавления более сильным противником и тоталитарными режимами. «Умение терпеть», сохраняя при этом человечность и любовь к жизни и ее простым радостям, обеспечили русскому человеку необыкновенную выживаемость и жизнестойкость в разнообразных испытаниях и в ситуациях иноземных нашествий [13].

В русской литературе был создан соответствующий тип, лишенный озлобленности, мстительности и совмещающий в себе мужество, умение терпеть лишения и неиссякаемую человечность. Галерея этих литературных персонажей достаточно велика, начиная от Платона Каратаева, кончая Василием Теркиным, что свидетельствует о распространенности этого типа личности в российском обществе.

В то же время критикуемая социальная пассивность русского национального типа не учитывает того обстоятельства, что в российском обществе сформировался

иной тип социальности в сравнении с привычными стереотипами социального поведения в западных обществах.

Так, например, история России изобилует примерами героического самопожертвования русских людей, как на полях войны, так и в труде на благо отчизны. Именно в таком служении своей Родине русские люди, как показывает изучение отечественной истории и художественной литературы, обретают истинный смысл своего существования. Потеря же этого смысла по свидетельству русских писателей приводит к деградации личности и глубоким страданиям. Отсюда длинный ряд т.н. «лишних людей» в русской художественной литературе.

Отечественная традиция общественного служения чаще всего сочетается с государственным служением. В этой связи не случайно, что представленные в русской литературе образы «нигилистов» и «революционеров» (за исключением советского периода) являются скорее исключением, чем правилом. Причем служение государству нераздельно от верности государю и именно этот верно подданический пафос пронизывает труды выдающегося русского философа И. Ильина, посвященные политическим проблемам российского общества.

В этой связи самосознанию русского человека, как правило, присуще особое «чувство Родины», которое пронизывает произведения русской художественной литературы подавляющего большинства русских писателей — Фонвизина, Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Достоевского и т.д.

При этом важно отметить, что идеи и ценности патриотизма, особенно в ситуациях внешней угрозы, как правило, сплачивают в единую общность все слои общества. Достаточно вспомнить многих героев «Войны и мира» Л.Н. Толстого, проявляющих готовность к самоотверженному служению Родине и чудеса самопожертвования.

Особо следует отметить, что русский национальный тип воплощает в себе духовность, коренным образом отличающуюся от представителей многих других народов и этносов. Эта духовность основана на глубокой религиозности, подкрепляемой соответствующим чувством соборности, которое часто смешивают с коллективизмом. Реальная же соборность предполагает единение верующих перед лицом Бога, единую систему религиозных ценностей и христианского служения.

Последнее рассматривается не только в масштабе отдельных христианских общин, приходов, страны, но и может достигать всемирных масштабов. Стремление к всемирному служению в этой связи не случайно

воплотилось в таком своеобразном течении русской философии как «русский космизм», основоположником которого, как известно, является выдающийся русский философ Н. Федоров. Предложенная им идея «оживления предков» при всей ее фантастичности отразила чаяния русского народа о пасхальной победе над смертью и почитание ушедших из жизни близких людей. Но есть в «русском космизме» и другая сторона — стремление русского человека к «миру горнему», предполагающему не только духовное самосовершенствование, но и воплощение дерзновенной мечты об освоении природы в космических масштабах (К. Э. Циолковский).

Обсуждение

Рассмотренные выше характеристики русского национального типа могут быть проинтерпретированы в современном социокультурном контексте. Одной из наиболее часто критикуемых особенностей большинства членов российского общества является его непротивление засилью бюрократического аппарата и неумение бороться за свои права в ситуациях злоупотребления своей властью некоторыми государственными чиновниками. Эта черта русского национального типа («рабская покорность» перед «сильными мира сего») отмечалась многими русскими философами и писателями. Не отрицая справедливости таких упреков, все же нельзя не отметить, что во многих случаях наблюдаемое непротивление «властям» отражает отмеченное исследователями особое уважение русского человека к государству и его институтам, которые разрушались чаще всего из-за чрезмерного деспотизма и подрыва авторитета государственности как таковой его руководителями.

Характерно, что даже в самых известных народных восстаниях (например, Разина, Пугачева) те, кто их возглавлял, объявляли себя будущими царями т.е. государственными правителями. Известная христианская норма «всякая власть от Бога» при всех ее издержках в реальной политической и социальной жизни русского народа позволяла, в конечном счете, ему сохранять себя и свою национально-культурную идентичность. С другой стороны, в сознании русского национального типа сохранилось отделение чиновничества от государственности, которая традиционно воспринималась как необходимость служения обществу для каждого русского человека.

Несмотря на произошедшее разделение «священства» и «царства» в эпоху Петра I, процессы секуляризации в массовом сознании большинства членов российского общества верховная власть по-прежнему сакрализуется и носит персонифицированный характер [1,2]. С позиций «просвещенного» европейца такое

отношение к своим главам государств оценивается как пережиток прошлого. Но с другой стороны — сама верховная власть в России, в конечном счете, оценивается народом, обществом в контексте системы нравственных требований к личности «первого лица», что оставляет возможности для дальнейшего духовного самосовершенствования и «очеловечивания» верховной власти в интересах всего общества, а не отдельных его представителей и социальных групп.

Нельзя также не отметить, что традиционная религиозность русского народа в современных условиях несмотря на значительную трансформацию остается существенной характеристикой русского национального типа. Это выражается не только в значительно возросшем интересе к церковной жизни и соответствующей обрядности многих членов общества, но и в сохраняющейся устойчивой традиции представителей русского национального типа отвращения к материальной выгоде, практической пользе в ущерб человеческим взаимоотношениям, взаимопомощи, состраданию, солидарности, любви к ближнему. Эта черта русского человека обстоятельно описана в современной художественной литературе на примере воинского братства в «горячих точках» (например, в творчестве З. Прилепина), в семейно-личных отношениях (например, творчество писателя Санаева), сельского жизненного уклада («писатели-деревенщики»), в церковно-религиозной жизни (Т. Шевкунов) и др.

Сохраняется и «всемирная отзывчивость» русского национального типа по отношению к представителям разных культур, народов, этносов, которая также широко представлена в творчестве современных русских писателей и философов.

Заключение

Анализ произведений художественной литературы, трудов отечественных философов прошлого и настоящего позволяет сделать вывод о незыблемости в русском национальном типе стремления к высшим гуманистическим духовным ценностям, противостоящим эгоистической и индивидуалистической морали. Именно в этом контексте и оценивалась русская идея русским философом П. Б. Струве, суть которой, по его мнению, состоит в достижении гармонии между государством и народом на основе взаимопонимания и взаимоподдержки в интересах всего общества [10]. Если государственная власть не соответствует этому требованию, то нравственный суд общества осуществляется, прежде всего, над личностью «власть предержащих» и ее нравственными качествами. Именно в сохранении и воплощении этой идеи присутствует залог дальнейшего сохранения и развития российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990. — 223 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. — СПб.: Азбука, Азбука, Аттикус, 2012. — 320 с.
3. Гудков Л. Негативная идентичность. — М.: Новое литературное обозрение. «ВЦИОМ — А», 2004. — 816 с.
4. Достоевский Ф. М. Избранное. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000. — 400 с.
5. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. — СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. — 608 с.
6. Каменец А. В. Концептуальные основы культурной политики. — М.: МГУКИ, 2005. — 195 с.
7. Когатько Д. Г., Тхакахов В. Х. Российская идентичность. — СПб.: Алетейя, 2010. — 136 с.
8. Кожин В. В. О русском национальном характере. — М.: Алгоритм, 2002. — 384 с.
9. Соловьев В. Национальный вопрос в России / Владимир Соловьев. — М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. — 505 с. (Философия; Психология).
10. Струве Б. П. Великая Россия / Философия серебряного века. — СПб.: Паритет, 2009. — С. 212–214.
11. Трофимов В. К. Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение Русского менталитета. — Ижевск: ФГОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2010. — 408 с.
12. Франк С. Л. Смысл жизни / Философия серебряного века. — СПб.: Паритет, 2009. — С. 261–278.
13. Хренов Н. А. Русский протей. — СПб.: Алетейя, 2007. — 400 с.
14. Шестов Л. Аполофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. — СПб.: Авалонь, Азбука — Аттикус, 2011. — 224 с.

© Орлова Наталья Георгиевна (Nata-Lia-Nata@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный социальный университет

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА РУССКОГО РОМАНСА В ИСТОРИИ РУССКОЙ МУЗЫКИ

Савельева Ирина Петровна

К. культурологии, доцент, Нижневартковский
государственный университет
ms.savel1973@mail.ru

FORMATION AND EVOLUTION OF THE RUSSIAN ROMANCE GENRE IN THE HISTORY OF RUSSIAN MUSIC

I. Saveleva

Summary. The article refers to one of the pages of the history of Russian music — the genre of Russian romance. For more than two hundred years the attitude to the genre of romance has been changing in Russian public life, but the mental need of the Russian man for confession has found its organic embodiment in the traditions of Russian songfulness, which have been successively transmitted to Russian romance. Numerous works on the history of Russian music examine in detail the Russian romance from its inception, but the second half of XX and the beginning of XXI centuries still require reflection.

Keywords: Russian musical culture, romance, evolution, genres of Russian romance, Russian song, Elegy, ballad, songwriters.

Аннотация. Статья обращается к одной из страниц истории русской музыки — жанру русского романса. На протяжении более двухсот лет в русской общественной жизни менялось отношение к жанру романса, но ментальная потребность русского человека в исповедальности нашла свое органичное воплощение в традициях русской песенности, которые преемственным образом передались русскому романсу. Многочисленные труды по истории русской музыки подробно рассматривают русский романс от момента зарождения, однако вторая половина XX и начало XXI веков еще требуют осмысления.

Ключевые слова: русская музыкальная культура, романс, эволюция, жанры русского романса, русская песня, элегия, баллада, поэты-песенники.

В истории русской музыкальной культуры огромное количество различных жанров, направлений, течений среди которых совершенно особое место занимает русский романс. Уникальный жанр романса, несмотря на эволюционные процессы в музыкальном языке, музыкальной лексике, интонационных переживаниях, новых взаимоотношениях с поэтическим текстом сохраняет свою узнаваемость, самобытность. Подобно тщательно ограненному кристаллу, романс сохраняет основное «родовое» качество — выражать эмоциональную жизнь русского человека. Эмоциональная же потребность человеческой природы остается неизменной на протяжении существования человечества — поиск любви в самом широком смысле. Романс переживал разное отношение к себе: от преклонения перед ним до полного отрицания и при этом откликался на все самые важные события современности.

Свое зарождение русский романс получил еще на «заре» становления русской композиторской школы. Романс (испанский — *romanse*) — «камерное вокальное произведение для голоса с инструментом. Термин «романс» возник в Испании и первоначально обозначал стихотворение на испанском (романском) языке, рассчитанное на музыкальное исполнение» [2, с. 467–469]. В европейских странах романс и песня обозначались одним словом. Так, в Германии получил распространение термин «*lied*», в англоязычных странах «*song*», а во Фран-

ции «*chanson*». В России романс пришел на смену лирической песне. в середине XVIII века и получили свое хождение в сопровождении клавесина, гуслей, гитары, фортепьяно. Композиторы, внесшие свою лепту в зарождение русской композиторской школы, Ф. М. Дубянский (1760–1796) и О. А. Козловский (1757–1831) «определили музыкальный образ «русской песни» конца XVIII века как обнаженное чувство, идущее от сердца» [1, с. 218]. Именно это качество можно назвать основным и даже «родовым» для русского романса. Домашнее музицирование стало той, благодатной средой, в которой романс расцветал, приобретал лоск, стал модным жанром.

В XIX веке романс стал выразителем романтической тенденции с ее стремлением к недостижимому прекрасному миру грез, существующему наперекор бездуховной реальности. Главный персонаж романтика чаще всего одинок, пребывает в поиске идеального мира. Бесконечно контрастная палитра чувств героя-романтика способствует исповедальному характеру изложения. Часто в лирическую исповедь вплетаются образы природы, продолжающие и раскрывающие потаенные мысли персонажа. Подобный тип изложения сложился в творчестве Ф. Шуберта — основоположника австро-немецкой школы, представителями которой были Р. Шуман, И. Брамс, Х. Вольф. Во французской национальной школе это выражение становится ведущим

в творчестве Ш. Гуно, Ж. Бизе, Ж. Массне, в норвежской национальной композиторской школе нашло самое яркое воплощение в творчестве Э. Грига. Отечественная плеяда композиторов — М. И. Глинка, А. А. Алябьев, А. Е. Варламов, А. Л. Гурилев, А. С. Даргомыжский, А. Г. Рубинштейн, А. П. Бородин, М. П. Мусоргский, П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков, С. И. Танеев, М. М. Ипполитов-Иванов, С. В. Рахманинов, Р. М. Глиэр — все они внесли огромный вклад в формирование русского классического романа. Но наряду с «высоким» классическим романом существует и бытовой роман, предназначенный певцам-любителям, близкий русской лирической песне. Среди жанров русского романа XIX века можно отметить: лирический романс, который является самым распространенным в это время; «русская песня», возникшая как подражание народной музыке; элегия (лирико-философское размышление); романтическая баллада; застольная песня, родившаяся из маршевых походных песен и воспевавшая свободу, просвещение и патриотизм; бытовые романсы; лирические романсы «о дальних странах», в которых возникали романтические образы Италии, Испании, Кавказа, Востока; романсы в танцевальных ритмах (вальса, польки, мазурки, полонеза, болеро и др.).

Художественным эпицентром русской музыкально-поэтической культуры становится романс-элегия. В качестве особенностей данного вида романа можно выделить: точность психологического рисунка, реалистический жест лирического героя, содержательный характер аккомпанемента, интенсивность словесного и музыкального выражения, ритмическая и мелодическая размеренность.

В вокальной музыке вторая треть XIX века по праву может быть названа глинкавской. Могучая творческая личность М. И. Глинки подняла русскую музыку на новую ступень развития, заслонив собой почти все созданное его предшественниками. Всеобщность гения М. И. Глинки проявилась в жанровом многообразии его творчества. Он стал создателем русской классической оперы и русского классического романа. Романсы Глинки, которые он сочинял на протяжении всей жизни, отразили не только эволюцию его творчества, но и в целом русской лирики. Двадцатые годы XIX века знаменовали собой расцвет русского сентиментально-лирического бытового романа, и в творчестве М. Глинки нашли отражение элегии поэтов-современников — В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, К. Н. Батюшкова. Вершиной этого периода явилась известная элегия «Не искушай» на стихи Баратынского. Конец 30-х — начало 40-х годов — пушкинская эпоха в камерном вокальном творчестве М. И. Глинки. Музыкальный строй романсов Глинки на слова А. С. Пушкина «Я здесь, Инезилья», «Ночной зефир», «В крови горит огонь желанья» полностью со-

ответствует поэтическим образам пушкинского текста. Прекрасен романс на стихи Пушкина «Я помню чудное мгновенье», где музыка полностью сливается с поэзией. Богата и многообразна вокальная лирика позднего периода, в которой отразились веяния новой эпохи, окрашенной настроениями лермонтовского раздумья трагической самоуглубленности. Скорбные интонации звучат в драматических романсах-монологических «Песнь Маргариты», «Ты скоро меня позабудешь», «Не говори, что сердцу больно». Вместе с тем, среди поздних романсов М. И. Глинки есть и светлые, жизнерадостные. Такие как вакхические застольные песни на стихи А. С. Пушкина «Здравный кубок» и «Пью за здоровье Мери». Творчество М. И. Глинки, в котором отражены сцены народной жизни, народный характер, чувства и переживания отдельного человека, способствовало дальнейшему развитию музыки по пути реализма.

Нельзя не отметить, роль литературных текстов к романсам, так как их полное единение с мелодией, ритмом и гармонией является залогом создания цельного, глубоко личного образа. Первыми поэтами-песенниками были: М. Ломоносов, В. Тредиаковский, А. Сумароков. Именно песенная поэзия Сумарокова стала основой, «в недрах которой появилась... песня-романс» [1, с. 230]. Начиная с XIX века, литературными вдохновителями романсов становились: А. Дельвиг, В. Жуковский, Н. Кукольник, М. Лермонтов, А. Пушкин и др. Именно поэзия поэтов-современников оказывала существенное воздействие на форму, содержание, интонационный строй вокальной музыки. В эпоху А. С. Пушкина жанр русского романа становится по-настоящему крупным художественным явлением. Его содержание углубляется и обогащается. Ограниченность сентиментальных настроений уступает место правдивому выражению глубоких и многогранных человеческих чувств. Также в данный период происходит формирование неповторимо своеобразного русского вокального стиля, в котором соединились интонации и традиции народного пения с особенностями итальянской вокальной культуры «bel canto», столь популярной в России. Задушевность русского романа стала особой чертой.

На рубеже конца XIX — начала XX веков на смену светлым, радостно-восторженным образам приходят острота психологического анализа, склонность к рефлексии. Наибольший интерес среди композиторов вызывает поэтическое творчество Ф. Тютчева, а также А. Фета, Я. Полонского, А. Голенищева-Кутузова. Для начала XX века характерно обращение к творчеству поэтов-символистов, что не противоречит общим устремлениям лирического высказывания от первого лица. Чаще всего выбор композиторов склоняется к жанру медитативной элегии. Также, как отмечает выдающийся отечественный музыковед Е. А. Ручьевская, не прерывается традиционная

линия русского романа в контексте антологической лирики, ведущей свое начало от Глинки и Даргомыжского, имеющая два основных направления: «пламенная, темпераментная лирика застольных песен («Глинка», «Кубок янтарный») и созерцательная, пластическая, скульптурно-картинная лирика (Даргомыжский, «Юноша и дева»; Кюи, «Царскосельская статуя»). В начале XX века появляются многочисленные ответвления созерцательной «Царскосельской статуи». Среди статических «музыкальных скульптур» есть прекрасные, тончайшие, необычайно пластические миниатюры, подобные трем вариантам пушкинской «Музы» (Глазунов, Метнер, Рахманинов), «Наяде» Мясковского, «Лишь розы увядают», «Эхо» Метнера, «Rosarium» Гнесина» [3, с. 49]. Антологическая лирика, по мнению того же исследователя, это вторая линия музыкальной пушкинианы XX века.

В XIX веке складывается традиция объединения романсов в вокальные циклы (Л. Бетховен, Ф. Шуберт, Р. Шуман, И. Брамс, Г. Малер, Х. Вольф, М. Глинка, М. Мусоргский, Н. Римский-Корсаков, Д. Шостакович, Г. Свиридов, М. Таривердиев, В. Гаврилин).

Проблема синтеза музыки и слова в начале XX века выводят романс на новый уровень, так, возникает противоречивое направление «стихотворение с музыкой». Композиторы находились в поиске особого родства речи словесной и музыкальной. В этом русле работали С. Танеев, Н. Метнер, С. Прокофьев, С. Рахманинов. В поэзии стала цениться особая напевность, чуткость, музыкальность: «интерес литературоведов к звуковой выразительности стиха... был подготовлен успехами лингвистики» [3, с. 44].

На протяжении XX века романс претерпевает сложные времена. Его обвиняют в мещанстве, «местечковости», но неизбывная тяга отечественного слушателя ищет проникновенные интонации в лирических песнях советского периода. Однако и здесь романс нашел возможность проявить себя, в частности в киномузыке. Огромное количество романсов ранее уже написанных использовались в кинофильмах и спектаклях, но также создавались и новые произведения романсового жанра специально для новых фильмов, сериалов как в качестве закадровой музыки, так и в качестве лирической характеристики героя. Романсовые черты ярко проявлены в песнях И. Дунаевского («Я вся горю», «Как много девушек хороших», «Звать любовь не надо», «Лирическая песенка», «Молчание», «Теплыми стали синие ночи...», «Под луной золотой», «На луга поляны»), Т. Хренникова («Что так сердце растрожено», «Колыбельная Светланы»), Н. Богословского («Романс Рощина»), М. Фрадкина («Песня о любви»), а также М. Таривердиева («Мне нравятся, что вы больны не мной»), В. Баснера («Романс»), А. Петрова (Моей душе покоя нет», «Романс о романсе»,

«Под лаской плюшевого пледа», «Оплавляются свечи», «О бедном гусаре», «Друзьям», «Романс Настеньки», «Романс полковника»), И. Шварца («Любовь и разлука», «Две дороги», «Ваше благородие, госпожа разлука...», «В нашем старом саду», «Романс Книгиной», «Дождик осенний», «И цветы, и шмели...»).

Сегодня можно наблюдать возрождение романса. Так, к популяризации романса причастны не только профессиональные академические певцы, но и эстрадные, народные, а также театральные и киноактеры. Организуются «Вечера романса», посвященные творчеству какого-либо композитора, исполнителя или определенного периода развития русской музыки, романсовые вечера одного или нескольких исполнителей. Проводятся конкурсы романсового творчества, например «Белая акация», «Романсиада», «Романса голос осенний», «Конкурс русского романса имени Изабеллы Юрьевой», «Романс — XXI век», где гала-концерт — это программа «Романтика романса» и многие другие.

Итак, следует определить, в чем же состоит разница между песней и романсом? От песни романс отличается большей детализацией мелодии, глубокой её связью с текстом, значительной выразительной ролью инструментального сопровождения. Ритмические особенности текста также имеют значение: у песен преобладает хорей, а в романсах доминирует ямб. Структура песенной мелодии предполагает значимость не только фразы, слова, но и слога. Так значимость слога реализуется разными способами: «внутрислоговым распевом, силлабическим распевом... на сильных и слабых гласных, ...актуализацией стопных ударений...», равномерным замедленным скандированием, ритмизацией с игрой акцентов. Синтаксис песенной мелодии: а) стихоподобный, предполагающий повторность... ритмических фигур, периодичность; б) аperiodичный, нестихоподобный. В мелодии аperiodического типа обычно очень важную роль играет внутрислоговый распев. Но во всех случаях песенная мелодия обладает синтаксической плотностью, фрагменты ее (фразы, попевки, мотивы) прилегают друг к другу, что дает возможность песенной мелодии существовать как целое и без сопровождения» [3, с. 187]. Романсовая же мелодика несет в себе характерные черты ариозной мелодической линии: «в ней существенную роль играют интонации с задержанием и предъемом («интонация вздоха»); интонации опевания... часто ладово заостренные («вводнотонные») интонации..., каданс с ходом скачком вниз к вводному тону и разрешением в тонику (сильное окончание); ...с нисходящим скачком и опеванием (слабое окончание)» [3, с. 188]; интонации с восходящим скачком с пунктиром и задержанием. Таким образом, романсовая мелодика позволяет проявиться лирике самым детализированным образом.

Жанр романса и по сей день сохраняет свою изначальную культурно-эстетическую специфику (интимное лирическое высказывание предполагает вокальное исполнение в сопровождении инструмента; романс не существует без «слушания»); в романсе диалогическая природа проявляется на всех планах: поэт — композитор, авторы — исполнитель, исполнитель — слушатель, мелодия — аккомпанемент, слово — речь, слово — музыка и т.д. Основные жанровые градации русского романса в целом сохранились, как и на заре становления жанра: лирический романс, русская песня, как подражание народной музыке, элегия, романтическая баллада, застольная песня, бытовые романсы, лирические романсы «о дальних странах», романсы в танцевальных ритмах и др.

Основополагающие характеристики русского романса в творчестве композиторов второй половины XX — начала XXI веков очень близки романсам поры «становления» жанра; пройдя более чем двухсотлетний эволюционный путь, романс находился в поисках новых музыкально-литературных средств выражения, однако, в начале XXI века наблюдаем возврат к простым, доступным для слушателя видам музыкального высказывания, чем еще более подчеркнут их стилевой эталон.

XX век можно назвать веком жанрового синтеза. В искусстве XX века явно прослеживается рост синтетических художественных форм. В данное время, так и не сбросив романс со счетов, художественная культура России XX века сумела перенять его суть и обогатить романсовой интонацией множество современных музыкальных произведений. Процессы, протекающие в отечественной культуре в настоящее время, подтверждают сохранение интереса к романсу — он стал получать все более широкое распространение.

Современный романс захватил в свое «лоно» не только исполнителей солистов, а также исполняют романсы камерными и не только составами ансамблей, также существуют переложения для хоров. Романсы можно услышать под аккомпанемент гитары, фортепиано, скрипки, камерных ансамблей, оркестров (академических, народных, эстрадных), цифровой записи (фонограммы), а также приобретают современную аранжировку. Кроме того, романс уже давно проник в инструментальную музыку и надежно в ней обосновался. Дальнейшее исследование романса в истории русской музыкальной культуры должно поставить задачу более детально и углубленно рассмотреть романсовое творчество в творчестве современных композиторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. История русской музыки [Текст] / сост. подготовка текста, биограф. ст., примеч. и коммент. Т. Бахмета. — М.: Эксмо, 2012. — 704 с.
2. Музыкальный энциклопедический словарь / главный ред. Г. В. Келдыш. — М.: «Советская энциклопедия», 1990. — 672 с.
3. Ручьевская Е. А. Работы разных лет [Текст]: Сб. статей в 2т., Т. II. О вокальной музыке. — СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2011. — 504 с.

© Савельева Ирина Петровна (ms.savel1973@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЛАТВИЙСКОЙ ГРАФИКЕ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

THE PROBLEM OF NATIONAL- CULTURAL IDENTITY IN LATVIAN SCHEDULE OF THE END OF XIX — BEGINNING OF THE XX CENTURY

D. Frolov

Summary. The article attempts to analyze the process of the formation of national-cultural identity in the easel graphic arts of Latvia in the late XIX — early XX centuries, with a description of the specific contribution of each of the artists. There are two approaches to the development of national ornament, on the one hand, the precise, rigid and dogmatic line of artisan ornamentalism by Richard Zarins and stylized motifs of flora and fauna, as well as ornaments in which the composition contains a clear geometrization of Julius Madernieks.

Keywords: national-cultural identity, Latvia, art nouveau, ornament, symbolism, mythology.

Фролов Дмитрий Александрович

*К.т.н., Директор, АНО «Институт художественных
и гуманитарных проектов»
frolov-dmitry@yandex.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа процесса формирования национально-культурной идентичности в станковой графике Латвии конца XIX — начала XX вв. с приведением описания конкретного вклада каждого из художников. Выделяются два подхода к разработке национального орнамента, с одной стороны, точная, жесткая и догматическая линия ремесленнического орнаментализма Рихарда Зариньша и стилизованные мотивы флоры и фауны, а также орнаменты, в которых в композиции, содержится четкая геометризация Юлиуса Мадерниекса.

Ключевые слова: национально-культурная идентичность, Латвия, югенд-стиль, орнамент, символизм, мифология.

Понятие национально-культурной идентичности только недавно стало предметом научного исследования и сегодня стало актуальной темой в современной культурологии. Зачастую его проявление связано с принадлежностью к единому историко-культурному базису, то есть тем символам и элементам культуры, которые объединяют людей в национальность.

В изобразительном искусстве Латвии формирование национально-культурной идентичности относится к концу XIX века и связано с работами Адама Алксниса. Далее процесс продолжился в интерпретациях латышской мифологии художника Яниса Розенталса. В то же время, национальную самоидентификацию в искусстве, как свое необходимое, основное предназначение, искали многие другие художники, которые оставались в той же тематике латышской мифологии, сказочной истории и фольклора, связывая ее как с орнаментальным декоративизмом, так и с локальным проявлением символизма.

Формирование национальной школы изобразительного искусства в Латвии тесно связано с русским демократическим реалистическим искусством. Это объясняется тем, что в Латвии вплоть до 70–80-х годов XIX века не было собственных художественных учебных заведений, поэтому колыбелью латышского профессионального искусства стал Петербург. Сами латышские художники сформулировали свои творческие принципы, опираясь на традиции русского реалистического искус-

ства и эстетические взгляды революционных демократов [1, с. 141].

В конце XIX — начале XX века латвийское искусство сочетало в себе влияние русского реалистического искусства второй половины XIX века с завоеваниями новейших течений западноевропейского искусства — импрессионизма, стиля модерн и символизма. Латвийские художники стремились утвердить себя на российских и зарубежных художественных выставках, чем и объясняется их позднейшее стремление установить контакт с обществом «Мир искусства», о чем свидетельствует участие латвийского художника Вильгельма Пурвита (Пурвитиса) в выставке, проходившей под флагом этого объединения в залах Академии художеств в 1901 году [2, с. 79], а уже после московской выставки, в марте 1902 года, Михаил Нестеров писал о необходимости включения Пурвита среди прочих в «Союз русских художников» [3, с. 31].

В конце 90-х годов XIX века латышские художники стремились жить и творить на родной земле (до этого они были вынуждены жить за пределами Латвии, так как социальные и общественные условия практически лишали их возможности работать на родине).

Деятельность латвийских художников на родине была затруднена в связи с проводившимися прибалтийско-немецкими дворянскими кругами политики на-

ционального угнетения. Поэтому профессиональное искусство в конце XIX века на территории современной Латвии фактически не существовало. В это время главными представителями искусства в Латвии были учителя рисования.

Значительными событиями в истории латвийской графики и латвийского изобразительного искусства в целом явилось создание в 1895 году Школы рисования и живописи в Риге, основателем и руководителем которой был Вениамин Блюм (1861–1919), живописец, выпускник петербургской Академии художеств (1886), а также создание в 1906 году — Рижской художественной школы, которую с 1909 года возглавил Вильгельм Пурвит [4, с. 279].

Начало XX века ознаменовалось подъемом латвийской культуры. На латышском языке издавалось около 300 газет и 160 журналов [5, с. 111]. Впервые в свет вышел капитальный труд Кришьяниса Баронса — многотомное собрание фольклора, состоящее из 217~<906 народных песен. В 1910 году в Риге открывается первая выставка латышских художников, в 1911 году возникает Латышское общество поощрения искусства, в 1914 году в Риге состоялась первая выставка графики, в которой приняли участие 13 авторов со 104 работами.

Обращение к народным традициям одновременно было связано с программной установкой на новое, оригинальное, современное. Творческая направленность национального романтизма, а также многие формальные признаки наглядно убеждают в том, что это направление было фактически одной из форм проявления югендстиля.

Одними из первых профессиональных художников Латвии были Ян Розенталь (Янис Розенталс) и Вильгельм Пурвит, проявившие свой талант не только в живописи, но и в графике. Первым художником-графиком Латвии можно назвать Рихарда Зариньша. Все они были членами художественного кружка «Rūķis» («Гном»), который существовал с 90-х годов XIX века вплоть до 1910 года. Участники кружка «Rūķis» поднимали вопрос о национальном своеобразии и народности латышского изобразительного искусства, стремились приблизить искусство к народу и утверждали, что художник должен отображать жизнь своего народа, своей родной земли.

Здесь также необходимо упомянуть первого идейного руководителя кружка «Rūķis» — Адама Алксниса (1864–1897), в чьих рисунках ярко проявляются черты «художника-борца, глубоко любящего свой народ» [6, с. 8].

Преимущественно художник работал карандашом и акварелью, живописных работ им создано сравни-

тельно мало. Алкснис первым выступил в качестве проповедника национального жанра; в своих акварелях и рисунках он изображает жизнь крестьян — пахарей, дровосеков, сборщиков картофеля. Изображает сцены поения скота, сбора ягод и другие. Со временем его начинает интересовать история родной страны и древние сказания, его увлекает героическая эпоха истории латышей — эпоха борьбы с немецкими захватчиками-крестоносцами — этой тематике он посвящает значительное количество рисунков. Ритмичность движений, противопоставление пятен воплощается в неуклюже-тяжеловесные фигуры всадников, мореходов, пахарей. Алкснис не ищет пафоса, претенциозных эффектов. Его лучшие рисунки не стремятся иллюстрировать, а содержат стремление к замкнутому в себе содержанию [7, с. 70].

Наряду с изображением реальной жизни, Алкснис уделяет внимание также мотивам из мира народных сказок, с добродушным юмором изображая чертей, гномов и т.п. [8, с. 14]. В этих рисунках уже начинают проявляться характерные черты югендстиля. Они проявляются как в формальном решении, так и в иконографии. Например, на рисунке, выполненном углем, «Отдыхающий чёрт», вероятнее всего созданном под влиянием работы Арнольда Бёклина «Фавн, свистящий дрозду» (1864/1865), изображена лежащая фигура главного героя сюжета с сигаретой в руке. На заднем плане работы плавная линия, очерчивающая склон, обильная штриховка веток дерева и куста, превращающая их в силуэты, витиеватая линия плавно поднимающегося клуба сигаретного дыма приносят в работу элементы югендстиля.

Также в рисунках Алксниса начинают появляться образы, которые позже станут характерными для югендстиля Латвии: древние латышские войны, черти, зайцы, лошади. Интересно заметить, что в первоначальном эскизе к работе «Погоня» (1890-е гг.), чёрт, бегущий за зайцем, был изображен в пальто, тогда как в окончательном варианте изображен уже без него.

Жанры и техники, в которых работал Янис Розенталс (1866–1916), выпускник Императорской академии художеств в Петербурге, чрезвычайно разнообразны. Он с высоким профессионализмом работал в жанре фигуративной композиции, создавал картины на бытовые темы, портреты, пейзажи, а также работал над алтарной живописью, фресками, иллюстрациями, цветными литографиями, прикладной графикой, создавал эскизы мебели и интерьеры квартир. Художник превосходно владел техникой темперы, пастели и акварели.

До его отъезда из Петербурга в Латвию в конце 90-х годов XIX века в творчестве Розенталя начинает проявляться увлечение символизмом. В начале XX века в его работах уже есть предчувствие зарождения югендсти-

ля — в стремлении к декоративности, в прямолинейном изображении образов. Это можно увидеть на примере рисунка к картине «Сказание», начало XX века, а также рисунка к картине «Принцесса с обезьянкой», приблизительно 1913 г., и множества виньеток.

В 1904 году было основано издательство «Zalktis» («Уж»), которое приступило к значительному в латышской истории искусства начинанию — распространению оригиналов станковой графики (приложения к сборнику статей «Zalktis»). В качестве художника в журнале работал Янис Розенталс, несколько его цветных литографий распространялись в качестве приложений к этому журналу, ярким примером тому может служить его работа «Мать и дитя». На ней изображена молодая женщина, кормящая своего ребенка. Обе фигуры находятся в полужающем положении. На заднем плане можно увидеть цветы роз — символ богородицы. В произведениях Яниса Розенталса тема матери и ребенка занимает особое место, к ней художник обращается неоднократно. Автор альбома о творчестве художника Карлис Суньш писал, что в восприятии Розенталса мать предстает перед нами как символ всего светлого, всего возвышенного и благородного [9, с. 96].

Большой интерес художник проявлял к искусству Японии, в мастерской Яниса Розенталса были копии японских гравюр, и в росписи ширмы использованы их мотивы. Один из учеников Розенталса — Индрикус Зеберинш — в своих воспоминаниях отмечал, что Розенталс побуждал изучать японские гравюры, которые он считал основой графики [10, с. 169].

В середине 1900-х годов Розенталс создал ряд автопортретов и портретов, например, «Портрет писателя Яниса Порукса» (1907), выполненных пером и тушью. В этих рисунках лица и фигуры моделируются комбинациями штрихов и штришков, выявляя свет и тень композиции. Такая графика бесконтурная, тоновая, так как моделирующие форму штрихи образуют в комбинациях своих подобие тона. Этот особый вариант графики ранее был использован Л.О. Пастернаком при создании иллюстраций к «Маскараду» М.Ю. Лермонтова. У. Крэн говорил о ней как о «пробующем» рисовании, с некоторым пренебрежением. А.А. Сидоров писал, о таком виде графики, как о приближающейся, с одной стороны, к эффектам живописи, с другой — сохраняющей качества набросочного рисунка, эскизного этюда [11, с. 41].

Другим выдающимся латвийским художником, стоявшим у истоков формирования национально-культурной идентичности, был Вильгельм Пурвит (1872–1945). Во многих его графических работах заметны тенденции к декоративности, однако сам автор отталкивался от подмеченного в самой природе. В работе «Сосны на взмо-

рье» автор изображает плавно изгибающиеся стволы деревьев, чьи округлые кроны, поднимаясь ввысь, сливаются с кучевыми облаками. Эта работа, созданная Пурвитом в 1903 году, принадлежит к наиболее выразительным образцам югендстиля в латвийском изобразительном искусстве [12, с. 126].

Именно творчество Яниса Розенталса и Вильгельма Пурвита было представлено в рижском журнале «Jahrbuch für bildende Kunst in den Ostseeprovinzen» («Ежегодник изобразительного искусства балтийских провинций»), который с 1907 по 1913 год издавался Рижским обществом архитекторов, начиная уже с первого года его издания.

Декоративность в графике типична для работ Петериса Крастиньша (1882–1942). Художник в различных техниках (карандаш, уголь, мел) создал ряд самостоятельных рисунков и виньеток, для которых в трактовке югендстиля характерны чередование декоративности и схватывание явно выраженных реалистичных форм. Для его работ характерно использование нервно хрупких линий, особенно в изображениях движений, а также в полных динамики головках девушек. Некоторые типы рисунков имеют характер набросков. Эти работы были созданы в Париже и в Риме и были объединены в «Тетрадах парижских эскизов» (приблизительно 1907 г.). В них собраны рисунки актёров, посетителей кафе, приехавшие в город крестьяне. Выразительно решение «Автопортрета» (рисунок углем).

Наиболее весомый вклад в развитие печатной графики в начале XX века внес выпускник Центрального училища технического рисования барона Штиглица Рихард Зариньш (1869–1939), достигший не только высокого технического мастерства, но и расширивший своими композициями тематику латышской станковой графики. Основные его произведения — пейзажи, пронизанные романтическими настроениями и изысканные по светотеневой моделировке. Значительной работой является цикл «О чем шумят леса Латвии» (1908–1911). Тематику своих работ Зариньш черпает в латышских народных преданиях. Рихард Зариньш является одним из самых активных искателей национальной идентичности, а также он характеризуется как адепт консервативного национального романтизма [13, с. 329]. В конце XIX и начале XX века в его графике появились элементы югендстиля, что объединялось с типичным художественным ретроспективизмом. Обычно в симметричной графической композиции в обрамлениях неоготического или неоренессансного орнамента на месте картуша художник часто использовал абстрактный и зооморфный мотив плетения, который повторяется в плавном ритме линий югендстиля. Ему легко даются характерные для югендстиля цветочные мотивы в декорах, фигуры людей, фраг-

менты видов пейзажей на иллюстрациях, декоративные обрамления страниц.

Изображение лесных просторов постоянно привлекало Зариньша, на его рисунках и акварелях часто изображались мощные стволы деревьев и ветвистая зелень. На фоне часто используемых образов и орнаментов как необычный экскурс в поэтически мистическую сферу символизма выделяется одна из самых известных его работ в печатной графике «Могила поэта». Здесь объединяющая темноватая светотень использована как создатель эмоционального тона, чтобы подчеркнуть композицию, в духе символизма родственному искусству швейцарского художника Арнольда Бёклина. В сизом свете ночи появляется отраженная в тихой воде усыпальница с гигантскими маскаронами и тенистой листвой над ней. Сам художник о работе над «Могилой поэта» вспоминал: «Идею мне дала цветущая фуксия. У меня, как большого любителя цветов, хорошо шли дела с комнатными растениями, одних только фуксий у меня было 18 видов и среди них две древовидные, выше человеческого роста. И вот как-то осенним вечером, когда я сидел в кресле, глядя с балкона на освещенную луной, пышно цветущую фуксию, у меня вдруг родилась эта мысль о могиле поэта» [14, с. 6].

Способность видеть мгновение слилась с этнографическим интересом художника к надгробным знакам. Работа «Могила поэта» как раз и стала итогом исследований Зариньша: изысканный латвийский ландшафт с синим светом далеких звезд, темными елями, водяными лилиями на лесном озере и захоронение с архитектурной пластикой югендстиля, отраженное в пучине и увенчанное полноцветной фуксией с поющей птицей — образом вечной души. Адресат могилы выбран не случайно — это был умерший в 1911 году Янис Порукс [14, с. 6]. В ощущении красоты проявляется эпоха символизма, провозглашающая лирическим героем поэта.

Если бы Рихард Зариньш указал конкретное лицо, то работа потеряла бы свой символический оттенок. Тем не менее, нельзя не заметить последовательность процессов, поэтому Яниса Порукса следовало бы держать в памяти как национальное обоснование — ведь не всегда же и не везде проглядывают заимствования. «Могила поэта» — колоритный образ, имеющий особую емкость. Его генеалогия коренится в романтизме и таинственной атмосфере исповедуемого его предшественниками культа смерти, который становится живым с началом Первой мировой войны, когда правда смерти переходит на другой уровень, и метаязык отступает в будущее [14, с. 6].

Орнамент как главный объект художественных интересов объединял Рихарда Зариньша с Юлием Мадерни-

ексом (1870–1955). Однако последний был публичным оппонентом первого в его отношении против этнографических костюмов и для него художественная национальная самоидентификация, в отличие от традиционалиста Зариньша, означала также ее модернизацию. Мастер прикладного искусства, педагог по искусству и самый резкий критик искусства того периода Мадерниекс много работал в книжной и журнальной графике, предлагая отличную от вклада Зариньша концепцию декора и орнамента, а также ее реализацию.

Характерными чертами орнамента Зариньша являлись типичные окантовки немецких романтиков и неоромантиков. В его искусстве значительную роль сыграла образность немецкого романтизма бидермейера, точная, жесткая и догматическая линия ремесленнического орнаментализма. Есть предположение, что сложным и ретроспективным стилизациям Зариньша в то время способствовали не только образцы графики немецкого, но и британского Движения искусств и ремесел, и русского объединения «Мир искусства».

Мадерниекс продолжал использовать типичные для югендстиля мотивы стилизации флоры и фауны в графике обложек и виньеток, но, начиная с первых лет нового столетия, обратился также к латышской этнографии как орнаментальному материалу, тем самым соединив элементы югендстиля и народного орнамента, которые впервые появляются в оформлении журнала «Zalktis» в 1906 году. Промежуточным итогом в его деятельности, стало издание первой части сборника оригинальных рисунков «Ornaments», увидевшее свет в 1911 году, и содержащее целую подборку стилизованных художником национальных орнаментов и шрифтов.

Результатом деятельности художника явились орнаменты, в которых в композиции, содержалась четкая геометризация. Прямые вертикальные и горизонтальные, ломаные линии выстраивали четкую геометрию нового орнамента, в котором они и задавали ритм.

Поиски национальной идентичности читаются также в наследии Рудольфа Перле (1875–1917). Он одновременно представляет последний ярчайший и оригинальнейший всплеск символизма в период неоромантического модернизма Латвии. Перле с 1897 по 1905 год учился в Центральном училище технического рисования барона Штиглица в Петербурге, специализируясь на текстильной орнаментации, акварельной живописи и технике офорта.

На начальном этапе своего творчества Перле рисовал и печатал в технике офорта реалистичные пейзажи, изображающие местную природу, в которых чувствуется влияние импрессионизма. Однако большой объ-

ем художественной штриховки офортных пейзажей, превращающей деревья в силуэты, и отдельные линии приобретают ритм югендстиля, как в работе «Сосны» (1904). Считается, что на стиль ранних пейзажей Перле повлияли также эксперименты Исаака Левитана, с которыми он познакомился примерно в 1905 году, исследуя 12 работ русского пейзажиста в технике офорта [13, с. 338].

Однако славу художнику принесли фантастические картины и рисунки, которые были созданы в последние два года жизни (1915–1917). Это фантастические пейзажи, решенные в масляной, акварельной, пастельной, карандашной технике, чье панорамное пространство образуют и наполняют крутые скалы, морской простор, руины, античные парусники, светлое или ночное небо, драматичные облака, небесные светила (и особенно солнце) и иногда сказочные воинственные всадники («Волшебный замок», 1915; «Корабли», ок. 1915–1917; «Мерцание скал», 1915; «Серебряная лодочка», 1915; «Ночные всадники», 1916). Источниками его вдохновения были пейзажи Николая Рериха со средневековыми кораблями и драматичными облаками, скалистые виды Константина Богаевского, но чаще всего нереальные видения Микалоюса Константинаса Чюрлениса. Известно высказывание Перле в пересказе, что истинное искусство находится в достижениях Чюрлениса и Богаевского. У отдельных мотивов могло быть личное символическое значение — например, в картине «Жизненный путь» 1915 года, в которой передается созерцание окрашенной меланхоличным фатализмом короткой и абсурдно бесцельной жизни людей. Иногда появляется свободная интерпретация символики христианства, как в работе «Вифлеемская звезда» 1915 года, но в других композициях читается принимаемая во внимание укоренившаяся общеизвестная символика национально-романтизма в фольклоре («Черная змея муку молла», около 1915–1917; «Солнышко поздно вечером», 1916). В другой раз изображение объединялось с акту-

альными правдивыми посланиями борьбы («Сыновья солнца скачут на войну», 1917).

Мотивы развалин и грозы в свою очередь связываются с настроениями, вызванными драматизмом войны, как в работе «Скелеты» 1915 года; «Ужасные облака», около 1915–1917 годов. Работы с противоположным, повышено оптимистичным настроением изображают центральный солнечный мотив: «Солнце», 1916 год. Вертикальные, динамически заостренные и архитектурные структуры гор в соединении с лучами солнца, как на рисунке «Солнце» (около 1915–1917 гг.), могут быть интерпретированы как аналогия экзальтированного видения архитектуры экспрессионизма того времени, которые Перле, конечно, не мог видеть. Интерес к горным мотивам усилился во время его командировки на Кавказ. Во многих работах последних лет жизни художника прямо отражено течение войны («Обстрел воздушного судна», 1915–1917; «Вышивальщица военного флага», 1916).

Подводя итоги отметим, что формирование национально-культурной идентичности, которая связана с принадлежностью к единому историко-культурному базису, то есть тем символам и элементам культуры, которые объединяют людей в национальность, в изобразительном искусстве Латвии относится к концу XIX века и связано прежде всего с работами художников Адама Алксниса, Яниса Розенталса и Вильгельма Пурвита. Одним из самых активных искателей национальной идентичности в латвийском искусстве рубежа веков был Рихард Зариньш, он также характеризуется как адепт консервативного национального романтизма. Вклад Рудольфа Перле представляет последний ярчайший и оригинальнейший всплеск символизма в период неоромантического модернизма Латвии.

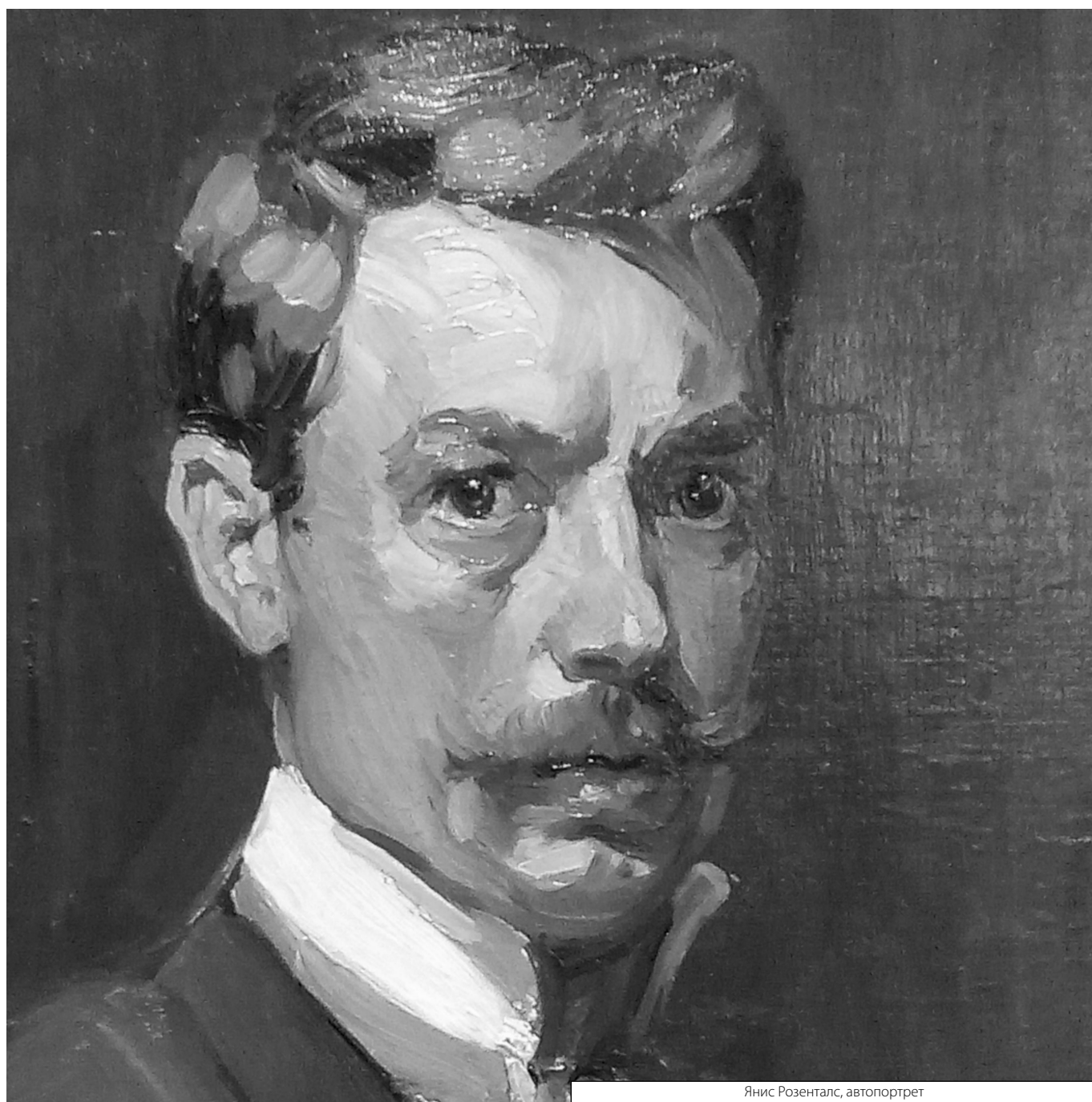
В работе выделены два подхода к разработке национального орнамента, в которых приняли участие выдающиеся художники начала XX века Рихард Зариньш и Юлий Мадерниекс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Циелава, С. Я. Об основных тенденциях формирования школы латышской станковой живописи (конец XIX века — первые десятилетия XX века) / С. Я. Циелава // Искусство Прибалтики: статьи и исследования / Сост. И. П. Соломыкова. — Таллин: Кунст, 1981. — С. 141–156
2. Лапшина, Н. П. «Мир искусства» / Н. П. Лапшина. — М.: Искусство, 1977. — 344 с.
3. Лапшин, В. П. «Союз русских художников» / В. П. Лапшин. — Л.: Художник РСФСР, 1974. — 424 с.
4. Лаце Р. В. Искусство Латвии. // История искусства народов СССР в 9 т. Т. 6/ под ред. Б. В. Веймарна и Н. И. Шантыко. — М.: Изобразительное искусство, 1981. — 456 с.
5. Крастиньш, Я. А. Стиль модерн в архитектуре Риги / Я. А. Крастиньш. — М.: Стройиздат, 1988. — 272 с.
6. Bems, R. Ādams Alksnis / Sastādītājs Kārlis Sūniņš. — Rīga: Latvijas valsts izdevniecība, 1964. — 64. lpp.
7. Siliņš, J., Ādams Alksnis / J. Siliņš // Ilustrētais Žurnāls. — 1925 — № 3. — 65–70. lpp.
8. Rolavs O. Ādama Alksņa izstādes katalogs / O. Rolavs, E. Dmitrijeva — Rīgā, 1947. g. — 48. lpp.
9. Сунынь, К. Ян Розенталь / Карлис Сунынь. — Р.: Лиесма, 1966. — 192 с.

10. Pujāte Inta. Jūgendstils latviešu mākslinieku žurnālu grafika / Inta Pujāte // Jūgendstils. Laiks un telpa / Sastādītāja Silvija Grosa — Rīga: Jumava, 1999—163–170. lpp.
11. Сидоров, А. А. Русская графика начала XX века / А. А. Сидоров — М.: Искусство, 1969. — 252 с.: ил.
12. Kļaviņš Eduards. Jūgendstila ikonogrāfija un latvijas tēlotāja māksla/ Eduards Kļaviņš // Jūgendstils. Laiks un telpa / Sastādītāja Silvija Grosa — Rīga: Jumava, 1999—121–130. lpp.
13. Latvijas mākslas vēsture. IV. Neoromantiskā modernisma periods 1890–1915 / Sastādītājs Eduards Kļaviņš. Rīga: Latvijas Mākslas akadēmijas Mākslas vēstures institūts, 2014. — 640. lpp.
14. Vanaga A. Dažas pieturas Latvijas grafikā//Latvijas grafika. 100 autori, attēli, gadi/P. Apinis, A. Vanaga.-R.: Nacionālais apgāds, 2003.— 6–11. lpp.

© Фролов Дмитрий Александрович (frolov-dmitry@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Янис Розенталс, автопортрет

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЖЕНЩИН-ТВОРЦОВ. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ НА РУБЕЖЕ 19–20 ВЕКОВ. ДВА ВЗГЛЯДА — РОССИЯ; ГЕРМАНИЯ

CULTURAL HERITAGE OF WOMEN CREATORS. EDUCATIONAL ART POLICY OF STATES AT THE TURN OF 19–20 CENTURIES. TWO VIEWS — RUSSIA; GERMANY

E. Khlupnova

Summary. In this work, the historical slice of the formation of gender legal equality at the turn of the nineteenth and twentieth century is realized. Special attention is paid to the key stages of the development of the idea of gender equality and the strengthening of the rights of women in Russia. Revealed and described the relationship between the processes occurring at the turn of the century in educational and artistic policy and the development of creative equality of the sexes; a comparative analysis of the features of this aspect in Russia and the German Empire was carried out.

The role of women in art is considered in more detail. Concrete historical examples of discrimination against women working in the field of art are given, and various points of view on the problem of domestic and foreign specialists are reviewed and summarized.

Keywords: gender inequality, discrimination of women in art, women's rights, creative equality, a woman artist, an artist.

Хлупнова Елена Валентиновна

*Аспирант, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при Российской академии художеств
elena.khlup@hotmail.de*

Аннотация. В данной работе реализован исторический срез становления гендерного правового равноправия на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетия. Особое внимание уделено ключевым этапам развития идеи гендерного равенства и укрепления прав женщин в России. Выявлена и описана взаимосвязь между процессами, происходящими на рубеже веков в образовательной и художественной политике и становлением творческого равенства полов; проведен сравнительный анализ особенностей данного аспекта в России и Германской империи.

Более подробно рассмотрена роль женщины в искусстве. Приведены конкретные исторические примеры дискриминации женщин, работавших в сфере искусства, а также рассмотрены и обобщены различные точки зрения на проблему отечественных и зарубежных специалистов.

Ключевые слова: гендерное неравенство, дискриминация женщин в искусстве, права женщин, творческое равенство, женщина-художник, художница.

В ходе изучения проблематики женского творчества России и Германии на рубеже веков, а также его наследия, был выявлен ряд сравнительных фактов, не только обобщающих исторически-культурологическую важность, но и подчеркивающих пропаганду гендерного равенства; практическое разделение задач по половым признакам выявило «маргинализацию» женского пола. Также было установлено, что эта «маргинализация» начала распространяться в первые десятилетия 20-го и продолжает расширяться в наши дни.

Необходимо отметить, что Российская интеллигенция и сфера образования в целом, опережали в своих предпочтениях Германскую империю. Видимо, эти условия сложились под воздействием отмены крепостного права в 1861 году, в этом контексте, вероятно, проводилась параллель равенства и свобод не только для рабо-

чего класса и крестьянства, но и для женщин, что позволяло избавить их от тотального подчинения отцу и мужу. Уже с 1870-х годов женщины России, имели возможность получить академическое художественное образование. На рубеже веков было разрешено состоять в союзе художников и выставлять свои работы вместе с художниками мужского пола. Конец крепостного права совпал с появлением либерального женского движения и расцветом идеи гендерного равенства, стала очевидной потребность женщин в самореализации на рабочих местах и в получении академической квалификации.

К концу XIX века консервативная политическая среда больше не препятствовала высшему образованию женщин. Творческое равенство полов как идеологическая предпосылка позволило изучать обнаженную натуру в России при совместном обучении в университетах. В то время как в странах Западной Европы и, особенно,

в Германской империи, общество по-прежнему отрицательно воспринимало расширение прав и возможностей женщин в области художественного и академического образования, а так же совместного обучения.

Художественные объединения Германской империи в это время вели дебаты о профессионализации женщин-художников, где обсуждались основные требования — допуск к поступлению женщин в академические учебные заведения и их равноправное участие в художественном производстве.

Появление в России профессии «художник», «... не было связано с преобладающими идеями художника-мужчины и принятием на себя его роли в обществе, оно проходило параллельно как с развитием профессиональной женской деятельности вообще, так и с расширением концепции искусства и появлением новых художественных областей ответственности и задач...» — считает Ада Раев [8].

Но откуда взялись образцы для подражания, на которые ориентировались русские художницы? Вероятно, российская художественная индустрия, в отличие от Запада, предлагала художницам больше возможностей в структурах образования, однако на выставках и в сфере торговли искусством по-прежнему доминировали мужчины. В этой связи должно было последовать обсуждение ролевой модели художника мужчины, хотя не так обширно, как в публичном дискурсе Германской империи. Тем не менее, идея гендерного равенства, которую пропагандировала интеллигенция, и растущее признание академического образования женщин в России к концу 19-го века не означали, что оценка художественных достижений женщин не имела гендерной подоплеку.

В научных работах русских исследователей при рассмотрении становления художниц в обществе подчеркивается (как и в Германской империи) понятие «равенства», но не «сходства» в ходе культурно-творческого производства. Конкретные способности в первую очередь связывались с половой принадлежностью, и только после распределялись конкретные задачи и обязанности.

В русском языке при написании должности мужчин от женщин различают окончанием «а». Однако это грамматическое разделение ни в коем случае не является нейтральным, особенно в более престижных профессиях. Даже в традиционных женских профессиях женская форма звучит сомнительно относительно профессиональных способностей женщины: «Секретарша больше относится к кому-то, кто больше проводит время, крася ногти, чем печатает что-либо» [19].

Чем престижнее считается профессия в обществе, тем унизительнее женская форма. Таким образом, женщинам указывают на недостаток необходимой квалификации в этой профессии. Джо Анна Исаак подчеркивает, что «инженерша» или «врачиха» может относиться как к жене инженера или врача, так и к женщине, которая занимается этой профессией, но не имеет соответствующего квалифицированного образования. Примечательно, что не существует женской формы для русского слова ученый. «Ученая» упоминается только как прилагательное, которое описывает высшее образования женщины, но она не приобретает статус ученого по лингвистическому происхождению. Таким образом, термин «художница» ассоциировался с дилетантизмом, поэтому женщины-творцы редко сами себя так называли.

Чтобы заявить о своих правах на художественное авторство, Е. К. Лукш-Маковска (13.11.1878–15.08.1967) и ее коллеги избегали нарицательного «художницы». Они прибегали к мужской форме — художник. Это жесткое разделение вплоть до сегодняшнего дня в России поддерживает широко распространенные теории о профессиональном поле и неудовлетворительном женском искусстве. Предположение обосновывается тем, что художественная деятельность препятствует «естественной задаче» женщины — материнству; не выполняя ее женщина дегенерирует сразу в двух аспектах: она несовершенна как женщина и, следовательно, несовершенна как художник. Иными словами, вместо материнства женщины создают лишь несовершенные произведения искусства.

Тем не менее, Наталья Шарандак отмечает, что в начале 18-го века использование женской формы написания было обязательным, а уничижительный оттенок появился только в первые десятилетия 20-го века. В церковно-славянском словаре только во второй половине XIX века слово «художница» описывается без каких-либо осуждающих тенденций, равнозначно понятию «художник» [18].

Ольга Басанкур (1879–1942) была одной из немногих женщин-искусствоведов в России, которая внимательно следила за работами современных художниц. В своем эссе 1908 года о женщинах александрийского искусства она упорно использовала слово художница, еще больше подчеркивая пол термином «женщина-художница». В ее случае, однако, сознательное определение женского пола указывает именно на качество искусства.

Как и в теоретическом дискурсе западноевропейского искусства, Басанкур подчеркнула эквивалентность, но не идентичность искусства мужчин и женщин: «Изменение этого порядка возможно только в том случае, если наше общество созреет, чтобы создать пита-

тельную среду для женского пола, а затем для женщины, и только тогда человечество поверит в нее и оценит заслуги женщины». В то время искусство было подчинено проявлению мужского творчества, «питательная среда» еще не была готова. Таким образом, появление и признание «женского творчества» для Басанкур является результатом социального развития, а не биологическим фактором.

Александр Бенуа так же использовал термин художница в истории русской живописи 19-го века. В своей работе кроме 50 художников он описывает и двух художниц — Марию Якунчикову-Вебер и Анну Остроумову-Лебедеву. Бенуа использовал слово «художница» для обеих женщин. Его интерпретация данного термина возникла из данного им описания искусства Якунчиковой-Вебер: «Она — одна из немногих женщин, которой удалось вложить женственность и красоту в свое искусство, мимолетные нежные и поэтические ароматы, не прибегая к дилетантизму или к слащавости» [14]. Бенуа, как и Басанкур, подчеркивает важность пола для выражения женского искусства, но отмечает, что очень немногим женщинам удается продуктивно использовать женское начало. Для критика женское искусство было связано с женственностью как источником творческой силы и термином «художница».

Доктор искусствоведения Гамбургского университета Мария Деренда, рассматривая систему образования в Германской империи, подчеркивает сложность пути становления женщины творца. В отличие от коллег-мужчин, у них не было равных возможностей для обучения, они были ограничены профессиональными рамками, потому лишь самые сильные нашли способ участвовать в процессах арт-системы. Художественные академии, объединения, ассоциации, искусствоведы и арт-критики предоставили художнику рамки для предъявления своих работ и для презентации их публике. Они воссоздали миф о творце для укрепления элитарной позиции художника-мужчины в буржуазном обществе и тем самым узаконили существование.

Согласно данной концепции художника, только мужчины могли достичь блестящих творческих достижений и в своем роде стать гениями. Женщинам было отказано в способности выкристаллизовывать искру гениальности. Их творческие усилия либо не имели места для публичных обсуждений, либо были отстранены от участия в связи с предполагаемыми гендерно-специфическими способностями, такими как пассивность или отсутствие проникновения в окружающую среду [3]. В публичном дискурсе художник считался предположительно подчиненным субъектом, который должен был участвовать в художественном сообществе лишь в ограниченной степени.

Женщина-творец пытается трансформировать изысканный миф о художнике, предъявляя свои требования к норме мужского гения художника. Например, художница Мария Башкирцева (1858–1940) адаптировала для себя миф о гении, запрограммированный исключительно на мужское начало в искусстве, не ссылаясь на гендерные аспекты. Творчество художницы легко и вдохновенно, хотя и не слепо по отношению к архитектонике доминирующих мужских структур искусства; она применяла такие понятия, как авторство, авторитет, аутентичность, оригинальность и новаторство, влияние и эксцентричность в своем искусстве как нейтральные в гендерном отношении.

Другие женщины-художники заменили понятие гениальности понятием таланта или способностей. Несмотря на часто синонимичное использование, гений как воплощение высшего был поставлен над талантом: «Общие характеристики рода, в которых он отличается особенно [...] от таланта, являются оригинальными, своеобразными. Творения его работ и творчества. Художники сознательно использовали очевидную эквивалентность обоих понятий, чтобы избежать строгой связи понятия гения с мужским полом и, таким образом, с вопросом о способности к изобразительному искусству».

Художник и суфражистка Роза Майредер (1858–1938) пришла к выводу, что пол нейтрален в отношении искусства и творчества: «По моему мнению, одаренный человек видит вещи иначе, чем не одаренный — разница между полами ничего не значит». Другие предполагали существование женского гения, эквивалентного мужскому гению. «Я не хочу быть художницей, Я — художник, и моя самая большая гордость в том, что мое искусство женское», — писала художница Валли Выгодзински (1873–1905), которая считала свой талант вне конкуренции с коллегами-мужчинами [12].

Идея о том, что искусство разных полов имеет свои специфические особенности, была растиражирована арт-критиками в начале 20 века мифом о художнике. Современные дебаты о роли женщин в обществе способствовали исследованию этой концепции. Нередко представители буржуазного женского движения прибегали к его аргументации [10]. Ориентируясь на идеи философа Георга Зиммеля и других, справедливо утверждать, что миф художника основывается на идее эквивалентного культурного вклада женщин в социальное развитие. Основной идеей этой концепции было материнство как источник вдохновения для художественных достижений [11].

Художники транслировали свои убеждения и устремления с помощью профессиональных сообществ: ассоциаций художников, которые образовались в крупных городах Германской империи со второй по-

ловины XIX века. Первая такая профессиональная ассоциация — Ассоциация женщин-художников и друзей искусства Берлина — была основана в 1867 году. За ней последовали Ассоциация художников Мюнхена (1882), Ассоциация немецких и австрийских женщин-художников (1908) и Ассоциация женщин-художников (1913).

Эти учреждения были привержены признанию женского художественного творчества в обществе и, как следствие, улучшению образовательного и экспозиционного позиционирования женщин-художников. Академическое художественное образование, ассоциации художников и выставки известных владельцев галерей или вовсе не были открыты для женщин, или только в исключительных случаях. Поэтому женщины-художники создали свои сети в рамках арт-бизнеса: школы художников, выставки художников и ассоциации художников.

Когда конституция Веймарской Республики установила гендерное равенство, двери академии искусств также открылись для учениц. Но в большей степени это относилось к правовой и социальной сфере, мир искусства, как и прежде, был настроен крайне недоброжелательно к женщинам-творцам. В сфере художественного образования обучение и дальнейшая работа с женщинами происходила изначально на основе традиционных ценностей [6]. Таким образом, в реформистском институте Баухауза женщины были приняты на занятия по искусству и ремеслу, но в изобразительном искусстве практически не представлены.

Другим примером дискриминации женщин-художников в отношении своих коллег-мужчин может послужить кадровая политика Прусской академии художеств. В 1919 году Академия назначила К. Кольвиц профессором, которая при этом до 1931 года оставалась единственной женщиной в секции искусства. Тем не менее,

включение Кольвиц означало отход от систематического исключения женщин из публичной художественной индустрии, она подала «важный социально-политический сигнал в направлении изменения культуры академии в молодой республике» [5].

В германской империи основными темами женских объединений художников оставались доступ к художественным исследованиям и гарантия подтвержденного художественного образования. Только после открытия художественных академий для женщин в Веймарской республике ассоциации женщин-творцов Германии достигли своих главных целей, и их самооценка изменилась. Это привело к переориентации и реформированию всех художественных учреждений, а с 1926 года — к основанию Гамбургского объединения Гедок, учрежденному художником Идой Демель (Сообщество немецких и австрийских ассоциаций художников всех жанров искусства).

На уровне общественной оценки женского искусства термины «женственность» и «материнство» вышли на первый план в середине 1920-х годов. Художники Käthe Kollwitz, чей сын умер в Первой мировой войне, и Paula Modersohn-Becker, которая умерла через несколько дней после рождения дочери, стали символами мифа о женщине-художнике.

Многочисленные выставки поднимали тему женского культурного вклада, который уже появился на рубеже веков через «женское искусство». Художники, а так же кураторы выставок, поставили особенность женского искусства под пристальное внимание. Здесь становилось очевидным, что искра гениальности не имеет гендерного различия. Как и в 1900 году, этот подход представлял собой стратегию самоутверждения во все еще доминирующем мужском арт-бизнесе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Berger Renate: *Aufstand gegen die sekundäre Welt. Die Biografik zwischen fact and fiction*, in: Fastert, Sabine et. al.: *Die Wiederkehr des Künstlers. Themen und Positionen der aktuellen Künstler/innenforschung*, Köln/Weimar/Wien. 2011.
2. Biermann Ingrid: *Von Differenz zu Gleichheit: Frauenbewegung und Inklusionspolitiken im 19. und 20. Jahrhundert*, Bielefeld. 2009.
3. *Genie* in: Meyer's Conversations-Lexion für die gebildeten Stände, Hildburghausen. 1849.
4. Käthe-Kollwitz-Archiv, Akademie der Künste Berlin, Nr. 18, 24b–c, Brief von Käthe Kollwitz an Hans Kollwitz v. 20. Mai. 1911.
5. Kratz-Kesemeier Kristina: *Kunst für die Republik. Die Kunstpolitik des preußischen Kultusministeriums 1918 bis 1932*. Berlin. 2008.
6. Mayreder Rosa: *Wie sieht die Frau*, in: *Deutsche Kunst und Dekoration. Illustrierte Monatshefte für moderne Malerei, Plastik, Architektur, Wohnungs-Kunst und künstlerische Frauenarbeiten*. Bd. 66. 1930.
7. Muysers Carola: *Einleitung*, in: Muysers, Carola (Hg.): *Die bildende Künstlerin. Wertung und Wandel in deutschen Quellentexten 1855–1945*, Amsterdam/Dresden. 1999.
8. Raev Ada: *Russische Künstlerinnen der Moderne 1870–1930. Historische Studien, Kunstkonzepte, Weiblichkeitsentwürfe*, München 2002, S. 120; vgl. Herrmann, Anja: *Notre-Dame der Schlafwagen. Die Maskeraden der Marie Bashkirtseff*, in: Berger, Renate / Herr, Anja (Hg.): *Paris, Paris! Paula Modersohn-Becker und die Künstlerinnen um 1900*. Stuttgart. 2009.
9. Ruppert Wolfgang: *Der moderne Künstler. Zur Sozial- und Kulturgeschichte der kreativen Individualität in der kulturellen Moderne im 19. und frühen 20. Jahrhundert*, Frankfurt am Main. 2000.

10. Schaser Angelika: Wahre Kunst und künstlerisches Frauenschaffen: Zur Konzeption des Künstlers bei Gertrud Bäumer, in: Kessel, Martina (Hg.): Kunst, Geschlecht Politik. Geschlechterentwürfe in der Kunst des Kaiserreichs und der Weimarer Republik, Frankfurt am Main. 2005.
11. Simmel Georg: Weibliche Kultur, in: Neue Rundschau, 13. Jg., 1902, S. 504–515; vgl. Köhnke, Christian (Hg.): Georg Simmel. Schriften zur Philosophie und Soziologie der Geschlechter, Frankfurt am Main 1985; vgl. Muysers, Carola (Hg.): Die bildende Künstlerin. Wertung und Wandel in deutschen Quellentexten 1855–1945, Amsterdam/Dresden. 1999.
12. Wygodzinski Vally: Briefe und Aufzeichnungen. Als Handschrift für ihre Freunde gedruckt, Leipzig 1908, S. 51, zitiert nach: Heitmann, Margret / Kaufhold, Barbara: „... mein höchster Stolz ist, dass meine Kunst weiblich sei“. Vally Cohn und ihre geretteten Briefe, in: Kalonymos, Beiträge zur deutsch-jüdischen Geschichte aus dem Salomon Ludwig Steinheim-Institut, 5. Jg., 20.
13. Арсланов В. Г. Западное искусствознание XX века. М.: Академический Проект. 2003. 768 с.
14. Бенуа А. Мои воспоминания. М.: Наука. 1990. 711 с.
15. Деренда М. Жизнь — искусство. К. Кольвиц Е. Лукш-Маковская // Сартрус. 2018. с. 105.
16. Коноплева Н. А. Гендерная парадигма человека творческого в изобразительном искусстве // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6. С. 129–134.
17. Лобко Н. А. Традиционные гендерные стереотипы в культуре современной России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 4. С. 20–24.
18. Шарандак Н. Женские ответы. Ситуация и самоидентификация современных русских художниц // Specimina Philologiae Slavicae. 2002.
19. Д-Ж. Исак / «Спротивление»/ 1992.

© Хлупнова Елена Валентиновна (elena.khlup@hotmail.de).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗА МИРА СУБЪЕКТОВ ТРУДА, РАБОТАЮЩИХ ВАХТОВЫМ МЕТОДОМ

TO THE PROBLEM OF STUDYING THE TEMPORARY RELATIONSHIP OF THE IMAGE OF THE WORLD OF WORK ENTITIES, WORKING BY THE SHIFT METHOD

N. Bakhtina

Summary. The article deals with the problem of the temporal relativity of the image of the world of subjects working of the shift method. The image of the world of the subjects working of the shift method is professionally and temporarily specific, as a result of which: difficulties arise, as an intrapersonal character, connected with the peculiarities of the development of the personality; and interpersonal — the problem of the implementation of parent-child, marital relations, personalization. The relevance of the consideration of this problem and finding the possibilities of its solution is determined by the practice needs.

Keywords: image of the world, temporal relativity of the image of the world, work schedule, shift method of the work.

Бахтина Наталья Николаевна

*К.псих.н., доцент, Северо-Восточный
государственный
Университет (г. Магадан)
18ab@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрена проблема временной относительности образа мира субъектов, работающих вахтовым методом. Образ мира субъектов, работающих вахтовым методом, профессионально и временно специфичен, вследствие чего: возникают трудности как, внутриличностного характера, связанные с особенностями развития личности; так и межличностного — проблемы реализации детско-родительских, супружеских отношений, персонализации. Актуальность рассмотрения данной проблемы и нахождения возможностей ее решения определяется запросами практики.

Ключевые слова: образ мира, временная относительность образа мира, рабочий график, вахтовый метод работы.

В современной психологии труда проводятся исследования индивидуального и группового субъекта труда в контексте профессионального самоопределения и становления профессионального самосознания, адаптации к профессиональной деятельности, профессиональной пригодности и описания профессионально-важных качеств, особенностей функционирования профессиональных групп и сообществ, а также специфики образа мира и образа жизни. Однако, несмотря на многообразие исследований остается открытым вопрос о временной относительности образа мира субъекта труда.

Понятие «образ мира» для описания интегральной системы значений предложил А. Н. Леонтьев [6]. Образ мира определяется как, пространственно-временными характеристиками действительности, так и значением того, что субъект отражает. А. Н. Леонтьев отмечал, что образ мира имеет еще и особую составляющую — «квазиизмерение», и при построении образа мира субъект опирается на значимые ориентиры, своего рода существенные признаки, в системе жизненного пространства [6].

Компонентами и строительным материалом образа мира являются значения. Образ мира, определяется актуальными (познанными) связями предметного мира [8]. Образ мира, детерминирован культурно-исторически, т.е. он изменялся в процессе приспособления человечества к меняющейся реальности, и служит основой выстраивания субъектом адекватного взаимодействия с окружающей действительностью. На субъективность пространственно-временной составляющей образа мира указывал В. П. Серкин, нарушение порядка событий и действий может не замечаться субъектом, если они «соприкасались по значению» [8, с. 71]. Таким образом, образ мира представляет собой субъективное и пристрастное отображение действительности.

Е. А. Климов, указывал на существование профессиональной относительности образа мира [4]. Исследования образа мира разнотипных профессионалов проводились на основе анализа текстов о профессиях, в основном профессиограмм, в двух направлениях: образ субъекта деятельности в разнотипных профессиях и образ внешнего мира в сознании разнотипных про-

фессионалов, на основании чего Е. А. Климов предложил структуру образа мира профессионала [4].

В. П. Серкин отмечал, что изучение образа мира субъекта должно идти по пути моделирования его в таких системах описаний как, системы значений, функций и генеза образа мира [8]. Таким образом, можно представить следующую модель описания образа мира субъекта труда, состоящую из трех компонентов:

1. Описание профессиональной составляющей образа мира с учетом профессиональной специфичности значений и пространственно-временной относительности.
2. Описание функций образа мира субъекта труда.
3. Описание генеза т.е. формирования, становления и развития образа мира субъекта труда.

Особый интерес представляют работы Ю. К. Стрелкова, посвященные анализу образа мира профессионала [9]. Образ мира рассматривался как структура с динамической организацией и изучался на основе исследования специфики динамической организации профессиональной деятельности. Ю. К. Стрелков определял образ мира как структуру, детерминирующую многообразие событий и их субъективное временное единство, выделил особые временные параметры образа мира профессионала: длительность и ее переживание, ритм, срок, сеть сроков, синхронизация, разрывы и деформации временной связности, многоаспектность одновременно отслеживаемых и переживаемых временных процессов [9]. К субъективным характеристикам образа мира Ю. К. Стрелков относил: неравномерность, обратимость и непоследовательность (нарушения, изменения временной последовательности в сознании) событий [9].

Время — это особая категория психологии труда. Ю. К. Стрелков считал, что «время профессионально специфично ...» [9, с. 137]. С психологической точки зрения, время — это важная составляющая психической организации личности. Деятельность субъекта труда функционирует во времени и ограничена временем — рабочим графиком.

Н. Н. Бахтиной была предложена классификация профессий, где основанием для выделения групп профессий являлось профессиональное время (рабочий график). В классификации были выделены шесть групп профессий, однако, необходимо учитывать, что в рамках одной профессии существуют специализации, которые могут предусматривать различные временные режимы работы [1].

Таким образом, актуальным представляется изучение образа мира субъектов труда вообще, и его временной составляющей, в частности, представителей выделен-

ных групп профессий, на основании трехкомпонентной модели описания специфики образа мира.

В последнее время в Магаданской области и районах Крайнего Севера распространен вахтовый метод работы, которой представляет собой особую, в том числе и особую временную форму организации труда, с особым рабочим графиком. На основании классификации профессий, по такому параметру как, профессиональное время, «вахтовые» профессии относятся к группе профессий суммированного учета рабочего времени. Вахтовый метод включает время выполнения работ на объекте и время междусменного отдыха в вахтовом поселке — собственно рабочий график, а также время между вахтами — «межвахту», длительное время отдыха в домашних условиях. Образ мира как представленность мира в сознании субъекта, работающего вахтовым методом, вследствие его профессиональной и временной специфичности очевидно имеет свои особенности, проявляющиеся в особенностях развития личности и межличностных отношений.

Вахтовый график работы способствует формированию определенных личностных качеств субъекта труда, таких как, безынициативность, несамостоятельность, неспособность к принятию решений. Субъект работает в группе, команде по четкому графику. Работодатель решает все вопросы во время пребывания на вахте (хозяйственно-бытовые, спорные и др.), распределяет по участкам, указывает пространственные и временные границы выполнения задания [8]. Таким образом, рабочий график, и связанная с ним организация труда наряду с его содержанием, может стать причиной появления профессиональных деформаций личности субъекта, которые являются примерами приспособления к требованиям профессии, относительно успешного в ее рамках, но неадекватного, при их переносе во вне профессиональные условия [3].

О. А. Гаранина изучала проблему организации времени жизни специалистов, работающих в режиме сменного графика и ввела понятие «социальный десинхроноз» [2, с. 28]. Социальный десинхроноз понимается как, несовпадение индивидуальной временной концепции, детерминированной спецификой рабочего графика, и временной концепции социума («внутренний» десинхроноз), и проявляется во временном рассогласовании жизни специалиста и жизни значимых других людей, работающих в обычном графике («внешний» десинхроноз)» [2].

Очевидно, что «вахтовики», также, как и специалисты, работающие в режиме сменного графика, могут испытывать социальный десинхроноз. Причем остро будет переживаться именно «внешний» десинхроноз, что связано с отсутствием одного из членов семьи. В семьях,

где один из членов семьи, работает вахтовым методом, в результате десинхронизации, возможны нарушения внутрисемейных отношений.

В. П. Серкин отмечает, что в семейной системе в случае изменения функционирования какого-либо фактора, данное нарушение будет компенсироваться изменением функционирования других, а некоторых случаях и привлечением новых факторов [8]. Исследования особенностей жизнедеятельности семей, где один из супругов работает вахтовым методом, показали, что в случае, если одни члены семьи перестают реализовывать определенные семейные функции, удовлетворять потребности других ее членов, то эти другие начинают самостоятельно реализовывать данные функции [5; 8]. В так называемых «вахтовых» семьях происходит изменение характера главенства в семье, что определяет изменения системы отношений власти и подчинения, и распределения ролей и функций в соответствии с теми задачами, которые решает семья на данной стадии своего жизненного цикла [8].

В семьях, где один из членов семьи работает вахтовым методом, существует и специфика родительского отношения, В. В. Колесникова отмечала, что в семьях «вахтовиков» или сезонных рабочих возникает проблема детско-родительских отношений, связанная с нехваткой общения и даже утратой «чувства отцовства» [5].

В условиях работы вахтовым методом, в связи со специфичностью временной организации труда, возникает и проблема персонализации субъекта. Персонализация понимается как идеальная представленность субъекта в жизненном пространстве других людей, что

и определяет личность как общественное образование [7]. Субъект, работающий вахтовым методом, должен иметь навыки синхронизации времени, т.е. уметь синхронизировать свое время и время значимых других и договариваться о том, как осуществлять общение и совместную деятельность. Вырванность субъекта из личного пространства социальных связей и отношений заставляет его находить способы своей представленности в жизненном мире других людей, иначе высока вероятность деперсонализации, как выраженной в определенной степени объективной утраты возможности быть идеально представленным в жизнедеятельности других. Эффективность средств персонализации снижает риск деперсонализации.

Специфичность времени и пространства отношений со значимыми другими субъекта, работающего вахтовым методом, может привести к отсутствию его представленности не только налично, но и интериоризованно в жизнедеятельности других. Значимые другие, длительное время живут самостоятельно, в следствие чего могут отстраниться психологически, и в данном случае, не остается даже факта отраженной субъектности, который, как правило, говорит о персонализации субъекта в жизнедеятельности других, т.е. можно будет говорить о деперсонализации субъекта. Синхронизация времени, способы и средства синхронизации, умение их применить — сложная психологическая проблема для субъектов труда, работающих вахтовым методом.

Таким образом, временная относительность образа мира субъекта труда представляет сложную и многоаспектную проблему психологии труда, необходимость решения которой определяется запросами практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтина Н. Н. Профессиональное время субъекта как основание для психологической классификации профессий // Вестник Северо-Восточного государственного университета. — Вып. 10 — Магадан: Изд. СВГУ, 2008. — С. 68–71.
2. Гаранина О. А. Организация времени жизни специалистов, работающих в режиме сменного графика // Ученые записки кафедры психологии Северного международного университета / Под ред. В. П. Серкина. Вып. 6. — Магадан: Кордис, 2007. — С. 27–39.
3. Зеер Э. Ф. Психология профессий. М.: Акад. Проект, 2003. 330 с.
4. Климов Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях. — М.: Из-во МГУ, 1995. — 224 с.
5. Колесникова В. В. Влияние профессиональной деятельности на образ жизни и образ мира специалистов, работающих вахтовым методом // ученые записки кафедры психологии СВГУ / Под ред. В. П. Серкина, И. Ю. Кузнецова, Ю. Е. Якуниной. Вып. 6. — Магадан: Изд. СВГУ, 2007. — С. 39–44.
6. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — Москва: Политиздат, 1975. — 304 с.
7. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. — Ростов-на-Дону, 1996. — 512 с.
8. Серкин В. П. Образ мира и образ жизни. — Магадан: Изд-во СМУ, 2005. — 331 с.
9. Стрелков Ю. К. Инженерная и профессиональная психология. — М.: Издательский центр «Академия»; Высшая школа, 2001. — 360 с.

© Бахтина Наталья Николаевна (18ab@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

FEATURES OF THE INTELLECTUAL DEVELOPMENT OF CHILDREN OF PRIMARY SCHOOL AGE WITH AUTISM SPECTRUM DISORDER

M. Doronina

Summary. The autism spectrum disorder "ASD" is a deviation in the mental development of the child, which is accompanied by a violation of intellectual abilities. The most striking external signs that can push parents to the fact that they have a special child are: the child's lack of contact needs or avoidance, absence or shortness of gaze fixation, stereotyped behavior, the child's desire to maintain constant, habitual living conditions and speech delay or monotonous speech acts.

Psychological diagnostics of intelligence of children with autism spectrum disorder is a complex process that requires an analysis of the behavior of these children, the characteristics of their activities and the characteristics of the development of speech abilities.

Keywords: autism, autism spectrum disorder, child, intellect, learning, psychology, speech, attention, disease, diagnosis.

Доронина Мария Игоревна
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»
mariydoronina@yandex.ru

Аннотация. Расстройство аутистического спектра «РАС» — это отклонение в психическом развитии ребенка, которое сопровождается нарушением интеллектуальных способностей. Наиболее яркими внешними признаками, которые могут подтолкнуть родителей на то, что у них особенный ребенок это: отсутствие у ребенка потребности в контактах либо вообще избегание, отсутствие либо кратковременность фиксации взгляда, стереотипность в поведении, желание ребенка сохранить постоянные, привычные условия жизни и задержка речи или однообразные речевые действия. Психологическая диагностика интеллекта у детей с расстройством аутистического спектра является сложным процессом, требующим анализа поведения таких детей, особенностей их деятельности и особенностей развития речевых способностей.

Ключевые слова: аутизм, расстройство аутистического спектра, ребенок, интеллект, обучение, психология, речь, внимание, заболевание, диагностика.

Очень часто сегодня мы слышим «аутизм», «аутист», «ребенок-аутист». Впервые слово «аутизм» появилось в начале 20 века. Далее в сороковые годы было описано более 10 клинических случаев. Кто-то считает, что это диагноз. Кто-то — что это психическое расстройство, заболевание. До сих пор точная природа РАС еще не выявлена. «Аутизм» переводится с латинского как «сам», что подтверждает их замкнутость на себе, нежелание быть оторванным от внешнего мира.

Аутизм обычно диагностируется у детей в возрасте до трех лет. Проявляется он в различных формах интеллектуальных способностей. Такие малыши имеют серьезные проблемы в адаптации, в общении с окружающими. Именно эти дети требуют поддержки и сопровождения. Нередко успешной социализации и повышению интеллектуальных способностей способствует особая одаренность в какой-либо сфере.

Большинством исследователей доказано, что детям с РАС доступны обобщение, понимание причинно-следственных связей, но не все они могут применять свои способности навыки в обыденной жизни. В многочис-

ленных клинических исследованиях написано, что развитие интеллекта, интеллектуальных способностей зависит от характера и динамики заболевания. Наихудший прогноз в дальнейшем развитии интеллектуальных способностей наблюдается у детей с шизофреническим процессом.

Школьная деятельность у таких детей не ладится. У них отмечается пассивность и невнимательность на уроках. Такие дети зачастую уходят в себя. Как ведущая деятельность обучение в начальной школе у детей с РАС в их возрасте не складывается.

Еще в XIX веке психологами началось изучение интеллекта. В переводе интеллект — это ум, разум. Это способность к познанию, способность рационально мыслить и действовать, способность работать с поступающей информацией. Четкого однозначного понятия нет. Специалисты каждой области трактуют данный термин по-своему. В педагогике — это способность к обучению, в психологии, согласно теории Пиаже, — это биопсихическая адаптация к существующим обстоятельствам. Обобщая можно говорить, что это качество психики, по-

зволюющее принимать жизненные решения на основе существующих знаний, извлекать опыт благодаря разноплановой деятельности.

В литературе часто встречается, что интеллект — это способность мышления. Только это не совсем так. Мышлением стоит считать процесс познания, аналитическую деятельность, ведущую к обобщению информации, ощущений, что приводит к знаниям. В таком интеллектуальном процесс важное значение имеет речь.

Ни одного человека невозможно представить без мыслительного процесса. Интеллект человека состоит из следующих ведущих компонентов: мышление, память и способность к разумному поведению в проблемных ситуациях. По мнению В. П. Зинченко, интеллект — это:

- ◆ общая способность к познанию и решению проблем, определяющая успешность любой деятельности и лежащая в основе других способностей;
- ◆ система всех познавательных способностей индивида: ощущения, восприятия, памяти, представления, мышления, воображения;
- ◆ способность к решению проблем без проб и ошибок «в уме» [19].

Понятие интеллекта как общей умственной способности применяется в качестве обобщения поведенческих характеристик, связанных с успешной адаптацией к новым жизненным задачам. Это способность к познанию, способность рационально мыслить и действовать, способность работать с поступающей информацией. Д. Векслер, говорил, что интеллект — это способность действовать целенаправленно, мыслить рационально. В психологии под интеллектом понимают относительно устойчивую структуру умственных способностей индивида; способность справляться с соответствующими заданиями, эффективно включаться в социокультурную жизнь, успешно приспосабливаться [20].

Младший школьный возраст — очень ответственный период жизни, от переживания которого очень зависит развитие интеллекта и самой личности, но с другой стороны в этот период жизни ребенок сохраняет много детских качеств — легкомыслие, наивность. В этом возрасте у детей появляется множество позитивных изменений. Это самый сензитивный период жизни ребенка для:

- ◆ формирования мотивов учения
- ◆ раскрытия индивидуальных особенностей
- ◆ усвоения социальных норм
- ◆ развития адекватной самооценки
- ◆ развития навыков общения со сверстниками.

В этом возрасте также происходят изменения на физиологическом уровне. Происходят существенные изменения с внутренними органами и телом в целом.

Формируются изгибы позвоночника, из чего следует подвижность и гибкость костей. Интенсивно растет мышца сердца. Данные изменения создают благоприятные анатомо-физиологические предпосылки для вхождения ребенка в образовательную деятельность, которая требует и умственного напряжения, и физической выносливости.

Младшие школьники современного поколения очень неусидчивы, непоседливы и гиперактивные, не могут долго сосредотачиваться на выполнении одной задачи. В связи с их особенностями возникают проблемы в обучении. Однако, в данном возрасте ребенок может быть одарен в каких — то отдельных сферах деятельности (музыка, рисование, танцы, спорт). Но, несмотря на это, в младшем школьном возрасте продолжает развиваться внимание, память. В этом возрасте хорошо развито непроизвольное внимание. Их привлекает все новое, яркое, неожиданное и интересное, и эти предметы им запоминаются быстрее всего. А существенно важные детали в обучении они могут упустить.

В этом возрасте начинает развиваться произвольная память, которая потом становится той функцией, на которую опирается вся учебно-познавательная деятельность ребенка. Она дает установку ребенку на заучивание, а также на стимулирование словесно — логического запоминания. Одним из новообразований младшего школьного возраста является то, что ребенок начинает планировать у себя, про себя.

Дети с расстройством аутистического спектра входят в группу детей с ОВЗ — «детей с ограниченными возможностями», что является патологией. Сам термин аутизм возник еще в 1911 году. Данный термин ввел ученый Э. Блейлер. В это время «аутизм» обозначал состояние ухода ребенка в себя, уход от внешнего мира. Он говорил, что «аутистичный человек — психически больной человек, у которого снижена возможность произвольно управлять мышлением» [16]. Исходя из этого, Э. Блейлером был введен термин — «аутистическое мышление».

На данный момент, в современном мире идет спор, что является нормой, а что является патологией. Понятие психической нормы и патологии еще возникли во времена Аристотеля и Гиппократ. Гиппократ еще в то время задумывался о психических заболеваниях, об их причинах. Б. С. Братусь говорил: «В клинко-психологическом контексте рассматриваются вопросы определения критериев нормы и патологии, и возрастная норма определяется как отсутствие аномальных проявлений в поведении, состоянии человека определенного возраста» [14]. Можно выделить общие признаки патологии:

- ◆ неадекватная самооценка, не критичность к самому себе;
- ◆ патологические изменения личности, патологическая симптоматика;
- ◆ отсутствие референтной группы.

Одним из проявлений патологии является РАС — расстройство аутистического спектра.

Обобщая различные точки зрения под аутизмом, в широком толковании, понимается ярко выраженная необщительность, желание избегать всяческих контактов, потребность в нахождении в привычной обстановке. В опубликованных научных материалах «аутизм признается особым, биологически обусловленным типом первазивного, то есть затрагивающего все психические функции ребенка, нарушения психического развития отечественные авторы определяют его специфику как искаженное психическое развитие».

Аутизм может проявляться внешними признаками:

- ◆ аутизм — это одиночество человека, снижение желания и способности к установлению эмоционального контакта и социального развития, возникновение трудности, как мы отмечали ранее, в установлении глазного контакта, расстройство внимания и трудность контакта, в наибольшей мере со сверстниками;
- ◆ ребенку с расстройством аутистического спектра характерно стремление сохранить постоянные, привычные условия жизни (нахождение предметов на определенных местах), характерна поглощенность однообразными действиями, пристрастие к одним и тем же предметам, захваченность однообразными интересами.
- ◆ отсутствие воображения у ребенка, он не способен изобразить в игре взрослых или сказочных героев.
- ◆ также дети с расстройством аутистического спектра характеризуются неспособностью сопереживать.
- ◆ у таких детей в разной степени проявляются нарушения в адаптации.
- ◆ отмечается выраженное волнение при любых переменах в окружающем мире.
- ◆ необоснованная настойчивая привязанность к следованию определенных правил: всегда ходить только по одному маршруту, класть игрушки на определенное место. Неудовлетворение таких желаний грозит истерикой и агрессией. Недостаточность в самосохранении выражается в сверхосторожности. Такие дети часто испытывают дискомфорт, чувствуют опасность в окружающем мире.

Аутизм, нарушение развития социальной сферы ребенка связаны напрямую с интеллектуальными способностями ребенка. Интеллект Л. Каннер определял, как способность к осуществлению процесса познания, а одним из показателей развития считал отсутствие боязни к чему-то новому. По сравнению со здоровыми детьми, такие дети представляют особую проблему для учителей, педагогов. Они требуют индивидуального подхода и поддержки. Некоторые педагоги в таких случаях настаивают на домашнем обучении, но это не подходит такому ребенку. Для него важно не столько накопление знаний, обучение, сколько взаимодействие с другими людьми.

Сейчас можно выделить некоторые особенности детей с расстройством аутистического спектра: уже с самого детства они испытывают трудности в привлечении внимания у родителей (указ на предметы, в которых они нуждаются). У детей, страдающих расстройством аутистического спектра наблюдаются грубые нарушения целенаправленности и произвольности внимания, изоощренное ощущение собственного тела, звуков, красок, обладают великолепной механической памятью. Они сначала обучаются с помощью механической памяти, только потом на нее накладываются знания и умения. Ребенок с РАС отличается эмоциональной холодностью, повышенной ранимостью, чувствительностью к критике, агрессией и самоагрессией.

Ранее аутизм у детей рассматривался только как неконтактность ребенка. Сегодня аутизм рассматривается как первазивное нарушение развития, затрагивающее все сферы психики ребенка, а в основном интеллект ребенка.

Ребенок с расстройством аутистического спектра (РАС) испытывает трудности в сосредоточении и целенаправленности, что приводит к снижению способности к обучению. Одновременное присутствие у детей с РАС других заболеваний в три или четыре раза снижает интеллектуальные способности. На данный момент, к настоящему времени взаимосвязь интеллекта и аутизма до конца не изучена.

Сейчас детей с РАС берут в обычные школы, что является неправильным. В контексте инклюзивного образования уровень интеллекта у детей с расстройством аутистического спектра приобретает особое значение. В последнее время учеными и психологами избегается термин «умственная отсталость», а используется термин «нарушение интеллекта». Американские психологи под нарушением интеллекта понимают ограничение интеллектуального поведения. Дети — аутисты проявляют повышенный интерес к таким наукам, как ботаника, астрономия, зоология [18].

Снижение школьной успеваемости во многом обусловлено поведенческими аномалиями. Дети с РАС тяжело концентрируются. Также некоторые дети способны к воссозданию сложных геометрических фигур, хорошему счету и обладают исключительной памятью на цифры, даты и имена. Таких детей называют «гениями — аутистами». Степень интеллектуальной задержки зависит от степени и вида аутизма. Л. Каннер утверждал, что большинство людей, страдающих слабоумием, на самом деле они были «бесспорно, одарены хорошими когнитивными способностями».

Многие люди с расстройством аутистического спектра гениальны, обладают способностями, которыми не обладает обычный здоровый человек. Среди детей аутистов встречаются талантливые люди: талантливые музыканты, художники, певцы. При аутизме области мозга развиты неравномерно: один и тот же поток сенсорных сигналов активирует в коре головного мозга аутиста 17 центров вместо четырех предусмотренных в норме (возможно, этим объясняется повышенная утомляемость людей с аутизмом). У большинства детей с РАС великолепная память, они помнят буквально все, что когда — либо услышали или увидели.

Также у детей — аутистов развиты сенсорные каналы восприятия. Они способны воспринимать информацию на особом уровне, на котором не способен воспринимать обычный человек. Один из крупнейших современных специалистов по интеллекту Г. Гарднер пишет: «Разум, ум, логика и знания — не одно и то же...». Самыми знаменитыми людьми с аутизмом являются учёный А. Эйнштейн, режиссёр В. Аллен, актёр Э. Кауфман, музыкант Б. Дилан.

Распространенной проблемой у детей с расстройством аутистического спектра с низкими интеллектуальными способностями является «понимание». Дети не понимают названия предметов, их качества и действия.

Уровни интеллектуального развития не отделимы от других особенностей возраста и особенной первичного дефекта, и других заболеваний, а также индивидуальных способностей ребенка. Розенталь говорил: «Умственное развитие не сводится к объему знаний и умственных операций, которыми владеет школьник». Проблемы с обучением у детей с РАС и интеллектуальные способности очень индивидуальны. Дети с сохранным интеллектом обладают порой одаренностью в той или иной сфере. Дети со сложным дефектом и не сохранным интеллектом требуют особого обучения, коррекции и специальных методик для работы с ними.

Несмотря на свои странности и особенности, дети с сохранным интеллектом способны успешно учиться в общеобразовательной школе.

Одной из главных потребностей человека является потребность в обучении. Дети с РАС имеют особые образовательные потребности. К сожалению, таких детей с расстройством аутистического спектра инклюзируют в обычные детские сады и школы. Сейчас существует единственный ресурсный центр по сопровождению и обучению таких детей, но только до 5 класса. Сейчас инклюзия противопоставляется специальному образованию. У таких детей существуют особенные образовательные потребности:

- ◆ в период подготовки к школе;
- ◆ в введении в ситуацию обучения (дозированно);
- ◆ в сопровождении тьютора (индивидуального помощника-педагога);
- ◆ в создании комфортных условий обучения, как эмоциональных, так и сенсорных;
- ◆ в постоянной помощи на уроке ребенку;
- ◆ в дозировании учебной нагрузки;
- ◆ проведении индивидуальных занятий с психологами, дефектологами;
- ◆ в оценке индивидуальных достижений;
- ◆ в постепенном расширении образовательного пространства, навыков и умений.

Так как дети — аутисты делятся на 3 группы по уровню тяжести первичного дефекта и для каждого ребенка существуют разные, особенные условия обучения.

1 группа

В этом варианте можно говорить об инклюзии таких детей в обычные образовательные учреждения. (Можно с учетом сопровождения тьютором).

2 группа

Предполагает создание индивидуальных условий обучения. Наличие комплекса психолого-педагогического сопровождения.

3 группа

Создание специальных классов с маленьким количеством детей (5–6 человек). В таких классах обязательно должны находиться тьюторы на каждого ребенка, няни. Должны создаваться специальные методические и организационные условия.

Формирование успешного учебного поведения ребенка с РАС зависит от родителей, учителя, психолога и логопеда, которые смогут развить способности к эмоциональному контакту и социальному взаимодействию. Важно, чтобы занятия проводились в определенном месте и в определенное время в силу особенностей детей — аутистов. Такое место для проведения различных

занятий организуется так, чтобы ребенок не отвлекался и его зрительное поле было максимально организовано. Само занятие в первое время должно быть, как продолжение игры, так как у ребенка с РАС обучение не является ведущей деятельностью и мотивов к ней тоже нет. На начальном этапе обучения младшие школьники с расстройством аутистического спектра уже могут изучать цифры, буквы, они очень быстро запоминают их. Можно группировать предметы по цвету, размеру, закрашивать определенные предметы, играть в лабиринты. В конце занятия дети — аутисты очень хотят слышать, что они «молодцы». Эти простые, на первый взгляд, упражнения приобретают особое значение для детей и даются такому ребенку сложнее, чем учебные навыки: чтение, счет. Если у ребенка, у которого нет особого пристрастия к буквам и цифрам, удобнее, таким образом, обучение начать с тех занятий, которые он уже начал осваивать в игре. Например, с рисования, лепки.

Но для детей, у которых вовсе не сохранен интеллект рекомендуется обучаться в специальных школах и по специальной программе. Для таких детей специально используют индивидуальные книжки, которые изготавливаются родителями и учителями. Внутри этой

книжки находятся картинки на липучках, которые ребенок изучает и использует в своей жизни. С помощью этих картинок ребенок — аутист способен показать и рассказать о своих потребностях и чувствах.

Дети с расстройством аутистического спектра входят в группу детей с ОВЗ — «детей с ограниченными возможностями». Проблема появления детей с расстройством аутистического спектра по — прежнему привлекает к себе внимание. Создаются специальные ресурсные центры по сопровождению таких детей, однако не налажена специализированная помощь и все это ведет к запоздалой диагностике и раннему формированию инвалидности.

Отметим, что при отсутствии представления природы данного расстройства, отсутствие диагностики, специальных методик для работы с такими детьми, отсутствие специальных образовательных учреждений большая часть детей — аутистов признается не обучаемой и не адаптированной.

Проведенный анализ научной литературы, публикаций говорит нам о том, что таких работ мало и существуют явные «провалы» в знании о таком заболевании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Autism and Developmental Disorders (Russia). — 2017. — № 1 (54).
2. Autism: a reappraisal of concepts and treatment / Eds: M. Rutter
3. Communication problems in autism / Eds: E. Schopler, G. B. Mesibov. — New York etc.: Plenum Press, 1985.
4. Diagnosis and assessment in autism / Eds: E. Schopler, G. B. Mesibov. — New York etc.: Plenum Press, 1988.
5. Early childhood autism / Ed.: L. Wing. — 2-nd ed. — Oxford: Pergamon Press, 1976.
6. Welch M. Holding-Time. — New York (NY): Saimon and Shuster, 1988.
7. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. — М., — 1980 — С. 333.
8. Аверин В. А. Психология детей и подростков. — 1998.
9. Аутизм и нарушения развития. Журнал. — 2017. — Т. 15 — № 1 (54).
10. Жиенбаева Н. Б., Измайлова А. М. Психологические особенности развития личности в младшем школьном возрасте // Молодой ученый. — 2018. — № 11. — С. 116–119.
11. Заломаева Н. Б. Опыт обучения аутичных детей начальным школьным навыкам. — 1995. — № 2. — С. 135.
12. Каган В. Е. Аутизм у детей. — М., 1981.
13. Ковалев В. В. Психиатрия детского возраста. — М.: Медицина, 1979. — С. 33–41.
14. Коллектив авторов. Современные представления о психической норме и патологии: Психологический, клинический и социальный аспекты. — М., 2015.
15. Лебединский В. В., Никольская О. С., Баенская Е. Р., Либлинг М. М. — Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция. — М., 1990. — С. 197.
16. Лебединский В. В. Нарушения психического развития у детей. — М., 1985 — С. 167.
17. Никольская О. С., Баенская Е. П., Либлинг М. М. Аутичный ребенок. Пути помощи. — М., 2000.
18. Никольская О. С. Проблемы обучения аутичных детей. //Дефектология. — 1995 — № 2. — С. 45.
19. Поперечная Л. Н., Коробейников И. А. Психологические и социальные проблемы ранней диагностики умственного недоразвития. //Экспериментальные исследования в патопсихологии. — М., 1976.
20. Хрестоматия: Дети с нарушениями развития. /Сост. В. М. Астапов. — М., 1995.
21. Краткий психологический словарь. // Под ред. МА.Дьяченко, Л. А. Кандыбович. — Минск, 1996 — С. 97.
22. Эльконин Д. Б. Психологические вопросы формирования учебной деятельности в младшем школьном возрасте. — М., 1981.
23. <http://itexts.net/avtor-olga-sergeevna-nikolskaya/174786-deti-i-podrostki-s-autizmom-psihologicheskoe-soprovozhdenie-olga-nikolskaya/read/page-14.html>
24. https://ikprao.ru/?publication_year=2017

25. <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-28/role-playing-in-the-correctional-work-with-autism-spectrum-disorders>
26. <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-18/psihologicheskaja-klassifikacija-detskogo-autizma>
27. <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-23/psihologicheskaja-pomoshh-podrostkam-s-autizmom>
28. <https://alldef.ru/ru/>
29. <https://ikprao.ru/research/research-priorities/autism-spectrum-disorders>
30. http://autismspb.ru/2018_rabo4ie/fk_5_klass.pdf
31. http://vkr.pspu.ru/uploads/3611/Popkova_vkr.pdf

© Доронина Мария Игоревна (mariyodoronina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет

ТЮТОРСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ ОДАРЕННОГО РЕБЁНКА

Козлова Вероника Анатольевна

Доцент, Московский городской педагогический университет, г. Москва
kva1208@yandex.ru

TUTOR SUPPORT FOR THE FORMATION OF VOLITIONAL QUALITIES OF A GIFTED CHILD

V. Kozlova

Summary. This work is devoted to the study of issues related to the development of personal, including volitional, qualities of gifted children through tutoring support. The documents regulating the need for an individual approach to the development of the personality of students and work with gifted children were studied and analyzed. The work contains the definition of the concept of "gifted child."

The basic volitional qualities of the child are also defined, among which are discipline, independence, perseverance, endurance, organization, determination and initiative. In addition, the resources of tutoring activities were studied: specialized camps, special laboratories and rooms, thematic manuals, expeditions, and an abundance of tracking methods.

Various methods of working with gifted children are described, such as practice-oriented activities, problem-based learning; methods of active learning, analysis and introspection; methods of independent work of students; as well as design and psych diagnostic methods.

Keywords: tutor accompaniment, personal qualities, volitional qualities, tutor, mentor, escort methods, individual approach, a gifted child.

Аннотация. Данная работа посвящена изучению вопросов, связанных с развитием личностных, в том числе волевых, качеств одаренных детей посредством тьюторского сопровождения. Изучены и проанализированы документы, регламентирующие необходимость индивидуального подхода к развитию личности учащихся и работы с одаренными детьми. Работа содержит определение понятия «одаренный ребенок».

Также определены основные волевые качества ребенка, среди которых дисциплинированность, самостоятельность, настойчивость, выдержка, организованность, решительность и инициативность. Кроме того, изучены ресурсы тьюторской деятельности: профильные лагеря, специальные лаборатории и комнаты, тематические пособия, экспедиции, обилие методов сопровождения.

Описаны различные методы работы с одаренными детьми, такие как практикоориентированная деятельность, проблемное обучение; методы активного обучения, анализа и самоанализа; методы самостоятельной работы учащихся; а также проектные и психодиагностические методы.

Ключевые слова: тьюторское сопровождение, личностные качества, волевые качества, тьютор, наставник, методы сопровождения, индивидуальный подход, одаренный ребенок.

В соответствии с концепцией модернизации российского образования, сегодня очень значима роль базового образования, а именно — общеобразовательной школы, ориентированной как на усвоение обучаемым достаточной совокупности знаний, так и на развитие его личностных качеств. В условиях современных требований, предъявляемых к образовательной системе, вопросам развития личностных, в том числе во-

левых, качеств обучаемых с каждым годом уделяется все больше внимания.

На актуальность темы исследования указывает достаточно большое количество научно-исследовательских работ, посвящённых изучению психических особенностей детей младшего школьного возраста как фактору формирования и развития его способностей, также за-

висящих от условий, содержания и методов обучения. К таковым работам можно отнести труды Т.И. Шульги, А.Г. Асмолова, С.А. Шапкина, А.В. Быкова, А.И. Фролова, Ю.А. Васильевой, Е.А. Прутовой, В.Н. Дружинина, А.Э. Пасниченко, Е.П. Ильина, В.А. Иванникова и так далее.

Сегодня в качестве приоритетного целевого ориентира российского образования выступает индивидуальное развитие личности учащихся, что подтверждается официальными документами разного уровня: Федеральный Закон «Об образовании» РФ, «Наша новая школа» (Национальная образовательная инициатива), Стратегия инновационного развития Российской Федерации в период до 2020 года, Послания Президента РФ Федеральному собранию РФ, Федеральная целевая программа развития образования на 2016–2020 годы и так далее.

Кроме того, в соответствии с перечисленными документами, одним из приоритетных направлений образования является выявление и развитие одаренных детей, проявивших свои выдающиеся способности. Согласно определению, приведенному в «Рабочей концепции одаренности», под «одаренным» следует понимать ребенка, выделяющегося очевидными, яркими, а иногда — выдающимися достижениями, а также демонстрирующего внутренние предпосылки для таковых достижений в какой-либо деятельности [3].

Качественное педагогическое сопровождение одаренных детей является проблемой, которую необходимо решать на государственном уровне. Одним из наиболее эффективных путей ее решения сегодня признается тьюторское сопровождение одаренных обучаемых, основанное на идеях социального партнерства и интеграции.

В самом общем понимании одаренность представляет собой интегральное и суммарное свойство личности. Психика одаренных детей отличается некими общими способностями, которые являются универсальными и не имеют тесной привязки к какой-либо специальной деятельности. Справедливо сказать, что к таковым особенностям относятся и развитые в достаточной мере волевые качества [7, с. 234]. Необходимо определить, какие именно качества относятся к волевым. В соответствии с классификацией, предложенной Н.И. Александровой и Т.И. Шульгой, к основным волевым качествам школьников следует относить следующие:

1. Дисциплинированность — сознательное выполнение порядка, установленного в образовательной деятельности (например, своевременное выполнение учебных поручений), добровольное выполнение коллективных правил (например, правил класса, членов кружка), недопущение проступков (например, самовольный уход с за-

нятия или неявка); соблюдение образцового поведения при условии изменения обстановки.

2. Самостоятельность — выполнение школьником посильной деятельности вне постоянного контроля и помощи педагога (умение найти занятие, организовать собственную деятельность, отстаивать и обосновать точку зрения, соблюдать в новых условиях деятельности выработанные навыки самостоятельности).
3. Настойчивость — стремление ребенка доводить до конца начатое им дело (умение в течение достаточно продолжительного времени преследовать цель без снижения энергии, продолжать деятельность при отсутствии желания заниматься или в условиях появления более интересной деятельности, проявлять упорство в условиях изменившейся обстановки).
4. Выдержка — проявление терпения в деятельности, которая выполняется учеником в затрудненных условиях (умение сдерживать себя в конфликтных ситуациях, затормозить признаки сильного эмоционального возбуждения, контролировать поведение при непривычной обстановке).
5. Организованность — соблюдение порядка, который способствует успеху (умение планировать и рационально чередовать действия, оптимально расходовать время, организовать свою деятельность при изменении обстановки).
6. Решительность — обдуманное и быстрое принятие решения в процессе выполнения действия (умение уверенно реализовывать принятое решение, собранно принимать решения во время эмоционального возбуждения, решительно действовать в непривычной обстановке).
7. Инициативность — проявление творчества, рационализации, выдумки (умение осуществлять исходящее от других разумное новшество или хорошее начинание, поддерживать коллектив при реализации намеченных планов, проявлять инициативу в непривычной обстановке) [1, с. 131].

Итак, определив основные волевые качества, которые необходимо развивать у школьников, можно сделать вывод, что в условиях современной школы столь масштабная работа над волевыми качествами одаренных детей подразумевает индивидуальный подход к развитию каждого отдельно взятого школьника. Именно индивидуализация учебного процесса является одним из главных отличительных свойств тьюторской деятельности [6, с. 43].

Отсюда следует, что современному педагогу необходимо владеть не только профессиональными общими и специальными компетенциями, которые включают

в себя знания из области общей психологии и педагогики, но и навыками, соответствующими новому, стремительно развивающемуся педагогическому направлению — тьюторству.

Тьютор — это специалист, который сопровождает учащегося в процессе обучения, это педагог, который способен организовать образовательный процесс в соответствии с принципом индивидуализации и сопроводить построение индивидуального образовательного маршрута каждого отдельно взятого учащегося для достижения намеченных целей. В рамках данной работы под главной задачей педагога следует понимать построение оптимальной траектории развития волевых способностей учащегося, а также способностей самоопределения, саморазвития и самовоспитания.

Практика тьюторского сопровождения является эффективным инструментом развития волевых качеств, поскольку в максимальной мере учитывает интересы одаренных обучаемых, поощряя их стремление к саморазвитию. Деятельность тьютора способствует обучению детей самостоятельному использованию разнообразных источников и способов получения информации, а также стимулирует развитие навыков оценки результатов собственной работы, аргументации своей точки зрения или идей. Таким образом, по сути, в тьюторском сопровождении исключается позиция учителя, ее замещает позиция наставника или старшего товарища, который помогает обучаемому развивать волевые качества [5, с. 10].

Сегодня система образования предлагает педагогам самые различные ресурсы для реализации тьюторского сопровождения. Так, особенностью российской практики такого рода наставничества является то, что тьютор имеет возможность реализовывать сопровождение как в рамках образовательного учреждения, так и за его пределами. Сегодня государство создает все необходимые условия для этого. В частности, организуются профильные лагеря, которые позволяют учащимся реализовывать собственный потенциал при более детальном изучении того или иного предмета.

Особенность организации образовательной деятельности в рамках подобных профильных лагерей — разносторонность предлагаемой для учеников деятельности, которая способствует созданию учащимися самостоятельной индивидуальной образовательной и творческой деятельности при помощи преподавателей, вожатых или воспитателей, что в свою очередь является главным условием тьюторского сопровождения.

У одаренных детей с развитыми волевыми качествами потребность в самостоятельной поисковой и исследова-

тельной деятельности выражена особенно четко. Это позволяет учащимся более глубоко погрузиться в творческий процесс обучения, воспитывает в них жажду к знаниям, самопознанию, активному умственному труду и стремление к новым открытиям [3].

Развитие одаренного ребенка с точки зрения учебного процесса следует рассматривать как развитие его внутреннего волевого и деятельностного потенциала. Формы и методы работы тьютора должны в полной мере способствовать раскрытию как очевидных, ярких способностей, так и внутренних предпосылок, способствующих достижению успехов в образовательном процессе. Для одаренных детей предпочтительны следующие педагогические методы работы:

- ◆ практикоориентированная деятельность (обучение диалогу, технология «дебаты», урок-дуэль, игровые технологии, предметные олимпиады, различные викторины и конкурсы);
- ◆ проблемное обучение (моделирование и разрешение проблемных ситуаций, методики обучающего кейса);
- ◆ проектные методы (разработка и защита телекоммуникационных проектов, создание портфолио);
- ◆ психодиагностические методы (индивидуальное и групповое консультирование, психологическая диагностика, анкетирование);
- ◆ методы активного обучения (мозговой штурм, case-study, круглый стол, интеллектуальные марафоны, словесные игры и забавы, игры А. Зака);
- ◆ методы анализа и самоанализа (рефлексивный отчет о достижении образовательных целей, анализ и самоанализ склонностей и способностей учащегося);
- ◆ методы самостоятельной работы обучающегося (реконструктивные, вариативные и творческие самостоятельные работы в индивидуальном порядке и в группах) [2, с. 27].

На практике описанные выше методы работы тьютора с одаренными детьми реализуются посредством создания специальных лабораторий и комнат, тематических пособий, организации экспедиций, а также уже упомянутых ранее специализированных лагерей.

Обобщая результаты данной работы, следует сказать, что развитие в рамках российской системы образования такого направления как тьюторство является ключом к воспитанию личностных, в том числе, волевых качеств одаренных детей. Данная категория школьников заслуживает особого индивидуального подхода в процессе обучения, поэтому сегодня для развития одаренных детей уже не достаточно просто учителя, необходим наставник, способный помочь в раскрытии всех возможных потенциалов учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Н.И., Шульга Т.И. Изучение волевых качеств школьников // Вопросы психологии. 1987. № 6. С. 130–138.
2. Волосовцова Е.В. Теоретико-методологические аспекты персонификации образования интеллектуально одаренных учащихся // Теория и практика дополнительного образования. 2008. № 2. С. 25–28.
3. Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов [электронный ресурс]. Режим доступа: https://minobr.gov-murman.ru/files/Lows/Federal%20lows/konceptcia_talantov.pdf (дата обращения 17.04.2019).
4. Рабочая концепция одаренности. 2-е изд., расш. и перераб. М. 2003. 95 с.
5. Рубцов В.В. Психолого-педагогическая подготовка учителя для «Новой школы» // Психологическая наука и образование. 2010. № 1. С. 5–12.
6. Юркевич В.С. Индивидуальный подход к воспитанию волевых привычек у школьников М.: Знание. 1986. 80 с.
7. Яковлев Б.П. Одарённость детей: психолого-педагогический аспект // Учебно-методическое пособие. ХМАО: изд-во ОАО «Издательский дом» Новости Югры. 2012. 317 с.

© Козлова Вероника Анатольевна (kva1208@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ III УРОВНЯ

THE PECULIARITIES OF VISUAL PERCEPTION IN CHILDREN OF PRIMARY SCHOOL AGE WITH GENERAL UNDERDEVELOPMENT OF SPEECH III LEVEL

**T. Korotovskih
Y. Pyashkur**

Summary: the Formation of visual perception of younger students is one of the most urgent problems of developmental education. After all, in recent years, very often there are children who have just entered school and who have difficulties in learning, especially such difficulties are found in mastering children's writing and reading from students with General underdevelopment of speech. Most scientists attribute this to the peculiarities of the development of visual perception. This article is devoted to the study of the peculiarities of visual perception in children with ONR III level.

Keywords: General underdevelopment of speech, visual perception, primary school age, written speech.

Коротовских Татьяна Владимировна

*К.псих.н., доцент, Сургутский государственный педагогический университет
s.korotovskih@mail.ru*

Пяшкур Юлия Сергеевна

*Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет»
dolgix_y-1485@mail.ru*

Аннотация. Формирование зрительного восприятия младших школьников, является одной из наиболее актуальных проблем развивающего обучения. Ведь в последнее время очень часто встречаются дети, которые только поступили в школу и у которых наблюдаются трудности в обучении, в особенности такие трудности встречаются в овладении детьми письмом и чтением у учащихся с общим недоразвитием речи. Большинство ученых связывают это с особенностями развития зрительного восприятия. Изучению особенностей зрительного восприятия у детей с ОНР III уровня и посвящена данная статья.

Ключевые слова: общее недоразвитие речи, зрительное восприятие, младший школьный возраст, письменная речь.

В последнее время в научной литературе большое внимание уделяется причинам, по которым у детей младшего школьного возраста возникают трудности в овладении письмом. В большинстве источниках указывается, что эти трудности возникают из-за особенностей развития зрительного восприятия.

Так же в литературе описываются трудности в выполнении заданий, которые связаны с анализом сложных объектов детьми и сложностью в овладении графической деятельностью.

В настоящее время актуальным является проблема влияния зрительного восприятия на овладение письмом младшими школьниками. Так как младший школьный возраст является возрастом, когда ребенок попадает в школу и начинает учиться овладевать графической деятельностью. И при овладении письмом, зрительному восприятию предъявляются большие требования.

Овладение чтением и письмом, связано с хорошим уровнем развития зрительного восприятия. Эту проблему можно рассмотреть с двух сторон, с одной стороны успешное овладение этими функциями, ведут к хорошим условиям развития школьного обучения, а с другой может стать причиной трудности при определенном уровне развития составляющих восприятие.

Проблемой зрительного восприятия занимались такие ученые как: А.Р. Лурия, Л.С. Выготский, В.И. Голод, Н.В. Бавра, Э.Ф. Караваев, Д.Н. Разеев и другие.

А.Н. Леонтьев под восприятием понимал целостное отражение предметов, ситуаций и событий в их чувственно-доступных временных и пространственных связях и отношениях [3].

А.В. Запорожец, описывая в своих трудах восприятие, давал ему следующую трактовку — это процесс, связанный по своему происхождению с внешними практи-

ческими действиями [3]. То есть человек, воспринимая какой-либо объект, совершает полноценные ориентировочно-исследовательские действия с целью выявления наиболее существенных характеристик воспринимаемого.

Существует множество классификаций восприятия, например, в классификации по ведущему анализатору выделяют: восприятие зрительное, слуховое, осязательное, обонятельное и вкусовое.

Мы же говорим о зрительном восприятии, которое является основным видом восприятия и означает совокупность процессов построения зрительного образа мира на основе сенсорной информации, получаемой с помощью зрительной системы. Такое определение дано в «Большом психологическом словаре» под редакцией Б. Г. Мещерякова [4].

В отечественной психологии А. В. Запорожец, В. П. Зинченко, Т. П. Зинченко и многие другие авторы зрительное восприятие рассматривают как сложную систему перцептивных и опознавательных действий.

Зрительному восприятию отводится важная роль в воспринимаемой человеком информации в общем информационном потоке, оно выступает сложным системным психическим и физиологическим процессом, который включает разнообразные операции: восприятие, кодирование и анализ свойств объекта, его опознание, оценивание его значимости, принятие решения в соответствии с мотивом и целью перцептивной деятельности.

Огромная роль зрительного восприятия в развитии психики и жизнедеятельности личности, обуславливает особый исследовательский интерес к изучению данного феномена.

Несформированность зрительного восприятия к началу школьного обучения, даже в условиях нормального зрения, негативно влияет на развитие мыслительных операций (анализ, синтез, сравнение, обобщение), а также вызывает негативное влияние на мотивацию учебной деятельности значительные, затруднения в овладении детьми школьными навыками, в том числе и письмом и чтением (А. В. Запорожец, В. П. Зинченко, Т. П. Зинченко, Л. А. Венгер) [5].

Экспериментальная работа по исследованию зрительного восприятия проводилась на базе первого класса средней школы. В эксперименте приняло участие 5 детей младшего школьного возраста с ОНР III уровня. Из них 2 девочки и 3 мальчика. Средний возраст детей составлял 7–8 лет.

Целью нашего экспериментального исследования было изучить влияние зрительного восприятия на овладение письмом младшими школьниками с ОНР III уровня.

В целях комплексного обследования нами было использовано две методики, первая методика, направленная на определение ведущей руки по системе М. Г. Князевой и В. Ю. Вильдавского, и «Методика оценки уровня развития зрительного восприятия детей 5–7,5 лет» М. М. Безруких, Л. В. Морозовой [1; 2].

Для проведения обследования, по рекомендации учителя-логопеда общеобразовательного учреждения, нами были выбраны дети, у которых были небольшие трудности в обучении письму. При письме у них наблюдались ошибки неграмматического характера, некоторые дети путали буквы, затруднялись в пространственной ориентации.

Для определения латеральности руки мы использовали диагностику М. Г. Князевой и В. Ю. Вильдавского «Определение ведущей руки», после проведения которой, нам удалось выявить «ведущую» руку каждого ребенка. Из пяти учащихся, 2 ребёнка (С. П. и А. М.) оказались леворукими, 3 (Д. Ш., В. Ч. и Д. Б.) — праворукими. Однако один из исследуемых показал неоднозначные результаты в ходе обследования (В. Ч.), но все же за счет первого задания, в котором нужно было нарисовать рисунок, мы решили, что «ведущей» рукой, является все же правая, но не исключали возможность того, что он является амбидекстром.

Во время индивидуального обследования все учащиеся проявляли интерес ко всем заданиям и не были переутомлены, так как оно проходило в игровой форме.

Первое задание, в котором дети должны были нарисовать рисунок с начала одной рукой, а затем другой. Двое детей (С. П. и А. М.) начали рисовать левой рукой. На просьбу нарисовать такой же рисунок правой рукой, легко согласились. Трое детей рисовали правой рукой (Д. Ш., В. Ч., Д. Б.). При просьбе нарисовать такой же рисунок противоположной рукой Д. Ш. отказался рисовать, сказав, что не умеет рисовать другой рукой. В. Ч. и Д. Б. так же легко согласились попробовать нарисовать противоположной рукой. У В. Ч. оба рисунка получились почти одинаковые, аккуратные, но рисунок, нарисованный левой рукой, был слабо выражен, и наблюдалось нечеткость и неровность линий, когда рисунок, нарисованный правой рукой, был с четкими, ровными линиями и сильным нажимом.

Второе и третье задания, четверо учащихся, кроме одного (С. П.) выполняли действия преимущественно

Таблица 1. Сводные данные обследования детей по определению «ведущей руки»

№ задания	Ф.И. ребенка	С. П.		Д. Ш.		В. Ч.		Д. Б.		А. М.	
		л	п	л	п	л	п	л	п	л	п
1	«Нарисуй»	+	-	-	+	-	+	-	+	+	-
2	«Найди игрушку»	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+
3	«Построй колодец»	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+
4	«Игра в мяч»	+	-	-	+	+	+	-	+	-	+
5	«Вырежи узор»	+	-	-	+	-	+	-	+	+	+
6	«Вдень шнурок в пуговицу»	+	-	-	+	+	-	-	+	-	+
7	«Открой флакон»	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+
8	«Развяжи узел»	+	+	+	+	+	+	-	+	-	+
9	«Собери домик»	+	+	-	+	+	+	-	+	-	+
10	Леворукость в семье	да		нет		да		нет		да	
Итого		Ведущая рука — левая		Ведущая рука — правая		Ведущая рука — правая		Ведущая рука — правая		Ведущая рука — левая	

правой рукой. Во время проведения этих заданий никаких особенностей нами не было замечено.

Четвёртое задание первый участник С.П. выполняла так же левой рукой, трое детей бросали мяч исключительно только правой, а учащийся В.Ч. стал пробовать бросать мяч и той и другой рукой. Сначала он бросил мяч правой рукой, затем сказал: «Попробую еще другой рукой», и бросил левой, затем снова правой, поэтому в таблице мы отметили, обе руки.

Следующее задание «Вырежи узор» вызвало затруднение только у одного испытуемого (А.М.), так как первую половину он вырезал одной, а вторую часть другой рукой (по инструкции узор нужно было вырезать одной рукой). Остальные трое участников, вырезали правой, один (С.П.) левой рукой. Вдевая шнурок в пуговицу, трое детей (Д.Ш., Д.Б., А.М.) работали правой, двое левой рукой (С.П., В.Ч.).

Седьмое задание, в котором детям требовалось открыть несколько пузырьков с закручивающейся крышкой, С.П. открывала левой рукой, остальные четверо учеников открывали правой, при этом мы заметили, что Д.Б. при открытии держала баночку левой рукой за крышку, а правой рукой крутила саму баночку.

В задании, в котором нужно было развязать узел, трое детей (С.П., Д.Ш. и В.Ч.) пользовались обеими руками, а участники (Д.Б. и А.М.) держали сам узел левой, а развязывали правой, что говорит о том, что ведущей является та рука, которая развязывает.

Предпоследнее задание включало в себя игру «Собери домик из кубиков». Двое детей при построении

домика, использовали обе руки, поочередно ставя кубики друг на друга то левой, то правой рукой (С.П., В.Ч.), остальные дети собирали дом преимущественно правой рукой.

Последнее задание, в котором нам необходимо было узнать у родителей детей, есть ли у них в семье «леворукие». Удалось выяснить, что у трех детей (С.П., В.Ч., А.М.) в семье есть родственники, которые пишут левой рукой, у Д.Ш. и Д.Б. таких людей в семье нет.

Проведя обследование и проанализировав результаты, мы получили следующие итоги (см. таблицу 1). Таким образом, из таблицы мы видим, что 40% детей (2 человека: С.П. и А.М.), являются «леворукими», 60% детей (3 человека: Д.Ш., В.Ч., Д.Б.), являются «праворукими».

Исследование зрительного восприятия мы проводили с помощью методики М.М. Безруких и Л.В. Морозовой «Методика оценки уровня зрительного восприятия детей 5–7,5 лет». Методика включает в себя обследование нескольких компонентов зрительного восприятия таких, как зрительно-моторная координация, зрительно-пространственное восприятие, фигурно-фонное различие, зрительная память. Состоит из 6 субтестов:

1. Зрительно-моторная координация;
2. Фигуро-фонное различие;
3. Постоянство очертаний;
4. Положение в пространстве;
5. Пространственные отношения;
6. Комплексный субтест.

При диагностировании учащихся по данной методике нам удалось выявить различные особенности зрительного восприятия.

I. Зрительно-моторная координация.

При выполнении 16 заданий первого субтеста С.П. из 30 максимальных баллов набрала 24 балла. Сопоставив её результат с таблицей «Возрастных нормативов выполнения субтестов детьми 5–7,5 лет», мы выяснили, что такой балл для её возраста (7 лет) является нормой.

Почти во всех заданиях С.П. получила максимальный балл, при выполнении заданий, нами не было замечено, каких-либо трудностей. С.П. проявила интерес к тестам и старалась выполнять задания максимально правильно.

Данила Ш. из 30 возможных набрал 13 баллов, что является ниже допустимой нормы. Выполняя задания Д.Ш. часто отвлекался, на другие задания этого теста, поэтому нам приходилось закрывать их листом. Так же мальчик несколько раз пытался развернуть листок, для удобства выполнения заданий 4, 5 и 6, т.е. развернуть лист так, чтобы задания были в горизонтальном положении, за что был снижен балл. В остальных заданиях так же ребёнку не удалось получить максимальных баллов так, как были допущены значительные ошибки.

В.Ч. выполняя задания данного субтеста, набрал 20 баллов, что является нормой для его возраста. Во время выполнения заданий В.Ч. очень старался выполнить задание аккуратно и не торопясь. Почти все задания он выполнил правильно, за исключением последних четырех, в этих заданиях нужно было обвести фигуры по направлению стрелок. И здесь мы заметили, что ребенок как будто специально «игнорирует» стрелки и обводит фигуры так, как ему захочется и за это он не получил баллы.

Д.Б. набрала 17 баллов, такой балл является ниже нормы. У этой испытуемой вызвали затруднения задания, в которых нужно было соединить точку и звездочку одной линией, девочка упорно старалась развернуть тестовый материал, выезжала за допустимые линии.

А.М. набрал так же, как и предыдущий испытуемый 17 баллов, но для его возраста (6,8 лет), такой балл является нормой. А.М. удалось выполнить допустимый порог заданий на высокий балл, трудности возникли с заданиями 7, 9 и 11, в которых было необходимо обвести фигуру по прерывистой линии, а затем продолжить рисовать такие же. Из-за отсутствия дополнительных линий, как в заданиях 8, 10 и 12 мальчик не смог нарисовать одинаковые фигуры, они были все разного размера и выходили за рамку задания.

II. Фигуро-фонное различие

Задания данного субтеста вызвали затруднения только у одного исследуемого участника — Д.Б. Из 20

максимальных баллов она набрала 11 баллов, такой балл не соответствует возрастным нормативам. В заданиях 5–8 Д.Б. не смогла правильно найти и обвести заданные фигуры и сильно путалась.

Остальные испытуемые получили высокие баллы по данному субтесту, что свидетельствует о нормальном уровне восприятия фигур и фона. С.П. набрала 19 баллов, Д.Ш. — 17 баллов, В.Ч. — 17 баллов, А.М. — 16 баллов.

III. Постоянство очертаний

Данный субтест состоял из двух заданий, при выполнении которых респонденты могли набрать 15 максимальных баллов. Из пяти учащихся четверо детей (С.П., Д.Ш., В.Ч. и А.М.) набрали сумму баллов, которые соответствовали норме, одна ученица (Д.Б.) набрала 9 баллов, что не является нормой для их возраста.

В заданиях начислялся балл за каждую правильно найденную и обведенную фигуру. Такое задание не вызвало затруднений у 4-х исследуемых, они набрали следующие баллы: С.П. — 11 баллов, Д.Ш. — 10 баллов, В.Ч. — 11 баллов, А.М. — 10 баллов. Исходя из этого мы видим, что дети не смогли набрать максимальное количество баллов, но в этом случае мы ссылаемся на их невнимательность, так как перед выполнением заданий этого субтеста учащимся давался десятиминутный отдых, вследствие чего дети не успели сразу настроиться на плодотворную работу.

Д.Б. так же, как и в предыдущем субтесте, испытывала трудности в выполнении заданий данного типа, особенно трудно ей было выделить фигуры, которые находились внутри других фигур.

VI. Положение в пространстве

Задания четвертого субтеста вызвали затруднения у всех респондентов, и все они не смогли набрать нужное количество баллов. Почти у всех детей были ошибки в выполнении заданий 3–6, в этих заданиях необходимо было найти правильную последовательность фигур. Баллы, которые набрали дети, представлены в сводной таблице 2.

V. Пространственные отношения.

Проведение этого и последующего субтеста нам пришлось перенести на следующий день, так как дети начали жаловаться, на усталость и не могли сидеть на месте.

Двое испытуемых (Д.Ш., А.М.) набрали наименьшее количество баллов из пяти детей, Д.Ш. — 6 баллов, А.М. — 5 баллов. Эти дети при выполнении заданий очень силь-

Таблица 2. Сводная таблица итогов тестирования по методике «Оценки уровня развития зрительного восприятия детей 5–7,5 лет»

№ субтеста	Функции зрительного восприятия	Ф.И. ребенка, возраст		max балл	С.П. 7 лет	Д.Ш. 7 лет 2 мес.	В.Ч. 7 лет 4 мес.	Д.Б. 7 лет	А.М. 6 лет 8 мес.
1	Зрительно-моторные интеграции Зрительно-пространственное восприятие			30	24 балла Норма	13 баллов Ниже нормы	20 баллов Норма	17 баллов Ниже нормы	13 баллов Ниже нормы
2	Фигурно-фонное различение Зрительная память			20	19 баллов Норма	17 баллов Норма	17 баллов Норма	11 баллов Ниже нормы	16 баллов Норма
3	Зрительно-пространственное восприятие Зрительная память			15	12 баллов Норма	10 баллов Норма	11 баллов Норма	9 баллов Ниже нормы	10 баллов Норма
4	Зрительно-пространственное восприятие			8	6 баллов Ниже нормы	5 баллов Ниже нормы	5 баллов Ниже нормы	6 баллов Ниже нормы	4 балла Ниже нормы
5	Зрительно-моторная координация			8	8 баллов Норма	6 баллов Ниже нормы	7 баллов Ниже нормы	7 баллов Ниже нормы	5 баллов Ниже нормы
6	Зрительно-пространственное восприятие			20	16 баллов Ниже нормы	15 баллов Ниже нормы	17 баллов Норма	15 баллов Ниже нормы	13 баллов Ниже нормы

но путались в точках, им было трудно повторить изображение, которое дано как пример. Д.Ш. несколько раз стирал ластиком, неправильно нарисованные линии и рисовал снова, но уже правильно.

В.Ч. и Д.Б. набрали одинаковое количество баллов — 7, максимальное количество баллов, которое дети могли набрать — 8. Как мы видим, им не хватило одного балла, до нормы, так как они оба совершили одну и ту же ошибку, при написании цифры 5, нарисовали ее в зеркальном отражении.

С.П. все задания выполнила правильно и заработала 8 баллов ровно, что является нормой.

VI. Комплексный субтест

Этот тест вызвал трудности у всех респондентов, они допускали множество разных ошибок. Задача детей была дорисовать рисунок, его недостающие части. За выполнение задач этого теста дети могли получить максимум 20 баллов, но не одному ребенку не удалось это сделать, поэтому результаты были следующими: С.П.— 16 баллов, Д.Ш.— 15 баллов, В.Ч.— 17 баллов, Д.Б.— 15 баллов, А.М.— 13 баллов. Мы заметили одну и ту же проблему всех детей, им было трудно дорисовать рисунок, не обводя уже нарисованные линии, что категорически делать было нельзя.

Таким образом, из итоговых результатов тестирования мы можем увидеть, что у всех пятерых детей наблюдаются какие-либо нарушения зрительного восприятия,

которые ведут к различным последствиям, в нашем случае мы можем наблюдать у детей трудности в обучении, а именно трудности в овладении письменной речью.

А также можно сделать вывод о том, что в нашем случае у леворуких детей (С.П. и А.М.) наблюдается в основном нарушение в зрительно-пространственном восприятии и координации, у А.М. мы так же можем наблюдать трудности в зрительно-моторной координации. У праворуких детей (Д.Ш., В.Ч, Д.Б) мы можем заметить все возможные нарушенные функции.

Так, например, при нарушении зрительно-пространственного восприятия и зрительной памяти, у детей может наблюдаться:

- ◆ плохое запоминание конфигурации букв при чтении, что ведет к медленному темпу чтения и письма, неправильному угадыванию букв, затруднению возвратных движений глаз;
- ◆ плохое выделение геометрических фигур, замена сходных по форме фигур (круг — овал, квадрат — ромб — прямоугольник);
- ◆ трудности формирования зрительного образа буквы, цифры, графического элемента: нарушено соотношение элементов, дети могут путать сходные по конфигурации буквы, цифры, писать лишние элементы или не дописывать элементы буквы, цифры;
- ◆ возможно зеркальное написание букв, цифр, графических элементов;
- ◆ трудности копирования букв, цифр, геометрических фигур.

Можно так же отметить, что нарушения зрительной памяти у детей чаще всего встречаются в комплексе с трудностями зрительно-пространственного восприятия, вызывают сходные по характеру трудности и требуют одинаковых мер коррекции.

При недостатках зрительно-моторной координации:

- ◆ ребенок не может провести прямую линию (вертикальную, горизонтальную);
- ◆ ребенку трудно наметить правильную траекторию движений при выполнении графического элемента (буквы, цифры, геометрической фигуры);
- ◆ у ребенка можно наблюдать неустойчивый почерк, который проявляется в: неровных штрихах, различной высоте и протяженности графических элементов, больших, растянутых и буквах, имеющих разный наклон;
- ◆ тремор и очень медленный темп письма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безруких, М. М. Методика оценки уровня развития зрительного восприятия детей 5–7,5 лет [Текст] /М.М. Безруких, Л. В. Морозова //Дошкольное образование. — 2002. — № 6. — С. 24–32.
2. Безруких, М. М. Методика оценки уровня развития зрительного восприятия детей 5–7,5 лет [Текст] /М.М. Безруких, Л. В. Морозова //Дошкольное образование. — 2002. — № 7. — С. 21–34.
3. Григорьева, Л. П. Развитие восприятия у ребенка [Текст] /Л.П. Григорьева, М. Э. Бернадская, И. В. Блиникова, О. Г. Солнцева. — М., 2018.
4. Жукова, Е. А. Острота зрения, зрительное восприятие и факторы, влияющие на них у младших школьников [Текст] /Е.А. Жукова. — М.: Киров. 2006.
5. Лурия, А. Р. Очерки психофизиологии письма [Текст] /А.Р. Лурия. — М., 1950. — 98 с.

© Коротовских Татьяна Владимировна (s.korotovskih@mail.ru), Пяшкур Юлия Сергеевна (dolgix_y-1485@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сургутский государственный педагогический университет

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ КАРЬЕРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКИХ И СЕРБСКИХ СТУДЕНТОВ

PSYCHOLOGICAL BASES OF SELF-REALIZATION CAREER ORIENTATIONS OF THE RUSSIAN AND SERBIAN STUDENTS

*S. Kudinov
N. Imomberdieva
D. Ernazarova*

Summary. In given to article the theoretical and empirical analysis of studying of a question of psychological bases of self-realization as career students of orientation is considered. Results of an empirical research of career orientations of students of higher education institution are presented. According to the obtained data, the Russian students have authentically more expressed need for maintaining geographic location and the free schedule of work. The Serbian students have the expressed need for management of team and capture on themselves responsibility for its progress, they are more focused on interaction with people and also on competition. Differences in career orientations "Management" and "Business" are most of all expressed. It turns out that the most significant career anchors of the Serbian students are less significant for the Russian students. The smallest distinctions are observed on scales "Professional competence", "Stability in work", "Integration of lifestyles".

Keywords: self-realization, career, career orientations of students, professional self-realization, personality, development, profession.

Кудинов Сергей Иванович
Д.псих.н., профессор, РУДН г. Москва
Имомбердиева Нилуфар Музаффаровна
Аспирант, РУДН, г. Москва
imomberdieva.nilufar@yandex.ru
Эрназарова Дилдар
Аспирант, РУДН, г. Москва

Аннотация. в данной статье рассматривается теоретический и эмпирический анализ изучения вопроса психологических основ самореализации как карьерной ориентации студентов. Представлены результаты эмпирического исследования карьерных ориентаций студентов вуза. Согласно полученным данным, российские студенты имеют достоверно более выраженные потребности в сохранении географического расположения и свободном графике трудовой деятельности. Сербские студенты имеют выраженные потребности в управлении командой и взятии на себя ответственности за её успехи, они более ориентированы на взаимодействие с людьми, а также на конкурентную борьбу. Больше всего выражены различия в карьерных ориентациях «Менеджмент» и «Предпринимательство». Оказывается, что наиболее значимые карьерные якоря сербских студентов являются менее значимыми для российских студентов. Наименьшие различия наблюдаются по шкалам «Профессиональная компетенция», «Стабильность в работе», «Интеграция стилей жизни».

Ключевые слова: самореализация, карьера, карьерные ориентации студентов, профессиональная самореализация, личность, развитие, профессия.

Одним из важнейших аспектов самореализации личности является сознательное планирование карьеры. В контексте современных динамичных социально-экономических условий для психологической науки весьма актуальными становятся проблемы, связанные с развитием и построением карьеры, в силу того, что именно данный процесс дает возможность личности реализовать свои потребности, возможности и способности.

Карьерные ориентации возникают в процессе социализации, на основе и в результате научения в начальные годы развития карьеры, они устойчивы и могут оставаться стабильными длительное время. Рассматриваемое понятие начинает разрабатываться и в отечественной психологии. Так, некоторыми исследователями предлагается понимать под карьерными ориентациями наличие осознаваемых приоритетных потребностей в структуре личности, связанных с профессиональной деятельностью.

В социальной психологии и психологии профессиональной деятельности карьера рассматривается как индивидуальная последовательность аттитудов и поведения, связанных с опытом и активностью в сфере работы на протяжении человеческой жизни. Так, Дж. М. Иванцевич и А. А. Лобанов предлагают рассматривать карьеру как индивидуально осознанную последовательность изменений во взглядах, позиции и поведении, связанных с опытом работы и другой деятельностью в процессе трудовой жизни. Это определение концентрирует внимание на том, что термин «карьер» не означает иного понимания успеха или неудачи, кроме как в собственном суждении человека.

В. Г. Горчакова определяет карьеру в широком смысле как профессиональное продвижение и в узком смысле как движение к вершине своих личных достижений. На наш взгляд, это самое удачное определение понятия карьеры, которым мы будем пользоваться в качестве рабочего.

Таблица 1. Средние значения карьерных ориентаций российских студентов

ранг	Карьерные ориентации	Среднее значение	Стандартное отклонение
1	Стабильность места жительства	6,9	2,647
2	Автономия	6,7	2,620
3	Стабильность места работы	5,8	3,578
4	Интеграция стилей жизни	5,6	2,911
5	Профессиональная компетентность	5,4	3,255
6	Вызов	3,8	1,194
7	Служение	3,5	1,288
8	Предпринимательство	3,3	1,301
9	Менеджмент	2,9	1,071

Таблица 2. Средние значения карьерных ориентаций сербских студентов

Ранг	Карьерные ориентации	Среднее значение	Стандартное отклонение
1	Менеджмент	6,8	3,826
2	Предпринимательство	6,1	3,311
3	Служение	6,1	3,462
4	Стабильность работы	6,0	2,717
5	Интеграция стилей жизни	5,9	3,727
6	Профессиональная компетентность	5,6	3,156
7	Вызов	5,3	1,143
8	Стабильность места жительства	5,1	1,403
9	Автономия	4,1	1,11

В рамках социальной психологии разрабатывались такие проблемы как содержание, динамика и механизмы становления карьеры. Так, Д.— Сьюпер выделял четыре типа карьеры: 1) стабильная (постоянное продвижение в выбранной профессии); 2) обычная (периоды продвижения чередуются с периодами застоя); 3) нестабильная (для неё характерны две или несколько профессиональных проб); 4) хаотичная (для неё характерны множественные пробы без стабильных периодов).

По выбранной теме нам удалось провести эмпирическое исследование, в котором приняли участие 128 студентов. В исследовании приняли участие студенты экономического, юридического и психологического факультетов РУДН.

В соответствии с целями и задачами исследования были применены следующие методики: опросник Э. Шейна «Якоря карьеры». Согласно одной из задач исследования выявлялся уровень развития карьерных ориентаций в группах российских и сербских студентов. Для этого использовалась методика «Якоря карьеры» Э. Шейна. Результаты, полученные по данному тесту, представлены в тексте квалификационной работы в рисунках 1–10 и таблице 1. В таблице 1 проранжированы выборы российских студентов в отношении карьерных ориентаций с указанием их средних значений.

Как показало исследование, наиболее значимыми карьерными якорями российских студентов является стабильность места жительства (средний балл 6,9), автономия (средний балл 6,7), далее по убыванию — стабильность места работы (5,8), интеграция стилей жизни (5,6) профессиональная компетентность (5,4). Карьерные ориентации на «вызов», «служение» и «предпринимательство» остаются незначимыми. Наименее важна карьерная установка на «менеджмент».

В таблице 2 проранжированы выборы сербских студентов в отношении карьерных ориентаций с указанием их средних значений.

У сербских студентов, в противоположность российским, по шкалам менеджмента, предпринимательства и служения выявлены наиболее высокие средние баллы (6,8; 6,1; 6,1). Также значима ориентация на «стабильность места работы» (6,1) и «интеграцию стилей жизни» (5,9), «профессиональную компетентность» (5,6) и «вызов» (5,3). Незначимой оказывается ориентация на «автономию».

Для подтверждения достоверности различий, выявленных в настоящем исследовании, был использован U- критерий Манна-Уитни. Результаты математического анализа данных по методике исследования карьерных

Таблица 3. Степень достоверности различий карьерных ориентаций «якорей» у российских и сербских студентов

Карьерные ориентации	Среднее значение		U Манна-Уитни	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
	Российские студенты	Сербские студенты		
Профессиональная компетентность	5,4	5,6	436,5	0,435
Менеджмент	2,9	6,8	18,5	0,002
Автономия	6,7	4,1	112,5	0,008
Стабильность в работе	5,8	6	428	0,376
Стабильность места жительства	6,9	5,1	180	0,013
Служение	3,5	6,1	138	0,008
Вызов	3,8	5,3	189	0,015
Интеграция	5,6	5,9	391	0,318
Предпринимательство	3,3	6,1	86	0,007

Жирным шрифтом выделены достоверные отличия при $p < 0,01$

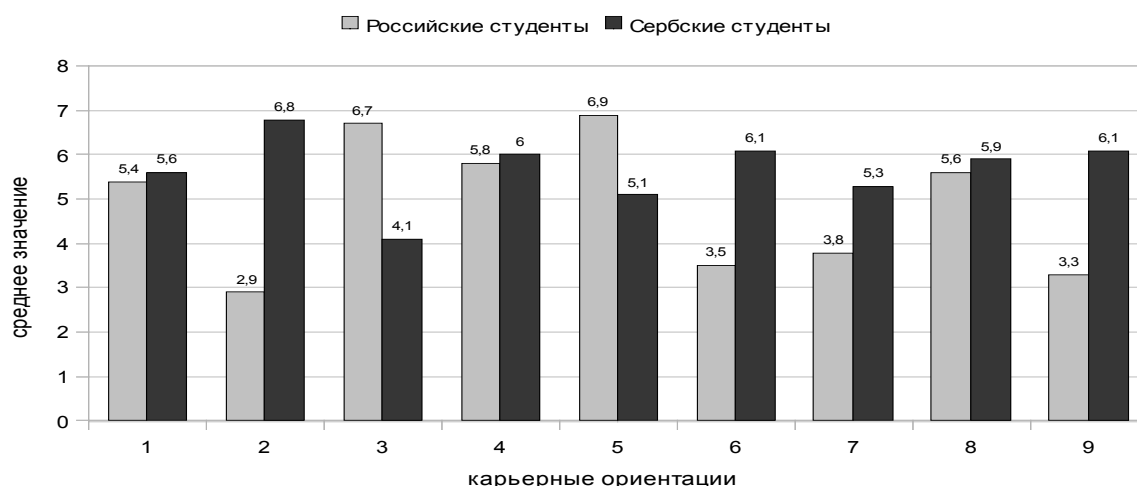

Рис. 1. Сравнительная диаграмма выраженности (средних значений) карьерных ориентаций у российских и сербских студентов

Примечание: На рисунке 2 обозначены такие карьерные ориентации: 1 — профессиональная компетентность; 2 — менеджмент; 3 — автономия; 4 — стабильность в работе; 5 — стабильность места жительства; 6 — служение; 7 — вызов; 8 — интеграция стилей жизни; 9 — предпринимательство.

ориентаций представлены в таблице 3 и наглядно представлены на рисунке 2.

Нами были выявлены статистически значимые различия по показателям большинства шкал: «Менеджмент», «Служение», «Вызов», «Предпринимательство» у сербских студентов значимо выше российских, а у российских выше значимость карьерных ориентаций «Автономия», «Стабильность места жительства».

Таким образом, российские студенты значительно больше ценят возможность оставаться в своем географическом регионе, не менять места жительства или свободу ради карьерных перспектив. А сербские студенты

имеют достоверно более выраженные потребности в управлении командой и взятие на себя ответственности за её успехи, они достоверно более ориентированы на взаимодействие с людьми, а также на конкурентную борьбу, предпринимательскую деятельность.

Больше всего выражены различия по шкалам «Менеджмент» и «Предпринимательство». Оказывается, что наиболее значимые карьерные якоря сербских студентов являются менее значимыми для российских студентов.

Мы решили более детально рассмотреть уровни (низкий, средний, высокий) показателей по каждой шкале, сравнив их у студентов обеих групп.

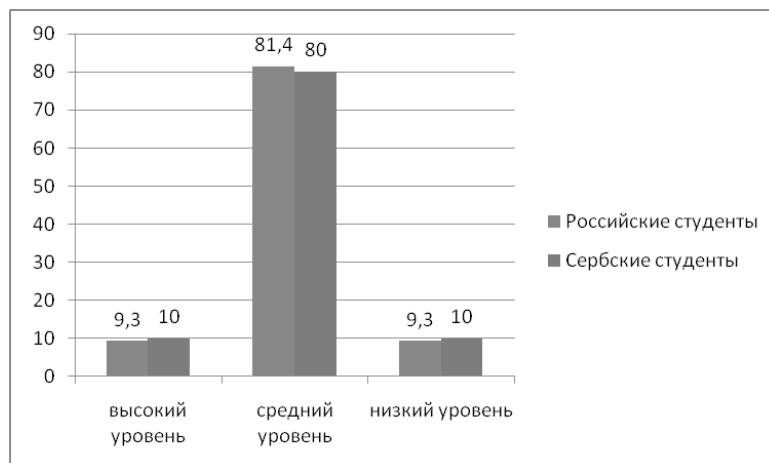

Рис. 2. Сравнительная диаграмма результатов по шкале «Профессиональная компетентность» у российских и сербских студентов

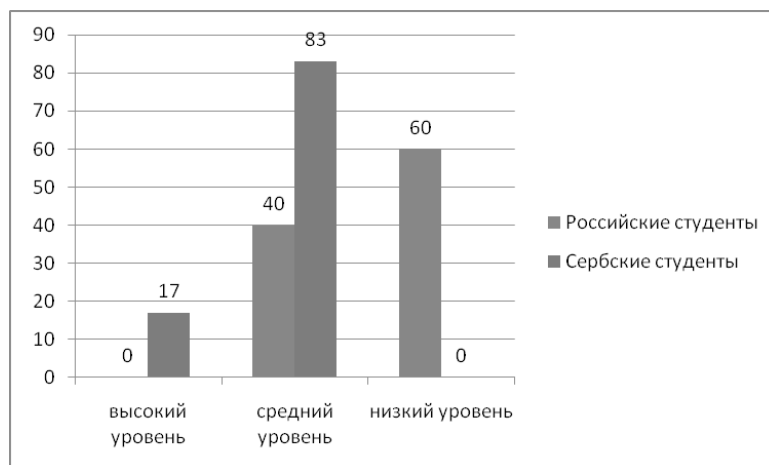

Рис. 3 Сравнительная диаграмма результатов по шкале «Менеджмент» российских и сербских студентов

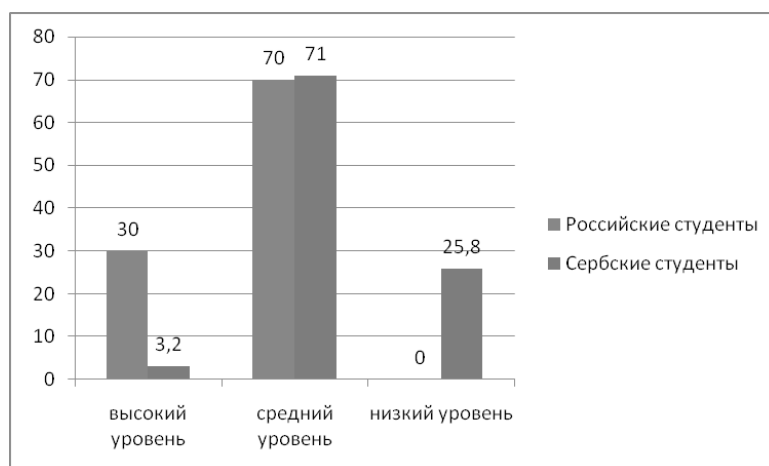

Рис. 4. Сравнительная диаграмма результатов по шкале «Автономия» у российских и сербских студентов

Рис. 5. Сравнительная диаграмма результатов по шкале «Стабильность в работе» российских и сербских студентов

Рис. 6. Сравнительная диаграмма результатов по шкале «Стабильность места работы» у российских и сербских студентов

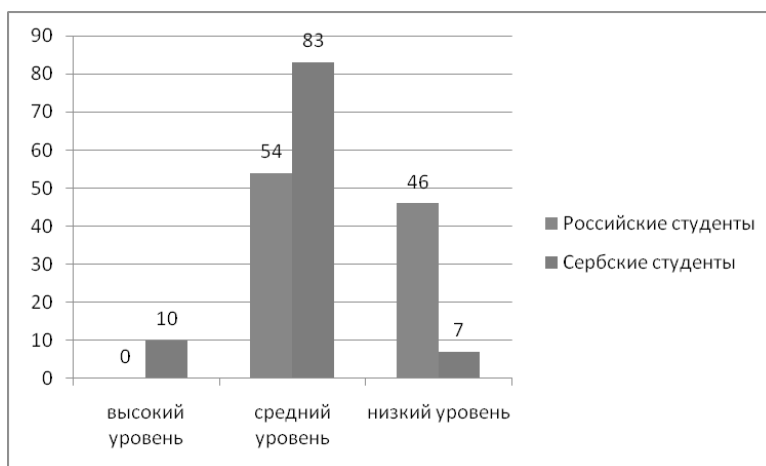

Рис. 7. Сравнительная диаграмма результатов по шкале «Служение» российских и сербских студентов

Рис. 8. Сравнительная диаграмма результатов по шкале «Вызов» российских и сербских студентов

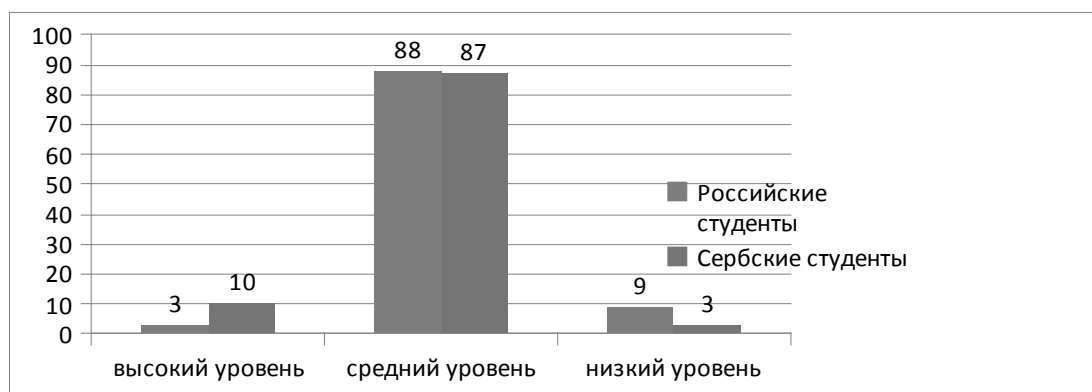

Рис. 9. Сравнительная диаграмма результатов по шкале «Интеграция стилей жизни» российских и сербских студентов

Рис. 10. Сравнительная диаграмма результатов по шкале «Предпринимательство» российских и сербских студентов.

По карьерной ориентации «профессиональная компетентность» у подавляющего большинства российских студентов (81,4%) выявлены средние значения, у 9,3% российских студентов эти значения либо высоки, либо низки. Данная ориентация имеет средний ранг в иерархии карьерных ориентаций.

Примерно такие же результаты по этой шкале мы можем наблюдать и у сербских студентов. Для большинства из них (80%) характерны средние значения по шкале профессиональной компетентности. По 10% сербских студентов продемонстрировали высокие и низкие значения.

Для наглядности эти данные представлены на рисунке 2.

Следующей карьерной ориентацией является автономия.

Для наглядности эти данные представлены на рисунке 4.

Следующим критерием карьерных ориентаций является стабильность в работе.

Для наглядности эти данные представлены на рисунках 5, 6 и 7.

По шкале «Вызов», предполагающей стремление решать сложные нетривиальные профессиональные задачи, показатели у российских студентов идентичны показателям по предыдущей шкале. А именно, 54%

респондента имеют средний уровень по шкале и 46% российских студентов имеют низкие показатели по шкале. Следовательно, большое количество студентов не склонны рассматривать ситуацию контакта как борьбу, в которой хочется одержать победу, им не доставляет особенного удовольствия преодолевать сложные препятствия, «вызовы» среды.

У сербских студентов в основном средние показатели по шкале (у 83% студентов). У 10% студентов из Сербии показатели по шкале вызова низкие, а у 7% — наоборот, высокие.

Для наглядности эти данные представлены на рисунке 8.

Ещё одной карьерной направленностью является «Интеграция стилей жизни».

Для наглядности эти данные представлены на рисунке 9.

Для наглядности эти данные представлены на рисунке 10.

Таким образом, на наш взгляд, сербская молодежь более осознанно подходит к выбору профессии. Кроме того, это подтверждают наши наблюдения о том, что в Сербии специалист, получивший образование по определенной профессии стремится реализовать себя в работе по той профессии, которую он получил в вузе. Также мы предполагаем различия в социально-экономических условиях, различия в ситуации на рынке труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Н.П. Ценностные ориентации и мотивация достижения студентов педагогического вуза/ Н.П. Анисимова, Е.Ю. Мишучкова // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 1. – С. 205–208.
2. Апсаламов Р. Г. Социальные ценности студенческой молодежи при обучении в профессиональных учреждениях // Гуманизация образования. – 2009. – № 2. – С. 109-117.
3. Афанасенкова Е. Л. Динамика мотивов учения студентов вуза// Психология обучения. – 2011. – № 12. – С. 60-75.
4. Большой психологический словарь. Под ред. Мещерякова Б.Г., Зинченко В.П. М.: 2003 - 672 с.
5. Буравлева Е. А. Ценностные ориентации студентов / Е. А. Буравлева // Вестник ТГПУ. 2011. №6(108). – С. 124-129.
6. Васенина И. В. Российское студенчество: вчера и сегодня// Высшее образование в России. 2011. № 10. С. 147-152.
7. Володева А.А. Ценностные ориентации старшеклассников в современном обществе // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. XXXVI междунар. науч.-практ. конф. № 1(36). – Новосибирск: СибАК, 2014.
8. Галкина Г.А., Грибова Е.И. Анализ ценностных ориентаций студентов высшего учебного заведения// Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2. – URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8779> (дата обращения: 27.06.2017).
9. Герцен С. М. Ценностные ориентации молодежи юга Тюменской области (межпоколенный подход) // Вестник бурятского государственного университета. – 2011. – № 6. – С. 113-118.
10. Гиллер Ю.И. Социология самостоятельной личности. – М.: Академический проект: Гаудеамус, 2006. – 321 с.
11. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2010. – 592 с.
12. Деревянченко А. А. Исследование ценностных и жизненных принципов студентов- отличников (по материалам социологического опроса) // Вестник МИТХТ. – 2011. – Т. 6, № 1. – С. 87-89.

13. Ермакова С. С. Формирование профессионально-педагогических ценностей у будущих учителей начальных классов: Дис. ... канд. пед. Наук. - А., 2013. – 266 с.
14. Завгородний Д.А. Семейные ценности и ориентации российской молодежи в условиях демографического кризиса: факторы влияния и тенденции развития: дисс.канд. социол. наук. – Краснодар. 2014. – 157 с.
15. Зубова Л.В., Иващенко А.В. Психологические особенности ценностных ориентаций подростков с различной направленностью личности: Монография. – Оренбург : ОГУ, 2010.
16. Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска – URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/200304/Zubok.pdf>. (дата обращения: 27.06.2017).
17. Ишмухаметов, Р.Р. Проблемы самореализации личности / Р.Р. Ишмухаметов. - М.:Красанд, 2010. - 104 с.
18. Иванова М. А. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов к высшей школе России: Дис. д-ра психол. наук. – СПб., 2001. – 353 с.
19. Карамельский Р. В. Социальное самочувствие российского студенчества (региональный аспект): автореф. дисс. ... к. соц. н. Казань, 2012. - 20 с.

© Кудинов Сергей Иванович, Имомбердиева Нилуфар Музаффаровна (imomberdieva.nilufar@yandex.ru), Эрназарова Дилдар.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РУДН

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕФЛЕКСИИ И ЗАЩИТНОЙ РЕФЛЕКСИИ МАТЕРИ, ВОСПИТЫВАЮЩЕЙ РЕБЕНКА-ДОШКОЛЬНИКА

THE RELATIONSHIP OF REFLECTION AND PROTECTIVE REFLECTION OF THE MOTHER RAISING A PRESCHOOL CHILD

*E. Kuznetsova
S. Morozjuk*

Summary. This article presents the results of an empirical study of the relationship between the reflection of the mother (according to V. D. Shadrikov), differential reflection of the mother (according to D. A. Leontiev) and protective reflection of the mother (according to Y. M. Orlov, S. N. Morozjuk), raising a child-preschooler. The study was conducted using the methods of "Cognitive-emotional test (CAT)" Yu. M. Orlov, S. N. Frost. The study involved 236 respondents — mothers raising preschoolers. The reliability of the obtained results was ensured by the representativeness of the sample and the use of the r-Spearman rank correlation coefficient.

Keywords: Reflection, sanogenic reflection, systemic reflection, introspection, quasi-reflection, protective reflection.

Кузнецова Елена Сергеевна

Аспирант, Московский педагогический
государственный университет
ESKaip@yandex.ru

Морозюк Светлана Николаевна

Д.псих.н., профессор, Московский педагогический
государственный университет

Аннотация. В данной статье будут представлены результаты эмпирического исследования особенностей взаимосвязи рефлексии деятельности матери (по В. Д. Шадрикову), дифференциальной рефлексии матери (по Д. А. Леонтьеву) и защитной рефлексией матери (по Ю. М. Орлову, С. Н. Морозюк), воспитывающей ребенка-дошкольника. Исследование проводилось с использованием методик «Когнитивно-эмотивный тест (КЭТ)» Ю. М. Орлов, С. Н. Морозюк. В исследовании приняли участие 236 респондента — матери, воспитывающие дошкольников. Достоверность полученных результатов обеспечивалась репрезентативностью выборки и применением коэффициента ранговой корреляции r-Спирмена.

Ключевые слова: Рефлексия, саногенная рефлексия, системная рефлексия, интроспекция, квазирефлексия, защитная рефлексия.

Рефлексия является опосредующим звеном, механизмом, связывающим операционально-предметную сторону мышления с личностными смыслами субъекта, если они включены в мыслительный процесс. Рефлексия вступает в свои права там, где существует дефицит понимания (и в этом смысле рефлексия и понимание дополнительные). Также выявлено, что рефлексия — континуальное свойство, имеющее индивидуальную меру выраженности как по «горизонтали» (склонность и способность личности отслеживать свои психические акты и состояния), так и по «вертикали» (сложность рефлектируемого материала, что характеризует когнитивный аспект свойства рефлексивности). С точки зрения Ю. М. Орлова, рефлексия — это «умственные акты различного уровня организации, возникающие в ответ на неопределенность ситуации и выбора решения». А, рефлексия, направленная на уменьшение страдания от негативных эмоций и формирование такого стиля мышления, в результате которого обеспечивается осознанный выбор конструктивных программ поведения, называется саногенной рефлексией. Саногенная рефлексия противопоставляется механизмам психических защит, которые Ю. М. Орлов относит к видам защитной рефлексии.

Под защитной рефлексией Ю. М. Орлов понимает умственные автоматизмы, направленные на снижение страдания от негативных эмоций, дающие локально-временный эффект. То есть, чем сильнее страдание от эмоции, тем выше должны быть показатели конкретных видов защитной рефлексии и, наоборот, чем благополучнее человек, тем меньше у него потребность применять психические защиты.

Ниже представлены результаты исследования, посвященные изучению связи рефлексии деятельности матери (по В. Д. Шадрикову) с ее защитной рефлексией (по Ю. М. Орлову, С. Н. Морозюк).

Из таблицы 1 видно, что чем больше мать прибегает в своем сознании к агрессии против других и испытывает страх неудачи, тем больше у нее ресурсов и средств для достижения цели. Страх неудачи является в данном случае мотиватором для достижения цели, а агрессия выступает средством, помогающая достигать эту цель. Но при этом, мать, добившись цели и осознав нежелательность полученного результата, начинает меньше испытывать чувство вины. Это подтверждается наличием положительной связи показателя рефлексии дея-

Таблица 1. Корреляция рефлексии деятельности матери с ее защитной рефлексией (по r — Спирмену) (n= 236)

Показатели КЭТ (по М. Ю. Орлову, С. Н. Морозюк)	Показатели рефлексии деятельности матери (по В. Д. Шадрикову, С. С. Кургиняну)			
	ИОД	МЦД	ПРОД	ОРД
Агрессия против других	0,16**	-0,01	-0,01	0,02
Защита от чувства вины	0,02	0,03	-0,15*	0,06
Защита от страха неудачи	0,15*	-0,03	-0,03	0,03

Примечание: статистически значимые связи** — на уровне $p \leq 0,01$; * - на уровне $p \leq 0,05$

Таблица 2. Корреляция дифференциальной рефлексии матери с ее защитной рефлексией (по r — Спирмену) (n= 236)

Показатели КЭТ (по М. Ю. Орлову, С. Н. Морозюк)	Показатели рефлексии матери (по Д. А. Леонтьеву)		
	Системная рефлексия	Интрорспекция	Квазирефлексия
Объем защитной рефлексии от чувства обиды	0,01	0,15*	-0,01
Агрессия против других	-0,01	0,14*	-0,03
Рационализация обесценивания объекта	0,03	0,04	-0,15*
Защита от зависти	0,01	0,13*	-0,07
Саногенное мышление	-0,13*	0,04	0,03

Примечание: статистически значимые связи** — на уровне $p \leq 0,01$; * - на уровне $p \leq 0,05$

тельности матери «информационная основа деятельности» с такими ее защитными механизмами, как «защита от страха неудачи» ($r=0,15^*$) и «агрессия против других» ($r=0,16^*$). А также наличием обратной связи показателя рефлексии деятельности матери «принятие решения и осуществление деятельности» с показателем ее защитной рефлексии «защита от чувства вины» ($r= -0,15^*$).

Обратимся к результатам исследования, демонстрирующие связи дифференциальной рефлексии матери (по Д.А. Леонтьеву) с ее защитной рефлексией (по Ю.М. Орлову, С.Н. Морозюк).

Из таблицы 2 мы видим существование прямых связей показателя рефлексии матери «Интрорспекция» со следующими показателями ее защитной рефлексией «Объем защитной рефлексии при переживании обиды» ($r= 0,15$), «Агрессия против других» ($r= 0,14$) и «Защитой от зависти» ($r= 0,13$). То есть, чем более мать склонна к самокопанию, тем больше она склонна переживать зависть, обиду и ей свойственно обвинять других людей в своих неудачах.

Чем более выражена у матери рефлексия, направленная на объект, не имеющая отношения к актуальной жизненной ситуации и связана с фантазиями матери, тем меньше она склонна к обесцениванию и оправданию того, что она имеет. Это подтверждает связь показателя рефлексии матери «Квазирефлексия» с показателем ее

защитной рефлексии «Рационализация обесценивания объекта» ($r= -0,15$). Связано это с тем, что в идеальном, придуманном мире матери нет места обесцениванию. Мир, в котором живет мать — называется «мечтой» и в нем нет места несовершенству.

Интересным остается факт существования обратной связи показателя системной рефлексии матери с показателем ее саногенного мышления ($r= -0,13$). То есть, чем более развита системная рефлексия, как наиболее адаптивная и реалистичная, тем менее развито саногенное мышление. Обращаясь к концепции рефлексии Д.А. Леонтьева отметим, что «нужно сначала увидеть самого себя и составить картину себя благодаря определенной внутренней и внешней дистанции по отношению к собственным чувствам, решениям и действиям». В системной рефлексии направленность сознания происходит не за счет, а в дополнение к его направленности на внешнюю ситуацию, в полной мере выполняющую приписываемые рефлексии позитивные функции. То есть, системная рефлексия включает в себя сначала отстраненность Я — внешнего с Я-внутренним, а затем поиск ресурсов в Я-внешнем и Я-внутреннем для эффективного и позитивного разрешения ситуации во внешнем плане. Задача же саногенного мышления заключается в отстраненности Я-внутреннего от Я-внешнего, вызывающее определенные эмоциональные и поведенческие реакции. Происходит это не с целью найти ресурсы для позитивного разрешения во внешнем плане, а с целью

обучить Я — внутреннее адекватно (т.е. в соответствии со сложившейся ситуацией) реагировать, снижая уровень страдания при переживании отрицательных переживаний проявления Я-внешнего (похоже на то, что было в прошлом опыте, перенося опыт на настоящее).

Поэтому, когда мать в своем поведении прибегает в процессе общения с ребенком к системной рефлексии, она вполне адекватно и осознанно может объяснить причины своего поведения и отношения в адрес ребен-

ка, также она может адекватно и осознанно объяснить причины того или иного поведения своего ребенка в той или иной ситуации. И может сложиться впечатление, что мать обладает саногенным мышлением и рефлексией. Однако на самом деле мать пытается оправдать в своем сознании не ребенка как такового и не себя, а лишь свое поведение или поступок или поведение ребенка. И каждый раз, когда она будет сталкиваться с нежелательным поведением ребенка, она будет оправдывать именно его конкретный поступок, а не ребенка в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев, Д. А. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике / Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. -Т. 11. — № 4. — С. 110–135.
2. Морозюк, С. Н. Саногенная рефлексия, акцентуации характера и эффективность учебной деятельности / С. Н. Морозюк. — М.: Штыкова М. А., 2000. — 265 с.
3. Орлов, Ю. М. Когнитивно-эмотивный тест / Ю. М. Орлов, С. Н. Морозюк. — М., 1999. — 20 с.
4. Орлов, Ю. М. Саногенное (оздоравливающее) мышление / Ю. М. Орлов. — М.: Слайдинг, 2006. — 96 с.
5. Шадриков, В. Д. Тест рефлексии деятельности / В. Д. Шадриков, С. С. Кургиян, М. Д. Кузнецова. — М.: Университетская книга, 2015. — 100 с.

© Кузнецова Елена Сергеевна (ESKaip@yandex.ru), Морозюк Светлана Николаевна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

РАЗРАБОТКА МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ И ДИАГНОСТИКИ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

METHODS FOR RESEARCH AND DIAGNOSIS OF HUMAN MENTAL DEVELOPMENT

**L. Melnik
G. Gilmanova
L. Tukhvatullina**

Summary. The article is devoted to the study of the specifics of methods for the diagnosis of human mental development. The author has analyzed the problem of the mental development of the personality and the influence of external factors on development, which has its own special interpretation in different directions and approaches. It was emphasized that the most recognized and authoritative methods for the study of mental development have several disadvantages. The attention is focused on the fact that the task of a psychologist is to identify the optimal structure of using methods for diagnosing mental development of a person to achieve the most reliable results.

Keywords: method, mental development, person, personality, psychology, experiment, conversation.

Проблемы развития являются наиболее сложными в человековедении, а проблема психического развития традиционно является эпицентром научной психологической проблематики. Соответственно, актуальным возникает исследование психического развития человека как категории возрастной психологии и психологии развития. Целью данной статьи является исследование методов диагностики психического развития человека.

Категория развития является фундаментальной философской категорией и в этом качестве связана с процессами движения, развертывания, созревания, изменения, становления, преобразования, новообразования, накопления. Фундаментальное понятие «развитие» имеет богатое семантическое пространство, включающее как объективные, общефилософские смыслы, так и субъективные, личностные. Развитие является одним из атрибутивных свойств человека, которое фиксируется как бытовым, так и научным сознанием. Идею развития можно отнести к так называемым «универсалиям» культуры, ее наиболее фундаментальным основам и ценностям, к наиболее общим умственным формам, присущим научному познанию (мышлению), через которые и с помощью которых открывается доступ к объективной реальности.

Мельник Любовь Юрьевна

*К.ф.-м.н., доцент, Башкирский государственный аграрный университет
lubaleb@mail.ru*

Гильманова Гульнара Харасовна

К.с.н., доцент, Башкирский государственный аграрный университет

Тухватуллина Ляйсан Ринатовна

К.ф.-м.н., доцент, Башкирский государственный аграрный университет

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики методов диагностики психического развития человека. Автором проанализирована проблема психического развития личности и влияние внешних факторов на развитие, которое в разных направлениях и подходах имеет свою особую трактовку. Подчеркнуто, что наиболее признанные и авторитетные методы исследования психического развития имеют ряд недостатков. Акцентируется внимание на том, что задача психолога — выявить оптимальную структуру использования методов диагностики психического развития личности для достижения наиболее достоверных результатов.

Ключевые слова: метод, психическое развитие, человек, личность, психология, эксперимент, беседа.

Современные философские, гуманитарные и специально-научные дискурсы варьируют содержание категории развития в широких пределах. В смысловом поле развития представлены различные по полярности идейные комплексы с доминантами детерминизма и самодетерминации, рациональности и бессознательной стихийности, индивидуальности и социальности и т.п. В состав референций развития включается почти все многообразие жизненных стилей, способов функционирования и моделей поведения, в том числе и взаимоисключающих.

Особое значение категория развитие получила в психологии, которая характеризуется широтой и разнообразием теоретических подходов к проблеме психического развития. Проблема развития в психологии рассматривается в различных контекстах, поэтому для ее объяснения используются различные системы психологических понятий. В пределах одной парадигмы конструкт развития может рассматриваться относительно уровня индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности, а в другом случае исследователь может подразумевать интеллектуальное, эмоциональное или социальное развитие.

Сложность понимания феномена развития в психологии связана с тем, что развитие выступает и как

предмет изучения, и как базовая категория, и как объяснительный принцип. Кроме того, в самом принципе развития в последнее время происходят изменения интерпретационных схем не только в психологических теориях, но и в разных парадигмах.

Основными причинами современного обращения к проблеме развития является возникновение и широкое распространение постнеоклассических методологических подходов, согласно которым категория развития имеет отношение не только к развитию человека, но и к развитию систем и, соответственно, их системной самоорганизации.

Потребность исследований в отношении психического развития обусловлена тем, что человек развивается неравномерно во времени, и его хронологический (паспортный) возраст редко совпадает с психологическим. Выяснить реальный уровень развития человека — важная задача психологической практики, особенно если речь идет о психологической норме. Для этого используют наборы тестовых заданий, стандартизированных по возрасту. Особую популярность тестовая процедура получила в исследовании интеллекта. Первые тесты на определение уровня интеллекта разработали А. Бине и Т. Симон в Париже в 1905 г. по заказу министерства образования Франции. Их создавали, чтобы выявить детей, которые из-за соответствующих умственных недостатков не могут учиться в обычных школах.

В 1916 году Л. Термен стандартизировал тесты Бине, на основе обследования американских детей, и создал новый вариант для измерения умственных способностей, а также ввел понятие коэффициента интеллекта, пытаясь обосновать положение о его постоянстве на протяжении всей жизни. Впоследствии американский психолог, педагог и врач А. Гезелл разработал систему диагностики психического развития детей и молодежи (от рождения до 16 лет), которая базировалась на систематических сравнительных исследованиях норм и патологий [5].

С помощью метода тестов в возрастной психологии проведено очень много диагностических исследований, однако их постоянно критикуют. Прежде всего, по причине того, что в них представлен усредненный абстрактный человек, характерный для большей части популяции соответствующего возраста. Кроме того, IQ-тесты направлены исключительно на количественную, а не качественную оценку интеллектуальных возможностей человека. Из-за сосредоточения внимания на результате, а не на процессе интеллектуальных действий, тесты не позволяют выявить качественные новообразования психики человека. Однако именно эти качественные новообразования — центральные и частичные — характе-

ризуют структуру возраста, определяя главное направление психического развития этого периода [2]. Итак, IQ-тесты выявляют, как происходило психическое развитие в прошлом, и практически ничего не свидетельствуют о потенциальных возможностях человека.

Подчеркивая неравномерность и гетерохронность психического развития, стоит обратить внимание на то, что настоящая диагностика развития должна охватывать не только конечный результат, но и процесс. Речь идет об определении процессов и функций психики, которые находятся в состоянии созревания, то есть в зоне ближайшего развития.

Сочетание диагностики реального (актуального) и потенциального уровней развития является нормативной возрастной диагностикой, в отличие от симптоматической диагностики, опирающейся только на внешние признаки развития. В процессе реализации обозначенных выше задач диагностики развития возникает, по нашему мнению, несколько проблем. Первая заключается в том, чтобы распространить нормативную возрастную диагностику на все возрастные периоды, а не сосредотачиваться только на детстве и подростково-юношеском возрасте, как традиционно сложилось в возрастной психологии. Такая ситуация связана с тем, что к середине 60-х годов в психологии господствовал взгляд, что в период зрелости, основной период жизнедеятельности человека, прекращаются процессы созревания и развития всех психических функций. Причину видели в том, что после достижения совершеннолетия завершается биологическое созревание организма, а, следовательно — прекращается и психическое развитие.

Только в 60-х годах появились первые обобщенные сведения о возрастных особенностях взрослых. Эти исследования показали, что во взрослом возрасте есть свои закономерные изменения психики человека. Изменение интеллектуальных, поведенческих и личностных особенностей у взрослых значительно меньше обусловлено их возрастом и более — личными, социальными, культурными и историческими событиями в жизни человека [10]. Иначе говоря, психологический и социальный возраст в период зрелости начинают «маскировать» хронологический возраст. Эти особенности необходимо учитывать в нормативной возрастной диагностике лиц зрелого возраста.

Вторую проблему диагностики психического развития человека видим в трудностях организации исследований по возрастной психологии. Речь идет о организационных методах: методы поперечных и продольных срезов (лонгитюдный и когортный последовательный). Методы поперечных и продольных срезов ввел А. Гезелл еще в начале XX в. В 1921 году начался самый длинный

в истории психологии лонгитюд, который организовал Л. Термен. На основе своих тестов умственной одаренности он выбрал 1500 одаренных детей, с коэффициентом интеллекта 140 и выше, и проследил за их развитием. Исследование прекратилось в середине 70-х годов, после смерти ученого. Каждый из этих методов имеет свои преимущества и недостатки. Если преимущества позволяют быстрее и эффективнее достичь цели исследования, то недостатки порождают ряд проблем [4].

Проанализируем сильные и слабые стороны организационных методов. Метод поперечных срезов целесообразно использовать тогда, когда следует оценить долговременные изменения или провести исследования в рамках широкого возрастного диапазона. Метод продольных срезов позволяет выявить, соответствует ли индивидуальное развитие ребенка возрастной норме, а также те возрастные периоды, когда происходят качественные сдвиги. Главное основание для его применения — изучение стабильности индивидуальных различий во времени.

Самым результативным в современных исследованиях по возрастной психологии и психологии развития считают когортный последовательный метод, который комбинирует два предыдущих. Лиц, принадлежащих к нескольким возрастным когортам, т.е. которые родились в разные периоды, сравнивают между собой [6]. Несомненным достоинством этого метода является возможность выявить влияние конкретного исторического периода на психику человека, абстрагировавшись от воздействия хронологического возраста.

Организационные методы имеют не только преимущества, иногда они создают проблемы для исследователей. В частности, метод поперечных срезов отнюдь не всегда позволяет выявить индивидуальные варианты развития и, что особенно важно, может исказить динамику психического развития. Метод продольных срезов не отвечает на вопрос о том, что происходит между двумя точками лонгитюда, а также — какие механизмы лежат в основе психического развития. Существенный недостаток когортно-последовательного метода — значительное расходование ресурсов и времени [9].

Третья проблема диагностики психического развития — методологические трудности исследования, связанные с хронологическим возрастом человека. Выделяем семь таких трудностей.

Первая — эквивалентность измерения в возрастной психологии. Для проведения лонгитюда и возрастных срезов необходимы психологические методики, надежные и валидные на всех этапах исследования и адаптированные для лиц разного возраста. Проблема в том, что

в основном методики адаптированы только для ограниченного возрастного диапазона, поэтому провести адекватные сравнения на различных этапах исследования невозможно.

Вторая трудность — репрезентативность группы испытуемых. Прежде всего, когда речь идет о новорожденных, младенцах и пожилых людях. Создать группу, на основе которой можно статистически достоверно выявить исследуемое свойство, в указанных возрастных группах практически нереально. Именно поэтому в возрастной психологии так мало работ об особенностях новорожденных, младенцев и лиц пожилого возраста.

Третья трудность связана с формой презентации материала. В основном это касается вербальной презентации методик для детей и пожилых людей и вызвано медленным темпом восприятия информации, отсутствием концентрации внимания, несформированностью (или деформацией) вербального интеллекта и рефлексивно-го мышления, быстрой утомляемостью.

Четвертая трудность обусловлена потребностью в индивидуальных исследованиях детей и лиц пожилого возраста. В группе исследуемые этой возрастной категории задач обычно не выполняют. Основная причина — их эгоцентризм. А индивидуальная диагностическая работа требует значительных человеческих и материальных ресурсов.

Пятая трудность — чрезмерная критичность испытуемых, прежде всего, подростково-юношеского возраста, когда критичность — одна из главных особенностей мышления. Исследуемые ищут ошибки и неточности в психологических методиках. Предусмотренные процедурой опыта повторы и дублирование вопросов воспринимают как огрехи исследователя. Как следствие, отказываются отвечать на продублированные вопросы. В таких ситуациях не следует вступать в дискуссии, нужно заверить, что такое дублирование предусмотрено процедурой обследования. Иногда исследуемые считают себя очень компетентными в методиках обследования и критикуют их содержание [7].

Шестая трудность связана с отношением лиц разного возраста к самому факту психологического обследования. В частности, в детском возрасте ситуацию опыта, особенно эксперимент, принимают как искусственную и неестественную, поэтому инструкции или не выполняют, или искажают. Чтобы это предотвратить, психологическое обследование детей нужно проводить в форме игры. А непринужденную и неформальную атмосферу, которую исследователи создают во время психологического обследования, дети и подростки иногда воспринимают как призыв к несерьезному отношению к работе.

Дети школьного возраста и подростки ситуацию психологического опыта воспринимают как контрольную или самостоятельную работу, за которую им будут ставить оценку. Это может побудить их или к списыванию ответов, или к социально-ожидаемым ответам, о чем свидетельствуют высокие показатели по контрольной шкале, которые демонстрируют исследуемые этого возраста. В таком случае рекомендуется перед началом обследования отметить, что психолога интересует собственное мнение каждого из них.

Людей зрелого возраста иногда трудно обследовать по причине их нежелания тратить на это время. Помочь может или материальная заинтересованность, или заверения, что исследование проводится для улучшения психологического климата в коллективе, или обещание сообщить исследуемому его результаты [4].

Иногда у взрослых есть серьезные опасения, что они не справятся с задачей или что психолог выявит скрытые черты их личности. Это, по их мнению, может повлечь серьезные последствия, например увольнение с работы, перевод на другую должность и тому подобное. Отметим, что истинных мотивов отказа от участия обычно не указывают. Как следствие, такие лица не соглашаются участвовать в обследовании. Тогда исследователь, прежде всего, должен гарантировать конфиденциальность полученных сведений [3]. Если конфиденциальность сохранить невозможно, например, обследование проводят по заказу с целью профессионального отбора для достоверности полученных результатов, рекомендуют использовать методы, которые позволяют минимизировать сознательный контроль за ответами испытуемых или за их поведением. Скажем, наблюдение, анализ процесса и продуктов деятельности, проективные тестовые методики и тому подобное. Несогласие участвовать в обследовании из-за страха перед последствиями можно преодолеть благодаря анонимности исследований. Правда, здесь оказывается другой недостаток: при многократном обследовании невозможно сопоставить сведения одних и тех же испытуемых.

Седьмая трудность заключается в адекватности методов исследования: не все методы диагностики психического развития можно применять для лиц разного возраста. Например, есть возрастные ограничения на использование эксперимента и опроса. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Эксперимент как метод возник на том этапе, когда стратегия исследования психического развития была связана с систематизацией сведений, выявлением основных тенденций и закономерностей развития, его причин. Для этого использовали природный констатирующий эксперимент [1]. Однако констатирующий эксперимент не дает возможности выявить причины психического развития человека, поскольку не предполагает активного воздействия на процесс развития.

Эти недостатки компенсирует формирующий эксперимент или экспериментально-генетический. Экспериментально-генетический метод позволяет раскрыть происхождение психических процессов. Его суть такова: у детей с недостаточно сформированной соответствующей психической функцией формируют ее в лабораторных условиях — моделируя процессы, которые происходят в жизни [8]. В отечественной психологии благодаря этому методу удалось раскрыть психологические механизмы учебной деятельности школьников и внутреннюю структуру психических явлений, составляющих ее основу.

Применение эксперимента в диагностике психического развития может быть проблематичным, если не учитывать ряда особенностей метода. Первая особенность использования эксперимента в возрастной психологии связана с правильной формулировкой инструкции. Прежде всего, это касается детей. Вторая особенность: дети во время психологического эксперимента должны заниматься интересным для них делом. Поэтому лучше выбирать для них естественный эксперимент.

Распространен экспериментальный прием в исследовании новорожденных и младенцев — оценка реагирования ребенка. Наиболее информативными являются зрительные фиксации, сосание и физиологические реакции. Методика оценки зрительных фиксаций основана на том, что уже с момента рождения ребенок демонстрирует избирательность в том, на что смотрит. Благодаря факту, что на одни объекты дети смотрят дольше, чем на другие, ученые изучают перцептивные способности и перцептивные преимущества. В частности, изменение частоты или прекращение сосания может свидетельствовать, что младенец реагирует на изменения в окружающей среде.

Современные технологии позволяют фиксировать широкий диапазон физиологических реакций ребенка, однако чаще всего измеряют частоту сердцебиения. В отличие от некоторых других физиологических реакций, изменение частоты сердцебиения можно зафиксировать в ответ на любой раздражитель разной модальности.

Проанализируем, насколько целесообразно использовать метод опроса (анкетирование и беседу) в обследовании лиц разного возраста. Анкетирование рекомендуют только после 8-летнего возраста. Прежде всего, это связано с ограниченными возможностями рефлексии в младшем возрасте. До 8 лет дети отвечают на вопросы анкеты очень ситуативно, не способны обобщить свои впечатления, им не удастся понять содержания некоторых слов, которые часто используют в анкетах, как:

«иногда», «часто», «редко», «в основном» и тому подобное; иногда пропускают вопросы. Беседу можно пробовать применять после 4-х лет, когда речь детей понятна посторонним людям. Однако психологи рекомендуют проводить беседу с 6 лет, для изучения, скажем, общего объема знаний ребенка, его представлений о каком-то явлении, взглядов на определенный вопрос или мнения о себе. Выбор вопросов для беседы с детьми — большое искусство. Основное правило такое: они должны быть понятны и интересны ребенку. Ни в коем случае не должны содержать подсказку, потому что маленькие дети легко поддаются внушению. Во время беседы с детьми следует помнить, что их ответы в значительной степени зависят от отношения к исследователю. Иногда ребенок может даже отказаться пойти на контакт.

Широко используют в возрастной психологии предложенный Ж. Пиаже метод клинической беседы, названный так из-за сходства научного подхода ученого со взглядами профессиональных клиницистов. С помощью этого метода изучают не симптомы, внешние признаки явления, а процессы, обуславливающие их появление. Проведение клинической беседы — чрезвычайно сложный процесс и достичь необходимых результатов может только опытный психолог. Благодаря искусному применению беседы Ж. Пиаже открыл детский эгоцентризм. По мнению ученого, своеобразие мышления и речи ребенка, его представлений о мире — следствие ее эгоцентричной мыслительной позиции. Работы Ж. Пиаже и его учеников обнаружили, что развитие интеллекта ребенка состоит в переходе от эгоцентризма через

децентрацию к объективной позиции ребенка во внешнем мире и самом себе. Эти главные открытия ученый сделал, умело соединив беседу и эксперимент.

ВЫВОДЫ

Диагностика психического развития человека связана с рядом проблем. В статье рассмотрены три основные. Первая обусловлена сочетанием в психологических исследованиях двух аспектов развития — реального и потенциального — и распространением такого подхода на все возрастные периоды. Сейчас наблюдаем несбалансированность исследований в сторону симптоматической диагностики реального уровня развития. Решение этой проблемы зависит от позиции исследователя. Вторая проблема диагностики психического развития связана с недостатками организационных методов исследования. Ее решают посредством сочетания различных исследовательских процедур. Третья проблема вызвана методологическими трудностями при исследовании лиц разного возраста. Эти трудности связаны с эквивалентностью измерений, репрезентативностью группы испытуемых, формой презентации материала, необходимостью индивидуального проведения опытов с детьми и лицами пожилого возраста, чрезмерной критичностью испытуемых, отношением лиц разного возраста к факту психологического обследования и адекватностью методов исследования. Преодоление этих трудностей зависит от разработки методологического инструментария в возрастной психологии и психологии развития и от компетентности исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дробышева Т. В. Естественный формирующий эксперимент в социально-психологическом исследовании: достоинства и трудности применения // Ученые труды Российской академии наук Институт психологии РАН. 2010. № 1. С. 32–37
2. Киселева Н. А. Развитие представлений о психических состояниях человека // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2017. № 5. С. 40–51.
3. Колодяжная О. Ю. Основные подходы к исследованию психического развития человека среднего возраста в психологической науке // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2015. № 4 (6). С. 129–132.
4. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. 9-е изд. СПб.: Питер, 2005. 940 с.
5. Миллер С. Психология развития: методы исследования. СПб.: Питер, 2002. 464 с.
6. Мухаметшина О. В. Констатирующий этап экспериментальной работы по формированию коммуникативно-рефлексивной компетенции // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 26 (317). С. 112–113.
7. Подошвина Д. А. Возрастные ступени психического развития человека: подростковый возраст // Современное образование в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 70–72.
8. Рыбалко Е. Ф. Возрастная и дифференциальная психология. СПб.: Питер, 2001. 224 с.
9. Терещенко О. В. Метод когортного анализа в социальных исследованиях // Социология. 2009. № 29. С. 172–185
10. Хухлаева О. В. Психология развития: молодость, зрелость, старость: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 3-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 208 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМ ТИПОМ ВЫБОРА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONTENT OF THE MOTIVATIONAL SPHERE OF PEOPLE WITH DIFFERENT TYPE OF SELECTION OF THE VITAL WAY

A. Nikitina

Summary. The article presents the results of the study of the content side of the motivational sphere of people with different types of life choices. In the course of the study, groups of subjects with a realistic, valuable, creative and hedonistic type of bur are chosen. A comparison is made of the motivational profile, the expression of needs, as well as the life aspirations of people with different types of life choices. The article presents the results of empirical and statistical analysis. At the end of the article is a summary of the data.

Keywords: motivational sphere, the content of the motivational sphere, life path, life path choice, life aspirations.

Никитина Альбина Николаевна

Аспирант, Новосибирский государственный
технический университет
albina_nikitina_637@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования содержательной стороны мотивационной сферы людей с разным типом выбора жизненного пути. В ходе исследования выделяются группы испытуемых с реалистическим, ценностным, творческим и гедонистическим типом бора жизненного пути. Проводится сравнение мотивационного профиля, выраженности потребностей, а так же жизненных стремлений людей с разным типом выбора жизненного пути. В статье представлены результаты эмпирического и статистического анализа. В конце статьи проводится обобщение полученных данных.

Ключевые слова: мотивационная сфера, содержание мотивационной сферы, жизненный путь, выбор жизненного пути, жизненные стремления.

По сравнению с предыдущими поколениями, современный человек живет в эпоху глобальных перемен, усиления интенсификации темпа жизни, кардинальной смены целей и жизненных задач. Социальная ситуация развития личности на сегодняшний день — это ситуация многовариантности жизни, требующей самостоятельных выборов. В настоящее время для полноценной жизни необходима самостоятельная выработка смысла жизни, более осознанный подход к целям и задачам своей жизни. Другими словами, человек поставлен в условия необходимости сознательного построения своего жизненного пути, его выбора, от которого зависит успешность человека как личности и профессионала, удовлетворенность от жизни. Жизненный путь человека, с одной стороны, характеризуется типичностью: все люди проходят определенные этапы собственной жизни, встречаясь с типичными проблемами и жизненными задачами. А другой стороны, жизненный путь человека характеризуется индивидуализированностью, которая проявляется в способах решения типичных жизненных задач, особенностей выборов, которые делает человек на своем жизненном пути. Важным свойством личности является её способность быть субъектом собственного жизненного пути. Высшим же уровнем и оптимальным качеством субъекта жизни является способность личности регулировать, организовывать свой жизненный путь как целое, подчиненное её целям,

ценностям. Все люди отличаются друг от друга по степени развитости у каждого из них свойства субъекта жизнедеятельности. Поэтому в реальности они различаются между собой степенью влияния на ход собственной жизни, овладения многочисленными жизненными ситуациями, зависимостью от внешних обстоятельств, жизненной удовлетворенностью. Другими словами, важным отличием людей в контексте своего жизненного пути является выбор типа жизненного пути: способы решения вопросов, связанных с самореализацией, саморазвитием, поиском личного смысла жизни определяется личностными особенностями мотиваций, смысложизненными и ценностными ориентациями человека.

Жизненный путь — это сложное многомерное философско-психологическое понятие. В целом, определяя жизненный путь, можно говорить, что он представляет собой индивидуальный путь человека, в который включается все возрастные периоды жизни, характеризующиеся своими специфическими жизненными задачами [2]. Жизненный путь складывается под влиянием объективных и субъективных факторов различного характера. Жизненный путь человека охватывает как прошлое, так и настоящее и будущее, которые имеют свое смысловое значение, соответственно, жизненный путь человека можно определять как систему временной организации смыслов событий жизни. [5].

Все вышесказанное определяет актуальность исследования особенностей личностных детерминант, определяющих выбор жизненного пути личности. В качестве основных детерминант выбора жизненного пути выделяется мотивационная сфера личности. Анализ исследований жизненного пути показал, что концепция, на которой основывается наше исследование — концепция жизненных миров Ф. Е. Василюка обозначает некоторые различия в потребностной сфере, но эти различия определены схематично и не касаются содержательной стороны мотивационной сферы. Соответственно, целью исследования являлся сравнительный анализ мотивационных особенностей людей с разным типом выбора жизненного пути.

Методологической основой исследования стала концепция жизненных миров Ф. Е. Василюка. Именно на основании данной концепции была выбрана методика «Типология личностного выбора жизненного пути» авторы С. Мальцева, В. Г. Грязева-Добшинская, позволяющая выделить типы выбора жизненного пути.

Исследование мотивационной сферы проводилось при помощи следующих методик: «Диагностика мотивационной структуры личности» (В. Э. Мильман), «Жизненные стремления» (Э. Л. Дэси, Р. М. Райана в адаптации Т. В. Василенко, Ю. А. Котельниковой, А. В. Селина).

Всего в исследовании приняло участие 228 человек в возрасте от 17–55 лет из них 111 женщин и 117 мужчин. Социальная характеристика испытуемых — студенты, работающие — учителя и работники ведомственных организаций.

На первом этапе было получено распределение испытуемых в зависимости от типа выбора жизненного пути:

1 группа: испытуемые с установкой на творческий выбор жизненного пути личности: высокие показатели как по шкале «РПВС», так и по шкале «ОПВТ» — 57 человек.

2 группа: испытуемые с установкой на гедонистический выбор жизненного пути личности: низкие показатели по шкале «РПВС» и низкие или средние — по шкале «ОПВТ» — 63 человека.

3 группа: испытуемые с установкой на ценностный выбор жизненного пути личности: высокие показатели по шкале «РПВС» и средние или низкие — по шкале «ОПВТ» — 54 человека.

4 группа: испытуемые с установкой на реалистический выбор жизненного пути личности: низкие показатели по шкале «РПВС» и высокие — по шкале «ОПВТ» — 51 человек.

Описывая особенности групп в соответствии с теорией жизненных миров Ф. В. Василюка, можно дать следующую характеристику каждой группе.

1 группа — входящие в эту группу характеризуются активной позицией в плане выборов, которые необходимо осуществлять в течение жизни. Они стремятся воплотить целостный общий замысел своей жизни, который не относится к наличной ситуации, выступает осмысленным целым. При выборе люди этой группы ориентируются на множество потребностей, которые взаимосвязаны между собой и понимание того что для реализации этих потребностей следует преодолеть внешние барьеры, для чего требуется проявление воли, как органа жизнедеятельности.

2 группа — входящие в данную группу характеризуются наличием витальных потребностей, которые должны быть немедленно удовлетворены любыми средствами, вся жизнь подчинена принципу довольствия. Невозможность удовлетворить свои непосредственные потребности воспринимается как глобальная катастрофа мира. Внутренний мир этой группы людей прост, примитивен, в нем отсутствуют противоречия в принципе, внешний мир прост и легок, все это приводит к отсутствию выбора.

3 группа — составляющие эту группу испытуемые характеризуются набором разнонаправленных потребностей и мотивационных основ выбора. Им сложно сделать внутренний выбор цели, и для них актуальна проблема не выбора средств достижения цели, а выбор самой цели. Основная проблема — это проблема достижение внутренней цельности, ценностных оснований, которые станут основой выбора.

4 группа — испытуемые, входящие в эту группу, характеризуются наличием одной четкой жизненной потребности. Все силы и энергия направлена на преодоление преград внешнего мира с целью достижения и реализации этой потребности. Проблема здесь не в цели, а в способах и средствах ее реализации.

Анализ особенностей мотивационной сферы людей с разным типом выбора жизненного пути, позволил выделить следующие особенности мотивационного профиля между группами испытуемых:

В группе с творческим типом выбора жизненного пути был выделен прогрессивный мотивационный профиль, который характеризуется ведущими развивающими мотивами и выраженной социальной направленностью.

В группе с гедонистическим выбором жизненного пути, так же как и в группе с реалистическим выбором

Таблица 1. Средние значения отдельных шкал мотивационного профиля в разных группах

Шкалы	Группа 1 творческий выбор	Группа 2 гедонистический выбор	Группа 3 ценностный выбор	Группа 4 реалистический выбор
Поддержание жизнеобеспечения	26,5	24,6	28,8	29,8
Общение	24,3	23,5	27,8	25,2

Таблица 2. Результаты сравнительного погруппового анализа различий по шкалам мотивационного профиля

Шкалы	U _{эмп}	Значение p
Поддержание жизнеобеспечения	U _{эмп} = 1163,5 (1 и 2 группы)	p < 0,019
	U _{эмп} = 1331 (1 и 4 группы)	p < 0,01
Общение	U _{эмп} = 1031 (1 и 3 группы)	p < 0,034
	U _{эмп} = 989 (2 и 3 группы)	p < 0,006

был зафиксирован уплощенный мотивационный профиль, для которого характерна бедность и слабая дифференцированность мотивационной сферы, отсутствие выраженной иерархии мотивов.

В группе с ценностным выбором зафиксирован импульсивный мотивационный профиль. Он характеризуется выраженной дифференциацией мотивов, а так же наличием внутренней мотивационной борьбы.

Мотивационный профиль отражает особенности мотивации и потребностей, характерных для людей с разным типом выбора жизненного пути, так люди творческим выбором, для которых наличие различных потребностей как внутреннего разногласия и сложности требует контроля этого разногласия, что выражается в стремление к развитию и социальной реализации над-ситуативного замысла своей жизни.

Уплощенный мотивационный профиль и слабая иерархия у людей с гедонистическим и реалистическим типом отражает наличие только одной потребности- витальной. Их мотивационная сфера примитивна и проста.

Импульсивный мотивационный профиль людей с реалистическим типом выбора жизненного пути отражает присутствие разнонаправленных потребностей, среди которых человеку трудно сделать выбор, и возможность выбора основана только на принципе ценности.

Сравнительный анализ отдельных шкал мотивационного профиля позволил получить значимые различия между такими шкалами, как поддержание жизнеобеспечения ($p < 0,04$) и общение ($p < 0,01$). Распределение сред-

них баллов выделенных шкал по каждой группе представлено в табл. 1.

Погрупповой сравнительный анализ позволил выявить различия по шкале жизнеобеспечения между группами с творческим, гедонистическим и реалистическим выбором. По шкале общение- между группами с творческим и ценностным выбором и между группами с гедонистическим и ценностным выбором жизненного пути (табл. 2).

На основе полученных данных можно говорить о том, что в группе с творческим выбором значимость потребности в поддержания жизнеобеспечения имеет ниже по сравнению с группами, ориентированными на гедонистический и реалистический тип выборов. Это объясняется ориентацией на реализацию витальной потребности в двух последних группах.

Потребность общения более выражен у испытуемых с ценностным выбором жизненного пути. На наш взгляд, такая потребность возникает в связи с тем, что взаимодействие с другими у людей с этим типом выбора жизненного пути позволяет сделать выбор в разрозненной системе личных потребностей на основе ценности, которая выделяется именно в общении с другим. Наименее выражена потребность в общении у людей в гедонистическим выбором: общение требует направленность на другого, общение складывается и становится продуктивным если партнеры удовлетворяют потребности друг друга. Люди это группы направлены на себя и удовлетворение своих потребностей, если у них возникает взаимодействие с другим, то целью такого общения является только удовлетворение своих витальных потребностей.

Таблица 3. Результаты сравнительного погруппового анализа различий по разным видам жизненных стремлений

Жизненные стремления	$U_{эмп}$	Значение p
Богатство (достигнутость)	$U_{эмп} = 1076$ (2 и 3 группы)	$p < 0,027$
	$U_{эмп} = 956$ (1 и 2 группы)	$p < 0,001$
Внешняя привлекательность (достигнутость)	$U_{эмп} = 1142$ (1 и 2 группы)	$p < 0,013$
	$U_{эмп} = 1004$ (1 и 3 группы)	$p < 0,004$
Известность (достигнутость)	$U_{эмп} = 1222$ (1 и 2 группы)	$p < 0,044$
	$U_{эмп} = 1418$ (1 и 4 группы)	$p < 0,035$
Отношения (достигнутость)	$U_{эмп} = 1115$ (1 и 2 группы)	$p < 0,008$
	$U_{эмп} = 1058$ (1 и 3 группы)	$p < 0,009$
	$U_{эмп} = 1404$ (1 и 4 группы)	$p < 0,029$

Сравнительный анализ результатов жизненных устремлений позволил выделить различия между группами в отношении таких стремлений, как — степени достигнутой богатства ($p < 0,0014$); степени достигнутой глубинных межличностных отношений ($p < 0,022$); степени достигнутой внешней привлекательности ($p < 0,018$); важности известности ($p < 0,027$).

Погрупповой сравнительный анализ показал, что оценка степени достигнутой богатства выше в группе с творческим и гедонистическим выбором по сравнению с испытуемыми из группы с ценностным выбором. Оценка достижения известности в группе с творческим выбором выше, чем в группах с гедонистическим и реалистическим выбором. Уровень достигнутой внешней привлекательности в группе с творческим выбором оценивается выше, чем в группе с гедонистическим и реалистическим типом выбора жизненного пути. Так же как и имеющийся уровень достигнутой глубины в межличностных отношениях испытуемые из группы с творческим типом оценивают выше, по сравнению с остальными тремя группами: гедонистической, ценностной и реалистической (табл. 3).

Анализ результатов жизненных стремлений показывает, что наибольшие различия наблюдаются в группе с творческим выбором жизненного пути по сравнению с остальными группами. Обращает на себя внимание, что именно оценка достигнутой стремлений в группе с творческим выбором выше, это касается как внешних, так и внутренних стремлений. Это говорит о том, что, с одной стороны, люди с творческим выбором удовлетворены уровнем богатства, известности, внешней привле-

кательности, а раз они удовлетворены, это значит, что внешние стремления не имеют для них выраженной привлекательности. С другой стороны, достижение внешних стремлений требует активности, именно активные выборы характеризуют людей этой группы. Следует отметить, что люди с творческим типом выбора жизненного пути удовлетворены и глубиной межличностных отношений в гораздо большей мере, по сравнению с другими группами.

Таким образом, по результатам исследования содержательной стороны мотивационной сферы людей с разным типом выбора жизненного пути можно сделать следующие выводы:

- ♦ выделяются различия в мотивационной профиле людей с разным типом выбора жизненного пути: для творческого типа характерен прогрессивный профиль, для гедонистического и реалистического — уплощенный, для ценностного — импульсивный;
- ♦ выделяются различия в отдельных потребностях: потребность в поддержании жизнеобеспечения меньше выражена в группе с творческим типом, а потребность в общении — в группе с ценностным типом выбора жизненного пути;
- ♦ выделяются различия в жизненных стремлениях: так люди с творческим типом выбора жизненного пути считают, что достигли достаточного уровня богатства, известности, внешней привлекательности. Их отличает глубина межличностного взаимодействия, основанная на важности общения, общения как возможной жизненной цели и высокой оценки достигнутой общением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василюк, Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: МГУ, 1984. 200 с.
2. Кашина О. П. Единство разнообразие жизненного пути человека зрелого возраста в современном обществе: автореф. на соиск. ученой степ. канд. философ. наук: 09.00.11 –социальная философия. Нижний Новгород, 2016. 26 с.
3. Логинова Н. А. Жизненный путь в трудах Б. Г. Ананьева. СПб., 2005. —184 с.
4. Рубинштейн Л. С. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб: Питер, 2003. 512 с.
5. Селин А. В. Жизненный путь личности в социальной ситуации хронического соматического заболевания: автореф. на соиск. ученой степ. канд. психол. наук: 19.00.05 –социальная психология. Курск, 2009. 26 с.

© Никитина Альбина Николаевна (albina_nikitina_637@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Новосибирский государственный технический университет

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВИБРОАКУСТИЧЕСКОГО ТИБЕТСКОГО МАССАЖА ДЛЯ СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ ТРЕВОЖНОСТИ

RESEARCH OF THE EFFICIENCY OF VIBROACOUSTIC TIBETAN MASSAGE TO REDUCE THE LEVEL OF ANXIETY

V. Ogui
A. Tarasenko
E. Svirshch

Summary. the use of vibroacoustic Tibetan massage to reduce anxiety symptoms (measured by the Spielberger test and the Zung anxiety self-assessment scale) led to a decrease in anxiety level immediately after conducting one session ($p < 0.05$) in 33 of the subjects.

Keywords: vibroacoustic massage, Tibetan singing bowls, psychological rehabilitation, psychocorrection, prevention, anxiety symptoms, reactive anxiety.

Огуй Виктор Олегович

Независимый исследователь (Нижний Новгород, РФ)

DoktorNN@yandex.ru

Тарасенко Анна Александровна

Независимый исследователь (Нижний Новгород, РФ)

anettmodi@mail.ru

Свириц Елена Николаевна;

Независимый исследователь (Кемерово, РФ)

viktorogui@gmail.com

Аннотация. использование виброакустического тибетского массажа для уменьшения тревожных симптомов (измерялись по тесту Спилбергера и шкале самооценки тревоги Цунга) привело к тому, что у 33 исследуемых было достоверно выявлено снижение уровня тревожности непосредственно сразу после проведения одного сеанса ($p < 0,05$).

Ключевые слова: виброакустический массаж, тибетские поющие чаши, психологическая реабилитация, психокоррекция, профилактика, тревожные симптомы, реактивная тревожность.

Вступление

Разработка и научное обоснование новых здоровьесберегающих технологий, способствующих активации резервных и адаптивных возможностей организма, коррекции факторов риска развития болезней, профилактике осложнений при распространенных соматических заболеваниях, составляет основную платформу научных исследований в области восстановительной медицины [8,18].

При этом, современные данные эпидемиологических исследований показывают значительную распространенность тревожных симптомов, как в медицинской, так и в психологической практике [7].

В нашей стране высокую распространенность тревожно-депрессивных расстройств продемонстрировало эпидемиологическое исследование КОМПАС (Клинико-эпидемиологическая программа изучения депрессии в практике врачей общесоматического профиля), результаты которого показали, что среди пациентов амбулаторного звена расстройства депрессивного спектра диагностировались среди 45,9% обратившихся. В большинстве случаев депрессиям сопутствуют тревожные состояния, поэтому на практике врачу приходится сталкиваться с тревожно-депрессивным расстройством (ТДР) у конкретного пациента.

Согласно эпидемиологическим данным, тревожные расстройства являются самой распространенной группой психических расстройств в мире. Так, в мета-анализе эпидемиологических исследований, проведенных в разных странах мира за последние 30 лет, усредненная оценка распространенности тревожных расстройств была выше, чем других психических расстройств (включая аффективные расстройства и зависимости) с распространенностью в населении 6,7% в течение года и 12,9% в течение жизни (Песковец, Евсюков, 2016). К сожалению, до настоящего времени отсутствуют полноценные эпидемиологические данные о распространенности тревожных расстройств в Российской Федерации. По данным Министерства здравоохранения, в 2013 г. контингент лечившихся в психиатрической службе в течение года больных с невротическими, связанными со стрессом и соматоформными расстройствами (вся глава F4 МКБ-10) составил всего 0,3% населения. Можно предполагать, что истинная распространенность тревожных расстройств в России в несколько десятков раз выше, чем количество учтенных психиатрической службой случаев. При этом известно, что не своевременная и/или неадекватная помощь лицам с тревожными расстройствами приводит к снижению качества их жизни и трудоспособности, развитию психосоматических заболеваний, неблагоприятной динамике имеющихся соматических болезней, что влечет серьезные затраты для здравоохранения и экономики страны в целом.

В последние десятилетия тревожные расстройства активно изучаются, накоплен большой массив научных данных об их генезе, клинических проявлениях и эффективных методах терапии, а в соответствии с результатами глобального опроса психиатров, проведенного совместно Всемирной психиатрической ассоциацией (ВПА) и Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), диагнозы тревожных расстройств являются одними из наиболее часто используемых психиатрами всего мира диагностических рубрик. Более того, рабочей группой по подготовке 11-го пересмотра Международной классификации болезней (МКБ) предлагается из существующей в МКБ-10 главы F4 «Невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства» выделить самостоятельную главу «Тревожные и связанные со страхом расстройства» (anxiety and fear-related disorders), куда войдут генерализованное тревожное расстройство (ГТР), паническое расстройство (ПР), агорафобия, специфические фобии и социофобия, и отдельно самостоятельную главу «Расстройства, непосредственно связанные со стрессом» (расстройства адаптации, посттравматическое стрессовое расстройство и пр.) [16].

Национальные исследования в ряде стран показали, что психические расстройства широко распространены и являются значимой причиной инвалидности. Тем не менее, выявлено значимое количество случаев отсутствия специализированной медицинской помощи, даже при достаточно серьезных расстройствах. В развитых странах в прошлом году лечение не проводилось в 36–50% серьезных случаев, тогда как в развивающихся странах ситуация была еще хуже: 76–86% случаев оставались без лечения. Было предложено расширить услуги по лечению для снижения распространенности и последствий психических расстройств. Проблема «недостатка лечения» настолько серьезна, что World Health Report 2001 выпустил десять рекомендаций для его устранения, которые включают обеспечение доступности психиатрического лечения в звене первичной медицинской помощи, психотропных препаратов, и повышение квалификации специалистов в области психического здоровья. Согласно данным моделирования, расширение предоставления доказательного лечения позволит снизить распространенность психических расстройств и обеспечить экономическую отдачу от вложений.

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), около 50% мирового населения, в какой-то момент своей жизни страдает нервно-психическими расстройствами. Результаты исследования Psychological Disorders in Primary Care показывают, что к наиболее часто встречающимся психическим расстройствам в общемедицинской практике относятся депрессия и тревожные расстройства. По оценкам экспертов ВОЗ (2001),

к 2020 г. депрессия займет второе место среди причин инвалидности и смертности населения Земли.

По данным литературы, распространенность тревожно-депрессивных расстройств у населения экономически развитых стран Европы и США достигает 10% [32], хотя бы один эпизод тревожных расстройств регистрируется у 12–27% населения Европы, а у лиц с соматической патологией, тревожные и депрессивные расстройства встречаются в 2–3 раза чаще, чем в общей популяции.

В большинстве исследований, систематических обзорах и метаанализах приводятся согласованные данные о том, что депрессия является независимым фактором риска развития хронических неинфекционных заболеваний.

В зарубежных и отечественных исследованиях, в том числе согласно официальной статистике, отмечается большой разброс данных о распространенности психических расстройств и их субклинических состояний, который связан с трудностями проведения эпидемиологических исследований и сложностью статистического анализа. Кроме того, в исследованиях выявлена недостаточно хорошая подготовка терапевтов, кардиологов и других специалистов в области соматических заболеваний в плане диагностики психических расстройств. По данным литературы, у пациентов, наблюдающихся в амбулаторно-поликлинических учреждениях, клиническое и субклиническое состояние тревоги регистрировалось от 20 до 80% случаев, депрессии — от 20 до 60% и в 50–80% случаев эти состояния не выявлены «соматическими» врачами [16].

Использование субъективных психометрических тестов позволяет минимизировать затраты на проведение скрининга возможных психических расстройств у населения, при этом для интерпретации полученных результатов не требуется специальных знаний у обычных врачей и психологов.

Обзор литературы

Такой метод восстановительной медицины, как виброакустическая терапия — это сравнительно новое нелекарственное направление, использующее звук слышимого диапазона как источник механических вибраций, напрямую передающихся телу человека. Данный вид массажа, выполняемый контактным или бесконтактным способом, с применением «тибетских поющих чаш» (ТПЧ), оказывает комплексное саногенное физиологическое действие на сердечно-сосудистую, лимфатическую, вегетативную системы и на психоэмоциональное состояние человека. Виброакустический

массаж поющими чашами (ВАМПЧ) позволяет дифференцированно, по специальной технологии воздействовать на отдельные части тела, центральную и периферическую нервную систему, на ткани и системы органов [1,2].

Вибромеханическое стимулирование, ориентированное на медико-реабилитационные, психокоррекционные и спортивно-оздоровительные цели, используется в различных направлениях более 80 лет.

Периодические колебательные движения, вызывающие у человека своеобразное ощущение сотрясения, принято называть вибрациями. Понятие «вибрация» является синонимом понятия «механическое колебание». Любая живая система от клеточных органелл (ядро, хромосомы) до клеток тканей (эритроциты, капилляры) характеризуется наличием высокочастотных механических колебаний (ультразвук — гиперзвук). Это позволяет считать колебательные процессы одним из главных проявлений жизни. Экспериментальные факты свидетельствуют о том, что механические колебания участвовали в создании биологических структур при истоках зарождения жизни. Колебательные процессы сопровождают жизнь на разных ступенях ее организации. Они являются постоянно действующим фактором на нашей планете и наблюдаются во всех сферах. Диапазон этих колебаний простирается от инфразвука до ультразвука, а их интенсивность меняется от едва уловимого человеческого уха до интенсивностей, способных разрушить крепости. Действие механических колебаний при определенных условиях необходимо живому организму, отсутствие звуковых раздражений нарушает нервную деятельность. Например, вариации акустических шумов атмосферы очень низкой частоты являются экологически значимым фактором окружающей среды. Инфразвуковые колебания можно отнести к основным ритμο-задающим факторам окружающей среды, поскольку они имеют сезонно-суточные, многолетние вариации [6, 24,26,34].

Обнаружено, что существует непосредственное преобразование энергии космического происхождения (электромагнитного излучения) в интенсивные акустические колебания атмосферы, гидросферы и литосферы. Эти акустические колебания могут быть в различных диапазонах — от слышимых звуков до акустико-гравитационных волн.

В свою очередь, сами звуковые волны могут сопровождаться электромагнитными излучениями. За счет синергизма можно ожидать, что совместное акустическое и электромагнитное воздействие на биообъекты значительно сильнее, чем действие каждого из этих видов в отдельности.

Вибрационная чувствительность принадлежит к самым древним видам чувствительности. Очевидно, что на ее базе произошло выделение слуховых и тактильных ощущений.

Вибрационная чувствительность является одной из наиболее глобальных форм отражения связей человеческого организма с самыми разнообразными воздействиями внешней среды. У плохо слышащих и людей без слуха вибрационная чувствительность заменяет слух [3,13,15].

Нервные клетки, так же, как и мышечные волокна, способны непосредственно, без участия органов слуха, воспринимать звуковые раздражения слышимой области звукового спектра, частоты 200–1000 Гц. Как выяснилось, клетки разных органов человека, включая нервные клетки, чувствительны к звуковым вибрациям сходной частоты, особенно в области частот, к которым наиболее восприимчиво человеческое ухо.

Расстройства вибрационной чувствительности зависят от состояния всей коры головного мозга. Отсюда значительные колебания в чувствительности не только у различных лиц от одной и той же частоты, но и у одного и того же испытуемого от исследователя к исследователю; в зависимости от времени суток, при утомлении, температурных колебаниях и т.д.

Рецепторы вибрации есть во всех тканях организма человека, но в разном количестве. В основном они расположены в зонах, эволюционно наиболее приспособленных для восприятия информации, связанной с механическим воздействием: кисти рук, подошвы ног и т.п. Большие скопления виброрецепторов имеются в области гортани, в ротовой и носовой областях, в придаточных пазухах носа.

Одной из форм вибрации может быть массаж. Показано, что вибрационный массаж может нормализовать корково-подкорковые отношения, улучшить функциональное состояние эндокринной системы, повышать лабильность нервных центров. Он обладает выраженным трофическим, обезболивающим, антиспастическим и противовоспалительным действием. Он ускоряет процессы регенерации и репарации, в том числе и нервных волокон, способствует ускорению восстановления трудоспособности больных, содействует нормализации адаптационно-трофической функции организма. Например, курс вибромассажа поясничной области благоприятно влияет на восстановительные процессы травмированных седалищных или локтевых нервов [14,21,28].

Установлено положительное действие вибромассажа в лечении больных с неврологическими проявлениями

остеохондроза. Таким образом, применение вибрации было успешным при лечении ряда заболеваний: неврологических проявлений остеохондроза позвоночника, травматических поражений нервных стволов конечностей, детских церебральных параличей, при гинекологических, бронхо-легочных и других заболеваний.

Положительные результаты при использовании вибротерапии получены также при лечении эндартериита, сколиоза, вибропунктуре тех или иных заболеваний; при применении вибростимуляционной обуви после инсульта для лечения кровеносных нарушений. Эффект вибрационной терапии подтверждается стойкостью и длительностью сохранения достигнутых результатов в отдаленные сроки.

Действие вибрации на организм сопровождается определенными сосудодвигательными реакциями, изменением биоэлектрической активности мышц. Отмечено положительное влияние кратковременной ежедневной вибрации, что выражается в увеличении силы мышц, улучшении их кровоснабжения, ускорении заживления ран, что сохранялось в течение нескольких дней после прекращения вибрации.

Обнаружено, что вибрационные ванны влияют на всю эндокринную систему, нормализуют функцию щитовидной железы, вызывая снижение холестерина сыворотки крови. Они стимулируют действие на функцию яичников: в ряде случаев наблюдалось восстановление менструально-овариального цикла у женщин среднего возраста с аменореей, а также при уже наступившей менопаузе. Эндокринная стимуляция сохранялась в течение многих месяцев. В механизме данного эффекта имеет значение, очевидно, и улучшение кровоснабжения в малом тазу, обмена веществ и трофики; а также определенное действие через центральную нервную систему на придаток мозга и усиление в связи с этим продукции гонадотропных гормонов [4,10,21,29].

Как было открыто академиком Н. И. Аринчиным, скелетные мышцы являются физиологическими вибраторами; вибрационные колебания мышечных волокон гонят кровь в капиллярных сосудах.

Список заболеваний, излечиваемых звуковым вибрационным массажем, насчитывает несколько десятков постепенно увеличивается. Применение виброакустического воздействия успешно при разнообразных патологиях: в лечении новорожденных; при лечении ожогового шока и послеожоговых гипертрофических рубцов у детей; в комплексной терапии компрессионных переломов позвоночника; для стимуляции регенерации клеток — элемента комплексного лечения диабета; для нормализации церебральной гемодинамики; при ком-

плексном лечении дисциркулярной энцефалопатии, при лечении детской урологии, язвенной болезни. Использование виброакустики помогает также при других заболеваниях: неврит лицевого нерва, остеохондроз позвоночника; гепатит, заболевания опорно-двигательного аппарата, простатит, цистит, гипертоническая болезнь, стенокардии напряжения, нарушения менструального цикла, косметические дефекты и др.[22, 36, 38].

Совместные исследования зав. лабораторией хронобиологии Южно-Федерального университета, доктора биологических наук, заслуженного изобретателя России С.Л. Загускина в течение 25 лет с ведущими специалистами разных областей медицины позволили прийти к заключению, что недостатки обычных методов вибротерапии, физиотерапии связаны с использованием постоянных воздействий или фиксированных частот импульсных воздействий. В обоих случаях они не адекватны биоритмам чувствительности клеток, тканей, органов и организма в целом, биоритмам энергообеспечения ответных реакций, периоды которых постоянно варьируют. Для живых систем нет никаких «магических» частот, которые могли бы давать воспроизводимые реакции необходимой направленности. Поэтому обычная физиотерапия, как и лекарственная терапия, не может гарантировать и прогнозировать исключительно полезный результат для всех пациентов без передозировок и побочных реакций

Одним из путей улучшения результатов лечения урологинекологических заболеваний, осложненных гипотонией и атонией органа, является стимуляция мионеврального аппарата мочеполовой системы звуком слышимого диапазона.

Установлено, что наиболее выраженный эффект сокращения гладкой мускулатуры возникает при озвучивании ее частотой в полосе от 2 до 3,4 кГц [5, 11, 12, 25]. Ответная реакция мускулатуры мочеполовой системы в процессе звуковой стимуляции находится в большой зависимости от исходного состояния моторной активности. При гиперкинезии частота сокращений органа уменьшается, а при гипоккинезии увеличивается, глубина сокращений возрастает, прекращается дискинезия и восстанавливается функция органа.

Обращает внимание, что орган, где имеется гладкомышечная ткань, в любом случае реагирует на наносимое раздражение таким образом, что приближается к нормальному уровню своего функционирования [31].

В теле человека, в том числе в грудной клетке, происходят два типа вибраций: 1) собственные или спонтанные, связанные с дыханием самого человека и 2) вынужденные, вызванные внешними вибрационными

воздействиями. К вибрациям в системе дыхания, понимаемым в широком смысле, можно отнести все механические колебания, в том числе и собственное дыхание, при котором происходят механические колебания всех органов грудной клетки с частотой дыхания.

К собственным вибрациям относят колебания газа и ткани в легких, связанные с движением газа в дыхательных путях, дыхательными шумами и специальными дыхательными маневрами. Движение газа в дыхательных путях сопровождается образованием вихрей и, в определенных условиях, турбулентностью. Рассматривается вопрос о переходе между ламинарными и турбулентными течениями, ролью внешних вибраций в таких переходах [19, 27, 30,32].

Дьяченко А. И. в своей работе установил, что вынужденные вибрации, вызванные внешними механическими воздействиями, давно используются в диагностических и терапевтических целях. Биомеханика некоторых внешних вибраций используются в медицине при импульсной осциллометрии и других вариантов метода форсированных осцилляций, а также при перкуссии.

Известно, что при резонансе происходит максимально эффективная передача энергии от источника колебаний к телу, поэтому он может быть причиной повышенной чувствительности организма к вибрациям и акустическим полям, чья частота соответствует резонансам тела, его органов или отдельных клеток. При резонансе относительно слабый по силе сигнал может вызвать значительное возмущение в организме, поэтому важно уметь защитить организм от негативного влияния интенсивных техногенных физических полей, частота которых попадает в резонанс с собственными колебаниями органов. По этой же причине подбор частоты дозируемой вибрации, используемой для лечения, тоже должен осуществляться с учетом явлений резонанса в органах и тканях [5].

Доказано, в частности, что при сокращении мышцы ее объем не меняется, но, за счет изменения ее формы, возрастает внутримышечное давление, которое натягивает соединительно-тканые оболочки мышцы (эндомиозиум, перимиозиум, эпимиозиум). При этом, как показали наши исследования, повышается их упругость и частота резонанса. В расслабленном состоянии частота резонанса мышц предплечья, измеряемая при силе вибрации 0,15 Н, не превышает 30 Гц. При максимальном изометрическом усилии частота может возрастать до 90 и более Гц.

Также, в диссертации Тимофеева А. Б., было выявлено, что частота резонанса органов и тканей зависит от количества и давления содержащейся в них крови, межклеточной и внутриклеточной жидкостей, поэтому

она может быть использована в качестве показателя их функционального состояния, кровенаполнения и водного баланса [15].

Автором было показано, что по величине деформации органов и тканей, при которой частота их резонанса достигает 40 Гц, можно судить об относительном содержании в них эластичных и коллагеновых структур, а также установлено, что воздействие на мягкие ткани резонансной вибрацией способствует ликвидации их посттравматических отеков, болей и рефлекторных мышечных контрактур, а эффективность воздействия можно контролировать по частоте резонанса.

В частности, в патенте Анисимова Б. Н., Карбышевой Н. В. Кузьминой О. М., Брилькова Д. В., Ломжиной И. Б. RU2549667 С1 «Способ коррекции биологического возраста организма как профилактика преждевременного старения» применяется звукотерапия в формате процедур по программе резонансно-акустических колебаний и с использованием резонаторов (музыкальный самозвучающий инструмент, выполненный в виде чаши и называемый — поющие чаши), обеспечивающая нормализацию функционального состояния организма.

В основе терапевтического воздействия комплекса реализован принцип, при котором с организмом пациента взаимодействуют составляющие акустические поля, продуцируемые многослойным акустическим резонатором. В результате такого воздействия повышается общий тонус организма, устраняются деструктивные эмоции, привычки, программы и установки. Эта гармонизирующая практика позволяет быстро расслабиться и освободиться от блоков и зажимов, от суеты и хаоса мыслей, способствует равносному состоянию работы правого и левого полушарий. На эмоциональном уровне происходит релаксация, наступает умиротворение, гармонизация, это отличное антистрессовое средство. Звукотерапия, как камертон, позволяет «правильно» настроить каждый орган, восстановить его гармоничное функционирование, является необходимым «настройщиком», повышающим эффективность каждой проводимой процедуры

Как описывает схожий патент Анисимова Б. Н., Карбышевой Н. В. RU2611947 С1 «Способ восстановления работоспособности и адаптивных возможностей спортсменов на курортном этапе». Одним из видов музыкотерапии является ПРАК — программы резонансно-акустических колебаний (ПРАК) — метод биорезонансного воздействия на органы и системы, обеспечивают направленное дистанционное (бесконтактное) и безмедикаментозное восстановительное воздействие на организм пациента в зависимости от имеющихся у него заболеваний. Методика ПРАК утверждена Министерством здравоохранения

нения и социального развития Российской Федерации (Разрешение Комиссии по новой медицинской технике МЗ РФ от 9 октября 2002 г., протокол № 3; регистрационное удостоверение N229/03031002/4633–02 от 26 декабря 2002 г.).

Программы резонансно-акустических колебаний подбираются путем формирования аудиорядов музыки для музыкотерапии, восстанавливая биопотенциал организма, вводя его в режим саморегуляции, что снимает напряжение, страх, мотивированно формирует ощущение эмоционального благополучия.

Вышеперечисленные механизмы и принципы оздоровления удачно дополняют и расширяют существующие традиционные возможности реабилитации при перетренированности и позволяют естественным образом бороться с причинами затяжных стрессов, депрессий, обусловленных срывами резервов адаптивно-компенсаторных механизмов при недостижении поставленных целей.

Из близкого отечественного патента RU2458672 С1 Анисимова Б. Н., Карбышевой Н. В. «Способ комплексного лечения хронического цистита у женщин на курортном этапе» (2012) известно, что «программа резонансно-акустических колебаний» с использованием ТПЧ эффективна при использовании в комплексном лечении цистита (заявленным способом) была оценена на основании анализа шкалы Гамильтона и опросника качества жизни SF-36. У женщин (было обследовано 34 женщины) с хроническим циститом перед лечением были выявлены такие симптомы, как депрессивное настроение; суточные колебания состояния; чувство вины; ранняя и поздняя бессонница; ипохондрия. Среднее значение общего балла шкалы Гамильтона составило 8,6, что соответствовало легкой степени выраженности депрессивной симптоматики. По шкале Гамильтона для оценки тревоги наиболее выраженными оказались симптомы тревожного и депрессивного настроений, мочеполовые симптомы, напряжение, инсомния.

Уровень тревоги пациенток в среднем составляет 8,1 балла, что соответствует «симптомам тревоги», т.е. тревоге, сочетающейся с иными психическими расстройствами. По опроснику качества жизни SF-36 наиболее низкие показатели наблюдались по шкалам: «общее здоровье»; «ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием»; «жизненная активность». Снижение данных показателей качества жизни можно связать с наличием у обследуемых женщин тревожно-депрессивных расстройств.

В авторском методе массажа Виктора Огуй «Виброакустический массаж поющими чашами» используются 2

основные методики — Контактная методика («контактный прозвон») и Бесконтактная методика (дистанционно-акустическая или «звуковая ванна»), в формате индивидуальных, групповых или парных сеансов (процедуры) [14,17,33,35].

Цель

Оценка эффективности применения методики виброакустического тибетского массажа для снижения тревожных симптомов.

Материалы и методы

В период с января 2018 по март 2018 года были проведены сеансы виброакустического массажа у 33 исследуемых (30 женщин и 3 мужчин) в возрасте 20–55 лет (средний возраст — $35 \pm 6,3$ лет), обратившихся в ООО «Клиника Эстетической Медицины» и оздоровительный центр «Сибирский центр поющих чаш», с целью улучшения психоэмоционального состояния и снижения уровня дистресса. Исследуемые предъявляли жалобы на беспокойство, тревожность, нарушения сна, ощущение скованности в мышцах, сниженное настроение, утомляемость и раздражительность.

Оздоровительные сеансы массажа проводились по авторскому методу Виктора Огуй «Виброакустический массаж поющими чашами». Поющая чаша — это металлический инструмент полусферической формы с полусферической полостью внутри имеющий толщину стенок от 3 мм; с внутренним диаметром от 240 мм; высотой стенок от 120 мм и внешним диаметром дна от 100 мм произведенной из сплава металлов близкой по формуле к формуле сплава колокольной бронзы.

Поющая чаша имеет внутреннюю поверхность дна, внутреннюю поверхность стенок, внешнюю поверхность дна и внешнюю поверхность стенок. Поющая чаша имеет визуально 4 сектора, виртуально разделенных двумя условными линиями перпендикулярными относительно друг друга осями.

Стик для извлечения вибрации из поющей чаши — это предмет в форме (карандаша) длиной от 210 мм, преимущественно из дерева с утолщением (от 60 мм) на одном из концов стика из ленты каучука закреплённой гвоздем через продольную ось стика. Возможно применение стика для извлечения вибрации способом трения. Такой стик представляет собой деревянный цилиндр с наклеенным по внешней поверхности замшей прикрепленным на ручку. Диаметр цилиндра от 40 мм.

Суть ВМПЧ в том, что поющая чаша размещается на теле массируемого, удерживается одной рукой, а вто-

Таблица 1. Эффективность виброакустического тибетского массажа по тесту Спилбергера.

Оценочные шкалы теста Спилбергера	До сеанса, баллы	После сеанса, баллы	Через 1 день после сеанса, баллы
Реактивная тревожность	39,8±3,6	26,3±3,7*	30,7±3,9*
Личностная тревожность	44,5±3,7	41,4±3,8	43,6±3,8

рой рукой со стиком, выполняется извлечение вибрации из поющей чаши посредством удара каучуковой частью стика о верхний край чаши серией ударов с определенным ритмом. После ощутимого уменьшения вибрации, поющая чаша перемещается в следующее положение (смещаясь на $3\frac{1}{4}$ диаметра дна поющей чаши, контактирующего с телом массируемого).

При выполнении способа массажа ВМПЧ массажист следует основным принципам классического массажа: постепенность нарастания интенсивности массажного воздействия как в сеансе процедуры, так и в курсовом применении метода. Виброакустический массаж поющими чашами выполняется с учетом направления тока лимфы в поверхностных слоях кожи. При этом, против хода тока лимфы поющая чаша перемещается способом Аппликации, когда при перемещении ПЧ на следующее место, ПЧ исключает прямой контакт с телом массируемого. А по направлению тока лимфы перемещается методом скольжения, когда дно или стенки ПЧ сохраняют контакт с поверхностью тела массируемого при перемещении ПЧ в следующее положение.

Существует 2 варианта расположения ПЧ в процессе выполнения методики тибетского виброакустического массажа: 1 — «отдающая» ПЧ (перевернутое положение чаши вверх дном) когда с телом массируемого контактирует внутренняя поверхность дна ПЧ или внутренняя поверхность дна чаши обращена вниз и 2 — «Принимающая» ПЧ в обычном положении, когда внешняя часть дна ПЧ контактирует с телом массируемого.

Дозировка ВМПЧ осуществляется следующим образом: 1 — в вариантах ритма, которым извлекается вибрация; 2 — в количестве циклов извлечения ритма на одном месте ПЧ на теле массируемого (от 1 цикла при первой процедуре до 3–4 при последующих); 3 — в интенсивности с которой извлекается вибрация (от 1 до 100% от потенциально возможной); 4 — в количестве процедур в курсе (от 2 до 4); 5 — в интервалах процедур в курсе (от 1 до 2–3 дней между процедурами в курсе).

Продолжительность ВМПЧ варьируется от 30–40 минут при первых процедурах, до 60–70 минут при последующих процедурах в курсе ВМПЧ. Длительность

в минутах будет зависеть от размера тела массируемого и размера дна ПЧ контактирующего с телом массируемого: чем больше размер тела, массируемого и меньше размер дна ПЧ, тем длительнее в минутах будет процедура ВМПЧ.

Процедура ВМПЧ подразумевает воздействие на все тело человека, согласно схеме массажных линий ВМПЧ.

Всем испытуемым до и сразу после окончания сеанса, а также через 1 день после проведения процедуры, для оценки динамики эффекта массажа проводилась оценка по специализированным шкалам (самооценки тревоги Цунга и тесту Спилбергера (реактивной и личностной тревожности)).

Результаты исследования обрабатывались традиционными параметрическими методами статистики с помощью программного обеспечения: BioStat 2009 и Microsoft Office Excel 2010.

Результаты

После проведения сеанса виброакустического массажа у всех исследуемых тревожность достоверно уменьшалась по шкале Цунга и шкале личностной тревожности теста Спилбергера ($p < 0,05$).

Через 1 день после сеанса достоверных различий по шкале Цунга и по тесту Спилбергера (по обеим шкалам) с эффективностью данного вибромассажа сразу после сеанса не было выявлено ($p > 0,05$).

В то же время, в нашей работе была выявлена достоверная разница между динамикой реактивной и личностной тревожности ($p < 0,05$), что показано в табл. 1.

Примечание: * — достоверное отличие от начального уровня ($p < 0,05$)

Данная разница по этим двум шкалам вызвана, как нам кажется, недостаточностью однократного воздействия на глубинные психологические и вегетативные феномены личностной тревожности у человека.

Обсуждение

Установлено, что ВМПЧ уменьшает применение лекарственных средств, не зависит от характера и свойств инфекционного возбудителя, обладает при местном применении эффективным противовоспалительным действием и выраженным рефлекторным влиянием при воздействии на биологически активные зоны. Методика способствует восстановлению компенсаторно-защитных механизмов организма, повышению возбудимости нервно-мышечного аппарата, восстановлению тонуса гладкой мускулатуры сосудов слизистых оболочек, нормализации лимфатического тонуса, стимуляции трофической функции и обменных процессов, в результате чего восстанавливается крово- и лимфообращение и, в конечном итоге, купируется воспалительный процесс.

Вибрационные процедуры оказывают лабильное действие на нервно-мышечный аппарат, эффект зависит от исходного состояния организма. Тем самым вибрация может улучшать нервную проводимость и обеспечивать терапевтический эффект. Независимо от места приложения вибрационного раздражителя повышается энергетическая обеспеченность организма,

что проявляется интенсификацией тканевого дыхания и окислительно-восстановительных процессов в организме.

Заключение

Таким образом, выявлена эффективность этой оздоровительной, медицинской и психологической технологии, имеющей большие перспективы, но для подтверждения её полного потенциала необходимы дальнейшие научные исследования, которые позволят усовершенствовать сеансы и выявить количественные, катанестические и курсовые рецепты воздействия.

Рекомендации

1. Применение данного массажа эффективно для быстрой и нелекарственной коррекции тревожной симптоматики ($p < 0,05$).

2. Эффективность метода позволяет рекомендовать его применение в условиях оздоровительных и психологических центров, а также для преподавания массажистам широкого профиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов, Б. Н., & Карбышева, Н. В. (2012). Способ комплексного лечения хронического цистита у женщин на курортном этапе. (патент RU2458672 C1).
2. Анисимов, Б. Н., Карбышева, Н. В., Кузьмина, О. М., Брильков, Д. В., & Ломжина, И. Б. (2015). Способ коррекции биологического возраста организма как профилактика преждевременного старения. (патент RU2549667 C1).
3. Гринберг, Я. З. (2014). О механизме преобразования вибраций в организме. Инженерный вестник Дона. Т. 32. № 4–2.
4. Додонов, А. Г. (2002). Вибромассаж подошв стоп в комплексном лечении больных инфарктом миокарда: Автореферат дис. ... кандидата медицинских наук. Самара, 27 с.
5. Дьяченко, А. И. (2016). Биомеханика вибраций в грудной клетке человека. Ульяновский медико-биологический журнал. № Приложение. С. 31.
6. Крикуха, Ю. Ю., & Сергиевич, Е. А. (2015). Вибровоздействия как средство восстановления квалифицированных борцов на предсоревновательном этапе подготовки. Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры и спорта. № 1. С. 34–36.
7. Незнатов, Н. Г., Мартынихин, И. А., & Мосолов, С. Н. (2017). Диагностика и терапия тревожных расстройств в Российской Федерации: результаты опроса врачей-психиатров. Современная терапия психических расстройств. № 2. С. 2–13.
8. Оленская, Т. Л. и др. (2015). История и современные тенденции музыкотерапии. Здоровье для всех. № 2. С. 15–21.
9. Песковец, Р. Д., & Евсюков, А. А. (2016). Тревожно-депрессивные расстройства в крупном промышленном центре восточной Сибири. Новая наука: От идеи к результату. № 11–4. С. 70–73.
10. Попадюха, Ю. А., & Демиденко, М. О. (2016). Аппараты вибротерапии в профилактике повреждений мышц плеча в женском триатлоне. Сборник статей ЦНС «Международные научные исследования» по материалам IX международной научно-практической конференции: «Проблемы и перспективы современной науки». Часть 2. Т. 2. С. 55–61.
11. Радченко, В. и др. (2014). Микровибрационная энергетика и качество жизни. Врач. № 7. С. 35–39.
12. Сагайдак, С.С., & Сагайдак, Д.И. (2016). Информативный количественный метод оперативного контроля умственной работоспособности пациента в процессе вибростимуляции. Доклады Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники. № 7 (101). С. 25–30.
13. Сагайдак, Д. И., & Цикунов, В. А. (2016). Количественное исследование распространения виброэнергии в приповерхностных зонах тела при поливекторном вибровоздействии. Доклады Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники. № 7 (101). С. 56–59.
14. Сагайдак, Д.И., & Шилько, С.В. (2010). Метод и средства вибромеханической стимуляции памяти в условиях экстремальных психоневрологических нагрузок. Проблемы здоровья и экологии. № 4 (26). С. 45–48.
15. Тимофеев, А.Б. (2005). Исследование явлений механического резонанса в органах и тканях человека и их использование для лечения и контроля его эффективности. Дис. ... канд. биол. наук. М. 129 с.

16. Шальнова, С. А. и др. (2014). Распространенность тревоги и депрессии в различных регионах Российской Федерации и ее ассоциации с социально-демографическими факторами (по данным исследования ЭССЕ-РФ). *Терапевтический архив*. Т. 86. № 12. С. 53–60.
17. Шестаев, А. Ю. и др. (2014). Применение локальной вибротерапии в комплексном лечении военнослужащих с камнями мочеточников после дистанционной ударно-волновой литотрипсии. *Военно-медицинский журнал*. Т. 335. № 5. С. 40–40.
18. Шушарджан, Р.С. (2013). Рецептивная музыкотерапия в программе комплексного лечения больных гипертонической болезнью: Дис. . . . канд. мед. наук. М. 48 с.
19. Arend, T. (2006). Equipment administering musical acoustic therapy to the body, includes vibratory couch connected through bridge to source of sound or music: patent DE202005020979 U1.
20. Barrass, S. (2014). Acoustic sonification of blood pressure in the form of a singing bowl. *Proceedings of the Conference on Sonification in Health and Environmental Data*. I. 12. P. 6–13.
21. Barrass, S. (2016). Diagnosing blood pressure with Acoustic Sonification singing bowls. *International Journal of Human-Computer Studies*. I. 85. P. 68–71.
22. Barrass, S. (2014). The hypertension singing bowl: Research through design in acoustic sonification. *NIME Workshop*. P. 1–3.
23. Bidin, L. et al. (2016). Feasibility of a trial with Tibetan Singing Bowls, and suggested benefits in metastatic cancer patients. A pilot study in an Italian Oncology Unit. *European Journal of Integrative Medicine*. I. 8. № 5. P. 747–755.
24. Black, S. R., Rodin, G., & Zimmermann, C. (2017). Comfort, Connection and Music: Experiences of Music Therapy and Inter-Active Listening on a Palliative Care Unit. *Music and Medicine*. I. 9. № 4. P. 227–233.
25. Campbell, E. A., Hynynen, J., & Ala-Ruona, E. (2017). Vibroacoustic treatment for chronic pain and mood disorders in a specialized healthcare setting. *Music and Medicine*. I. 9. № 3. P. 187–197.
26. Cho, K. J. (2017). Subjective nature: Designing situations for nature and human to be emotionally intertwined. P. 3–20.
27. Doe, G. (2013). Tuned bell harmonic musical instrument: patent 8492632 USA.
28. Gelding, R. W., & Sun, Y. (2018). Commentary: Sound-making actions lead to immediate plastic changes of neuromagnetic evoked responses and induced β -band oscillations during perception. *Frontiers in Neuroscience*. I. 12. P. 50.
29. Goldsby, T. L. et al. (2017). Effects of Singing Bowl Sound Meditation on Mood, Tension, and Well-being: An Observational Study. *Journal of evidence-based complementary & alternative medicine*. I. 22. № 3. P. 401–406.
30. Gregory, R. et al. (2017). Effects of massage therapy on anxiety, depression, hyperventilation and quality of life in HIV infected patients: A randomized controlled trial. *Complementary Therapies in Medicine*. Vol. 32. P. 109–114.
31. Humphries, K. (2010). Healing Sound: Contemporary Methods for Tibetan Singing Bowls. Undergraduate Library Research Award. I. 2. P. 1–15.
32. Jorm, A. F. et al. (2017). Снизило ли увеличение обеспечения лечением распространенность основных психических заболеваний? Обзор данных из четырех стран. *Всемирная Психиатрия*. I. 16. P. 86.
33. Landry, J. M. (2014). Physiological and psychological effects of a Himalayan singing bowl in meditation practice: a quantitative analysis. *American Journal of Health Promotion*. I. 28. № 5. P. 306–309.
34. Paine, G. (2016). Oscillations. *Proceedings of the 2016 CHI Conference Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems*. ACM. P. 3875–3876.
35. Ross, B., Barat, M., & Fujioka, T. (2017). Sound-making actions lead to immediate plastic changes of neuromagnetic evoked responses and induced β -band oscillations during perception. *Journal of Neuroscience*. I. 37. № 24. P. 5948–5959.
36. Shrestha, S. (2009). Singing bowl sound and vibration healing table: patent US12488203.
37. Waltraut, R. (2009). Sauerstoff-Klang-Therapie (S-K-T): patent DE EP2158931A2.
38. Wu, J. C. et al. (2015). Tibetan singing prayer wheel: a hybrid musical-spiritual instrument using gestural control. *NIME*. P. 91–94.

© Огуй Виктор Олегович (DoktorNN@yandex.ru),

Тарасенко Анна Александровна (anettmodi@mail.ru), Свириц Елена Николаевна (viktorogui@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ ВООБРАЖЕНИЯ У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

Смирнова Виктория Константиновна

Преподаватель, Московский городской педагогический университет, Институт среднего профессионального образования имени К.Д. Ушинского, г. Москва; Аспирант, Московский городской педагогический университет Институт психологии, социологии и социальных отношений, г. Москва
smvic@rambler.ru

THE DEVELOPMENT OF IMAGINATION IN STUDENTS OF PEDAGOGICAL PROFESSIONS

V. Smirnova

Summary. The problem of development of imagination in the system of training of teaching staff is relevant, as in the framework of the mastered profession the student must master the General and professional competence, designated by the document Federal state educational standard of secondary vocational education. Many competencies, which should master the student, mastering the teaching profession, based on the mental processes of man. Therefore, special attention should be paid not only to the development of competencies, but also to the systematic development of mental processes of future teachers.

The article presents methods and describes the results of diagnostics of the level of development of imagination of students of secondary vocational education.

Exercises are presented to develop the imagination of students studying pedagogical professions at the Institute of secondary vocational education, on the job, on the example of additional tasks aimed at repeating the material.

Keywords: imagination, imagination development, students, students, teenagers, secondary vocational education, teacher training.

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития воображения в системе подготовки педагогических кадров. Проблема является актуальной, так как в рамках осваиваемой профессии студент должен освоить общие и профессиональные компетенции, обозначенные документом Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования. Многие компетенции, которыми должен овладеть учащийся, осваивающий педагогическую профессию, опираются на психические процессы человека. Поэтому особое внимание необходимо уделять не только развитию компетенций, но и системному развитию психических процессов будущих педагогов.

В статье представлены методики и описаны результаты диагностики уровня развития воображения студентов среднего профессионального образования.

Представлены упражнения, позволяющие развить воображение у студентов, обучающихся педагогическим профессиям в институте среднего профессионального образования, без отрыва от учебного процесса, на примере дополнительных заданий, направленных на повторение пройденного материала.

Ключевые слова: воображение, развитие воображения, учащиеся, студенты, подростки, среднее профессиональное образование, подготовка педагогов.

Введение

Актуальность темы обусловлена необходимостью освоения общих и профессиональных компетенций, которые базируются на психических процессах, в частности, воображения, потому что несоответствие уровня воображения будущих педагогов необходимым компетенциям будущей профессиональной деятельности, определяют сложности в формировании воображения у воспитанников и обучающихся.

В настоящее время проблема развития воображения остается актуальной, сам процесс остается мало изученным, несмотря на то, что виды и механизмы воображения в научной литературе описаны достаточно подробно [2; 4; 5; 7].

Понятие воображение в психологии чаще всего определяется как процесс создания нового образа, нового представления, с обязательным включением характерных свойств, деталей [2; 4; 5; 7; 8]. При этом, надо заметить, свойства, количество и качество деталей имеют большие индивидуальные различия, зависящие от ряда факторов, зависящих от имеющихся в памяти представлений, особенностей восприятия, мышления и других [1; 3; 4].

Связь воображения с другими психическими процессами издавна доказана и обоснована, так у исследователей не возникает сомнений по поводу зависимости с мышлением, памятью и восприятием [1; 3; 4; 5; 7]. Это объясняется тем, что образы воображения опираются на представления, имеющиеся в памяти, которые в свою

Таблица 1. Уровни развития воображения

Показатели уровня развития воображения			
Уровни:	Высокий	Средний	Низкий
Продуктивность	3%	35%	62%
Сложность	0%	19%	81%
Гибкость	10%	55%	35%
Стереотипность	61%	29%	10%
Беглость	7%	32%	61%
Гибкость	33%	44%	23%
Оригинальность	6%	32%	62%

очередь имеют зависимость от восприятия, и особенности процесса мышления.

Психологи утверждают, что воображение доступно только человеку, объясняя это тем, что основу процесса воображения составляет аналитико-синтетическая деятельность человеческого мозга (анализ и синтез), то есть мышления. Любая человеческая деятельность, с давних времен, является примером наличия у человека такого психического процесса как воображение. Авторами учебников по психологии приводится много пример на этот счет, например, создание первых орудий труда [5; 7]. Воображение наблюдается, потому что изобретение нового орудия опирается на предварительный процесс продумывания, представления нового и наделения его свойствами, до его изготовления. Таким образом, все начинается с мысли, идеи. Творчески мыслящий, с хорошим уровнем развития воображения, такой учитель или воспитатель сможет развить воображение у своих воспитанников и учеников, подсказать, направить, а не загонять в «рамки стандарта», заданного образца повторения копий.

Педагогическая профессия обязывает специалиста активно использовать все виды воображения в процессе своего труда, так, преднамеренное воображение необходимо при постановке задач обучения и воспитания, умение создавать необходимый наглядный материал для достижения поставленных целей. Непроизвольное воображение также играет важную роль в личном развитии будущего педагога, так как во время сновидений он осознает свой опыт, получает необходимую информацию из глубин своего бессознательного, может лучше решить имеющиеся проблемные ситуации.

Таким образом, актуальность развития воображения является важным вопросом в процессе подготовки будущих педагогов в рамках среднего профессионального образования.

Описание исследования

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 69 студентов в возрасте 16–18 лет, обучающихся в Институте среднего профессионального образования им. К. Д. Ушинского (ГАОУ ВО МГПУ) на факультетах педагогических специальностей — учитель начальных классов, воспитатель детей дошкольного возраста.

Методики исследования

Диагностика уровня развития воображения у студентов педагогических профессий была проведена с помощью следующих психологических методик: «Диагностическая методика творческого воображения подростка», «Методика исследования индивидуальных особенностей воображения» и «Тест творческого мышления П. Торренса, субтест 1. Использование предметов (варианты употребления)». [6; 8; 9].

Результаты исследования

Сводная таблица результатов диагностики уровня развития воображения представлена в таблице 1.

Из таблицы видно, что преобладает низкий уровень развития воображения по параметру продуктивность

62%, средний наблюдается у 35%, высокий показатель продуктивности у только у 3% испытуемых.

Показатели воображения по параметру сложность дали следующие результаты высокий уровень сложности 0%, средний 19%, низкий — 62%.

Показатели воображения по параметру гибкости воображения: высокий уровень — 10%. Средний — 35%, низкий — 35%.

Показатели воображения по параметру стереотипность: высокий уровень — 61%, средний — 29%, низкий — 10%.

Показатели беглости (беглость воспроизведения идеи) следующие: высокий — 7%, средний — 32%, низкий — 61%.

Показатели гибкости (число категорий ответов) следующие: высокий — 33%, средний — 44%, низкий — 23%.

Показатели оригинальности (число ответов с необычным употреблением понятия): высокий — 65%, средний — 32%, низкий — 62%.

Таким образом, проведенное исследование показало необходимость развития воображения студентов педагогических профессий, так как имеет место преобладание низких и средних показателей, что, скорее всего, связано с функциональной фиксацией, тревожностью, страхом неудачи, ригидностью.

Проведение работы по развитию психических процессов

Процесс воображения развивается с опорой на память, и имеющиеся представления, т.е. у студентов педагогических профессий нет дефицита в новой информации, новые знания они приобретают в рамках освоения учебных предметов и прохождения практики, которой в учебном заведении среднего профессионального образования уделяется большое количество часов от общего учебного плана. Таким образом, память, мышление и представление активно учувствуют в процессе обучения студентов. Процесс воображения не так часто задействован в рамках учебного процесса, поэтому для дальнейшей работы были подобраны и проведены упражнения, целью которых было развитие воображения.

Для снижения уровня функциональной фиксации, при которой наблюдается шаблонность мышления, приводящая к снижению творческого воображения, сложности создания новых возможностей использования одного и того же предмета с разными целями, было дано упраж-

нение, в котором надо было представить, вообразить как можно по-разному использовать один и тот же предмет. Данное упражнение проводилось с учащимися по специальности «дошкольное образование», в связи с этим задание было связано с умением учащихся организовывать сюжетно-ролевую игру с детьми дошкольного возраста, подбирая необходимые атрибуты к игре. Сложность была связана с тем, что, в соответствии с предметами-заместителями в игровом пространстве, не каждый предмет подходит под тот или иной атрибут игры.

Для развития воображения, памяти и абстрактного мышления была проведена серия упражнений-игр типа «крокодил», в которых учащимся давалось задание объяснить слово (из пройденного материала), не называя его своей команде. Водящий сам выбирал карточку со словом по пройденным темам. Побеждала та команда, которая угадала большее количество слов по пройденному материалу. Как оказалось, данный вид работы способствовал лучшему запоминанию пройденного материала.

Функция воображения заключается в организации таких форм поведения, которые еще ни разу не встречались в опыте человека, то есть находения поведения, которое будет соответствовать новым условиям среды. Для развития этой функции воображения, в рамках освоения учебного курса, студентам было предложено изменить привычные им предметы на воображаемые, и показать их так, чтобы другие угадали это «превращение» (например, линейка, указка, мяч, книга и др.). Далее была проведена игра, предполагающая «невидимый предмет», который надо было показать, чтобы другие его отгадали.

Заключение

В образовательной системе отсутствует системный подход к вопросу развития воображения, на котором базируются важные общие и профессиональные компетенции, которыми должен овладеть студент в рамках освоения педагогической профессией. Проведенное исследование студентов среднего профессионального образования показало преобладание низких и средних показателей уровня развития воображения и творческого мышления, что явилось основанием для проведения специально подобранных упражнений для развития воображения. Упражнения для развития воображения просты по структуре и доступны для проведения в рамках образовательного процесса, то есть без отрыва от учебного процесса, и способствуют усвоению учебного материала междисциплинарного курса. Особенность такого психического процесса как воображение заключается в том, что воображение затрагивает другие психические процессы (восприятие, представления, память и мышление), активизируя и развивая их.

ЛИТЕРАТУРА

1. Величко Ю.В. О соотношении понятий креативность, творческие способности, творческое воображение, творческое мышление в исследованиях отечественных и зарубежных психологов [Текст] / Ю. В. Величко // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. № 2–3.
2. Вундт В. М. Очерк психологии [Текст] / В. М. Вундт. М.: Терра, 2015. 464 с.
3. Грязнова Е. В. Развитие творческих способностей учащихся [Текст] / Е. В. Грязнова, И. Е. Смелкова // Наука, техника и образование. 2015. № 10 (16). С. 195–197.
4. Ильин П. И. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: ПИТЕР, 2013. 448 с.
5. Маклаков А. Г. Общая психология. — СПб.: Питер, 2016. 583 с.
6. Романова Е. С. Психодиагностика: учебное пособие / Е. С. Романова. 3-е изд., доп. М.: КНОРУС, 2016. 336 с.
7. Столяренко Л. Д. Основы психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. 475 с.
8. Туник Е. Е. Психодиагностика творческого мышления. Креативные тесты. СПб.: Дидактика Плюс, 2002.
9. Тест креативности Торренса. Диагностика творческого мышления [Электронный ресурс] URL: <http://psycabi.net/testy> (дата обращения: 26.10.2018).

© Смирнова Виктория Константиновна (smvic@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский городской педагогический университет

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА В СТРУКТУРЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ (НА ПРИМЕРЕ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В Г. ТОМСКЕ)

Титова Валерия Олеговна

Аспирант, Томский государственный университет
titova.lera.pr@gmail.com

PROFESSIONAL ETHICS IN THE STRUCTURE OF DECISION-MAKING BY REPRESENTATIVES OF THE HELPING PROFESSIONS (FOR EXAMPLE, SPECIALISTS OF SOCIAL WORK IN THE CITY OF TOMSK)

V. Titova

Summary. The article presents a study of the ethical motivations of the behavior of modern helping professionals in various organizations of Tomsk. Analyzed decisions of specialists regarding ethical dilemmas (the standpoint of professional ethics). The possibilities of applying applied ethical standards in increasing the efficiency of social work. The author examined the possibilities and prospects of teaching social work professionals applied ethical standards.

Keywords: professional ethics, ethical code of social work, social work, helping professions.

Аннотация. В статье приводится исследование этических мотиваций поведения современных специалистов по социальной работе. Проанализированы этические нормы, которыми представители помогающих профессий руководствуются в своей деятельности. Выявлены способы решения этических дилемм специалистами из различных организаций с позиций профессиональной этики. Автором рассмотрены возможности и перспективы обучения специалистов социальной работы прикладным нормам этики для повышения эффективности процесса и результатов труда.

Ключевые слова: профессиональная этика, этический кодекс социальной работы, социальная работа, помогающие профессии.

Прикладная этика отдельной профессиональной группы акцентирует имеющиеся и создает особые нормы морали. Необходимость разграничить общие моральные принципы и нормы с личными и профессиональными — очевидна. Низкая оценка роли помогающих профессий в обществе, отсутствие их престижа, низкая оплата труда специалистов, публичное обсуждение ошибок деятельности в СМИ — все это неизбежно ведет к тому, что снижается мотивация специалистов к труду [2]. Это ведет к деморализации социальных работников, а также к появлению синдрома профессионального выгорания и к уходу из профессии. При взаимодействии с клиентом в процессе труда несоблюдение прикладных этических норм в сфере оказания социальных услуг может негативно сказываться на клиенте помогающих профессии.

По нашей гипотезе у современных специалистов социальной работы присутствуют сложности в решении профессиональных этических дилемм из-за низкого уровня знаний относительно прикладных этических норм. Игнорирование этических базисов деятельности повышает риск осуществить социальную услугу, полагаясь на личные нравственные ценности, а не профес-

сиональные нормы, что сказывается на ее результате. При этом личные ценности находятся под влиянием правоустанавливающих стейкхолдеров. Мнение стейкхолдеров также не всегда соответствует нормам профессиональной этики и ценностям самого специалиста.

Объектом исследования выступают этические основания профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий. Предметом нашего исследования становится соотношение ценностей в структуре мотиваций поведения специалистов социальной работы в г. Томске. Соответственно целью данного исследования является анализ профессиональных ценностей томских социальных работников, как представителей помогающей профессии в России в системе оказания квалифицированной помощи населению.

В ходе исследования мы провели ряд интервью с шестью действующими специалистами из сферы социальной работы с различными группами населения из различных типов организаций (НКО, социальный бизнес, государственные организации). У респондентов, ведущих деятельность в сфере социальной работы — раз-

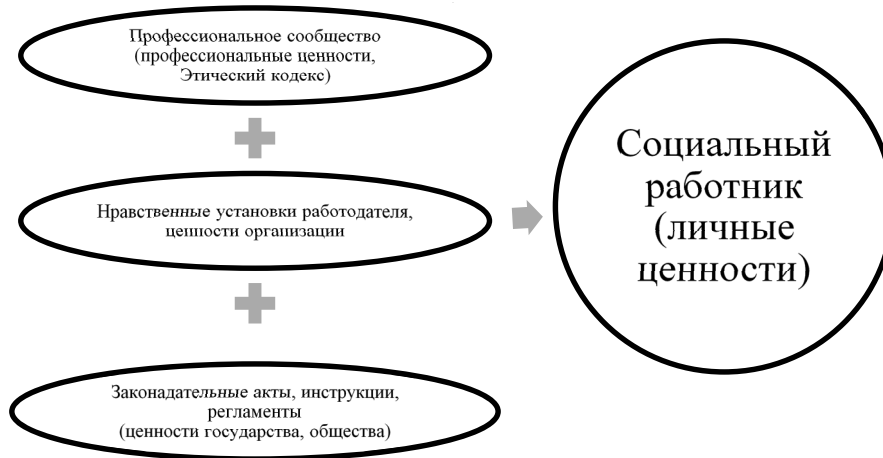

Рис. 1. Модель влияния ценностей правоустанавливающих стейкхолдеров на этическое решение специалиста

личный уровень и профиль образования, что отражает реалистичную картину в сфере помогающих профессий, где профессиональное образование социоэкономического профиля имеют меньше половины сотрудников [4, с. 112]. Изначально, необходимо было выявить основные представления действующего специалиста социальной работы об этических принципах профессии, закрепленных в этических кодексах и нормативно-правовых документах. Мы посвятили данной задаче отдельный кластер вопросов.

Исходя из анализа мнений респондентов в ответе на первый вопрос “Знакомы ли Вы с региональными, федеральными, всероссийскими, международными документами, которые прямо или косвенно регулируют этику взаимоотношений с клиентами, коллегами в процессе работы?” можно сделать вывод о знакомстве с Международным этическим кодексом профессии специалистами по социальной работе из гос. организаций, а также специалистами имеющих высшее образование по социоэкономическому профилю обучения (социальная работа и организация работы с молодежью).

В ответах часто респондентами этические профессиональные нормы соотносятся с общепринятыми правилами поведения в обществе, деловым этикетом: *«нельзя быть грубыми, вступать в интимные отношения», «нужно быть честными, открытыми», «все работники с санитарными книжками, никто не кричит на детей», «никаких правил приличия не нарушаем».*

Также стоит отметить, что большинство респондентов ссылаются на легитимность своего поведения в соответствии с законодательством РФ, соотнося этот факт напрямую с этическими нормами профессиональной деятельности.

Респондент из гос. организации: «Есть Международная Конвенция о правах детей-инвалидов и таких законов много. Но, в основном, мы в своей работе придерживаемся наших федеральных законов».

Респондент также противопоставляет свою деятельность законным и этическим основаниям. социальный работник признает ее социальную значимость, указывая на субъективную просоциальную мотивацию — стремление помочь другим людям.

Респондент из соц. бизнеса: «Возможно, наша деятельность не вполне законна, т.к. иногда мы вынуждены изолировать человека на реабилитации от его привычной среды (друзья, родственники химически-зависимых). Они подписывают документы. Сложно все, сами не знаем, как быть с этой бюрократией — нельзя помочь человеку».

Этические ценности профессии отличаются от законодательных норм (права) в том смысле, что право — это признанное, узаконенное притязание на социальные вызовы и ресурсы, которыми граждане могут воспользоваться [5]. Гражданские права относятся напрямую к ценностям справедливости и свободы. Право на жизнеобеспечение, социальную помощь относится к естественной потребности выживания. Таким образом, профессиональная обязанность в роли социального работника соответствует соблюдению законодательства РФ (соблюдение законов РФ, как следование профессиональной ценности). Согласно Этическому кодексу социальной работы — уважение основных прав и свобод человека является одной из базовых ценностей профессии. При этом права человека и этические ценности выступают взаимозависимыми атрибутами мотивации деятельности, но не являются полным от-

ражением профессиональных ценностей социальной работы.

Исходя из ответов на вопрос «Каких общепринятых профессиональных ценностей наиболее важно придерживаться в Вашей деятельности? Как они могут выражаться в рабочих ситуациях?», можно сделать вывод, что специалисты не всегда осознают грань между личными и профессиональными ролями и ценностями. Часто указывается внимание на то, что ценности, которых специалисты придерживаются в деятельности исключительно личные, которым они следуют вне зависимости от принимаемой социальной роли (социальный работник, гражданин, семьянин и др.).

Основной профессиональной ценностью всеми опрошенными специалистами была обозначена человечность. Человечность — это сложное человеческое состояние и способность, где объединены забота о человеке, признание его жизни, как ценности и любовь к нему, почтительность и благоговение перед человеческой и другой жизнью [6]. Но что такое человечность? Практически все люди вне зависимости от профессии, даже если не могут этого сформулировать, могут в жизни чувствовать и различать человечность от бесчеловечности. В основе человечности лежат три основных принципа [7]: уважение, доброжелательность и совесть. Сама по себе этика милосердия, как этика человечности в понимании добродетели Аристотеля, не предполагает отражения профессиональной этики, фиксируемой и сконцентрированной на какой-либо одной нравственной ценности, этическом принципе или позитивном качестве. В нашем контексте исследования.

Возникает логичное предположение о том, что сама по себе ценность человечности, упоминаемая респондентами, совпадает и с профессиональным базисом этики социальной работы. Если мы снова обратимся к Кодексу этики социальной работы, то этика человеколюбия созвучна ценности гуманизма, которая установлена в документе базовой макроценностью профессии [6]. Немаловажно обозначить, интервьюеры часто переходили от рассказа о профессиональных ценностях к своим личным и, наоборот.

В ответах на вопрос «Какие ценности, качества вы считаете необходимыми молодому специалисту по социальной работе?», важный акцент респонденты оставляют персональной альтруистической мотивации специалиста, а также основой данной мотивации, базирующейся на личном эмпирическом негативном жизненном опыте специалиста. Это проявляется личным сопереживанием проблемам клиентов. В ряде интервью прослеживается взаимосвязь выбора профессии социальной работы с личным жизненным опытом. Отдельные респонденты

акцентируют внимание и на том, что проявлять излишнюю увлеченность, погружаясь в проблемы клиентов нельзя (разумный альтруизм), те же респонденты приводят и важные положения о значимости в процессе воспитания механизмов эмоциональной, психологической самозащиты специалиста. Помочь в этом может высшее профессиональное образование в сфере помогающих профессий и самообразование, о чем говорят сами респонденты.

Следующий вопрос был связан с возможностью роста и развития профессионального самосознания специалистами, готовы ли они рефлексировать и применять полученные выводы. Анализ рефлексии в социальных процессах обнаруживает ее конструктивный потенциал в процессе социализации и экзистенциальной практики для профессионального сообщества. Рефлексивная составляющая деятельности может послужить как мотивом, так и антимотивом к трудовой деятельности.

Вопрос, заданный респондентам: «Возникает ли у вас сомнение в правильности выбора применения тех или иных методов коммуникации в работе? Проводите ли вы рефлексию своего поведения, решений?».

Респондент из НКО: «Сомнения в работе возникают, конечно, есть у меня одна мама, которая с ребенком живет на улице летом живет, часто в ночлежках бывают, но при этом ее ребенок чистый девочка ходит в школу и любит маму. Скажу в опеку — девочку заберут в детский дом, и все, а так ребенок счастлив с матерью. Что касается рефлексии методов организации работы, то есть мы, как НКО, мы можем сами выбирать категорию помощи, я лично отказалась от работы с матерями потому, что это самое малофинансируемое направление, в этом смысле рефлексую».

Респондентом приведен пример собственного решения этической дилеммы: когда базовая личная ценность преобладает. Субъективно специалист может испытывать от данной ситуации чувство вины (сокрытие правды) или, наоборот, чувство удовлетворения (я помог семье — их не разлучат).

В данной ситуации рациональная рефлексия, самоанализ социально-ролевого поведения может помочь специалисту найти подход к решению этической дилеммы на основе анализа соотношения профессиональных и личных ценностей, необходимости их осознания и приоритизации в сторону профессиональной этики. Ценностная рефлексия рабочих процессов включает в себя оценочный спектр, связанный с личной ответственностью специалиста и самоанализа его деятельности с позиции общепринятых и регламентированных профессиональных этических норм. Однако рефлекс

сия может проводиться и не самостоятельно, а в группе и приводить также к разным выводам.

Респондент из гос. организации: «Да, у нас есть даже супервизия, так сказать кружок для рефлексии своего поведения, но чаще сводится к тому, что мы обсуждаем клиентов, а не их дела, так конечно нельзя делать, но мы так, хотя бы отвлекаемся от «текучки». Психологически, это помогает очень».

В случае, даже, когда корпоративно нарушается базовая профессиональная ценность конфиденциальности по отношению к клиенту, респондент, тем не менее, видит в этом пользу для себя, как способа профилактики профессионального выгорания. Специалист тем самым обосновывает ее персональную значимость для профессиональной, социально-положительной цели и признает, что это осознанное нарушение профессиональной этики, но исходя из личной ценности, это используется.

Согласно ответам респондентов на следующий вопрос «Бывали ли у вас ситуации, когда общепринятый принцип, положенные стандартные действия по инструкции, были малоэффективны и вы прибегали к грубому общению, осуждению, сравнению с другими вашего клиента и это подействовало положительно в конечном итоге?» можно говорить о двух возникающих гипотезах относительно честности респондентов в ответах на вопросы. Первая гипотеза, в действительности респонденты соблюдают общие профессиональные этические принципы (конфиденциальность, толерантность, безоценочность в общении с клиентом и др.); вторая гипотеза заключена в том, что респонденты осознанно в ситуации интервью о профессии скрывают истинные положения, о том, что они нарушают принципы профессиональной этики. При этом важно учитывать позицию осознанности данных действий.

Респондент из гос. организации: «Наверное, бывает. Мы не можем отойти от этого. Но от документов и законов мы не отходим».

Во второй гипотезе мы находим подтверждение в рассогласовании ранее данных ответов с текущим вопросом среди респондентов. Можно интерпретировать текущие ответы так, что если есть необходимость оказания квалифицированной помощи, однако присутствует карательный императив со стороны государства, то специалист, наделенный полномочиями в отношении клиента — предпочтет бездействие. Если респондент, исходя из личных нравственных установок, считает положительным стремление помочь клиенту, то из-за внешнего влияния мнения стейкхолдеров этот барьер становится непреодолим. Причиной бездействия становится страх применения карательных мер со стороны

правоустанавливающего стейкхолдера за личное стремление помочь, вне профессиональной деятельности. При этом нарушение этических кодексов, инструкций и даже законов РФ респонденты, работающие в организации менее регламентирующих порядок работы (НКО и соц.бизнес) рассматривают часто, как необходимость в ряде случаев оказания помощи. Респонденты оправдывают непрофессиональные действия — альтруистическими намерением помочь нуждающимся.

Ответы на вопрос «Допустимо ли обманывать, скрывать часть правды от клиента, если это поможет ему справиться с проблемой?». В большинстве ответов респондентов обнаруживается деонтологическая направленность. Специалист самостоятельно рефлексировал правильность или неправильность своего поведения в зависимости от следования моральным принципам (личным или профессии), без учета положительного результата своей работы.

Однако есть и противоположное мнение, которое можно отнести к группе моральных теорий консеквенциализма, когда морально-правое действие или бездействие определяется как то, которое даёт положительные результаты или последствия в итоге. Таким образом, специалистом определяется соответствует или нет действие профессиональной этике уже по итогам результата работы.

Респондент из НКО: «Да, допустимо, почему нет, если не навредит человеку, а поможет».

Изучив различные мнения специалистов социальной работы относительно принятия этических решений, мы выявили, что на практике этические ценности профессии применяют специалисты имеющие профессионального образования, а также специалисты, работающие в гос. организациях, где жестко регламентирован порядок работы и введен корпоративный кодекс этики. В разных мнениях респондентов следование профессиональной этике положительно связывается, как с процессом, так и с результатом работы. Этические нормы профессии понимаются, как обобщенный успешный эмпирический опыт коллег.

Наличие профессионального образования в сфере помогающих профессий положительно отражается на знании норм прикладной этики. Т.к. специалист, имеющий профильное образование, знаком с этическими принципами специальности и обращается к ним при решении этических дилемм. Это положительно отражается на процессе взаимодействия, решении этических дилемм с клиентами и на результатах труда. Даже когда специалист, не придерживается профессиональных норм, он способен это осознавать и делать новые вы-

воды. В этом смысле мы можем рассмотреть образовательный потенциал профессиональной этики в практике обучения разрешению этических дилемм социальных работников через рефлексию. Профессиональная этика в своем роде играет воспитательную роль, дисциплинируя поведение, делая его предсказуемым и результативным.

Более возрастные респонденты (от 40 лет) в деятельности придерживаются личных ценностей, не разделяя их с профессиональными. Даже подчеркивая, что они осознанно ведут деятельность, опираясь исключительно на личные нравственные ценности (созвучные с общими моральными принципами). В основном мнения специалистов из социального бизнеса и НКО сходятся в том, что им не хватает понимания профессиональных этических норм для саморефлексии результата и процесса своей работы. Они часто принимают ситуацию клиентов «близко к сердцу» и не могут профессионально отреагировать

на запрос клиента в помощи. На практике это повышает риск оказания некачественных услуг и профессионального выгорания самих социальных работников. В этом контексте потенциал рефлексии, как инструмента этической регуляции поведения может стать основой для разделения профессиональных принципов и личных ценностей. Обозначается необходимость самообразования для специалистов и знакомства с основными этическими принципами профессии.

Также наиболее эффективные практики решений этических дилемм можно устанавливать на организационном уровне. Наличие корпоративного этического кодекса имеет целью объединить профессиональные этические принципы работодателя, сотрудника и государства. В этом смысле профессиональная этика обозначает в этическом кодексе оптимальное, с точки зрения профессиональной деятельности поведение специалиста в организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузина О. Е. Чернышева М. В. Корпоративная благотворительность и ответственность: обоснование понятий / Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, № 4 (128), 2015. С. 154–165.
2. Воробьева И. В. Престиж профессии учителя / Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. № 4 (126). [Электронный ресурс]: Онлайн-библиотека «Киберенинка»; URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestizh-professii-uchitya-1> (дата обращения: 22.04.2019).
3. Богомягкова Е. С. Помогающие профессии: пересмотр аналитических перспектив / Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии. Сост.: З. Х. Саралиева. Материалы международной научно-практической конференции г. Нижний Новгород, 15–16 сентября 2016 г. Изд-во: НИСОЦ, 2016. С. 447–451.
4. Куприянов Р. В. К вопросу о подготовке социальных работников разного уровня / Вестник Казанского технологического университета, № 3, 2010. С. 110–115.
5. Зимбули А. Е. Человек и профессия: этические аспекты гуманитарных технологий (недежурные размышления о профессиональной этике) / Universum: Вестник Герценовского университета. 2008. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-i-professiya-eticheskie-aspekty-gumanitarnyh-tehnologiy-nedezhurnye-razmyshleniya-o-professionalnoy-etike> (дата обращения: 19.04.2019).
6. Заховаева А. Г. Ценность и смысл понятия «Духовность» на изломе нравственных парадигм / Ценности и смыслы. 2017. № 5. [Электронный ресурс]: Онлайн-библиотека «Киберенинка»; URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennost-i-smysl-ponyatiya-duhovnost-na-izlome-nravstvennyh-paradigm> (дата обращения: 19.04.2019).
7. Международный кодекс этики социального работника [Электронный ресурс]: Сетевое издание «Информационный ресурс Общероссийского народного фронта»; [Электронный ресурс]: Онлайн-библиотека «Киберенинка»; URL: <https://onf.ru/2013/05/30/kodeks-e-tiki-sotsial-nogo-rabotnika/> (дата обращения: 17.04.2019).
8. Блох М. Я. О понятиях добра и зла в системе библейско-философских категорий / Ипатьевский вестник, № 6, 2018. С. 254–257.

© Титова Валерия Олеговна (titova.lera.pr@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОСПИТАТЕЛЯ КАК ОСНОВА СПОСОБНОСТИ УСТРАНЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

CREATIVE POTENTIAL OF THE TEACHER AS A BASIS FOR ABILITY TO ELIMINATE CONFLICTS

A. Fedorov

Summary. The article reveals the content of the concept of conflict through key categories. Thanks to the achievement of acme as the culmination of methods for resolving conflicts, the personal abilities of the educator are not only improved, but also multiplied and become inexhaustible. The article indicates the formation of creative independence and acmeological culture among the penitentiary system specialists for conflict prevention.

Keywords: Conflict situation, acmeological literacy, acmeological competence, acmeologist, spiritual and moral values, employee, educator, creative autonomy, acmeological culture.

Федоров Александр Федорович

*К.псх.н., доцент, Владимирский государственный университет им. В.Г. и Н.Г. Столетовых; с.н.с., НИЦ-2 УИС ФКУ НИИ ФСИН России
zimbur79@mail.ru*

Аннотация. В статье раскрывается содержание понятия конфликтов через ключевые категории. Благодаря достижению акме как кульминации способов разрешения конфликтов личностные возможности воспитателя не просто совершенствуются, но и умножаются, становятся неисчерпаемыми. В статье указано формирование творческой самостоятельности и акмеологической культуры у специалистов пенитенциарной системы для предупреждения конфликтов.

Ключевые слова: Конфликтная ситуация, акмеологическая грамотность, акмеологическая компетентность, акмеолог, духовно-нравственные ценности, сотрудник, воспитатель, творческая самостоятельность, акмеологическая культура.

Сотрудник уголовно-исполнительной системы, обладающий продуктивной компетентностью в своей деятельности, способный созидать духовные продукты в себе, может обеспечить продуктивное решение задач в условиях развития конфликтных ситуаций. Одним из условий, содействующих предотвращению конфликта, является опора на положения юридической акмеологии. В основе теории юридической акмеологии лежат акмеологические законы. С позиции реализации акмеологических законов формирование акмеологической культуры у сотрудников уголовно-исполнительной системы сопряжено с приобретением новообразований, характеризующих продуктивность разрешения назревающего конфликта. В качестве новообразований могут выступать духовно-нравственные ценности. Проблема самостоятельности, творческой, профессиональной самостоятельности специалиста пенитенциарной системы, способного ставить творческие задачи, осваивать и преобразовывать действительность, самореализовываться в творческой деятельности становится актуальной задачей, определяющей содержание воспитательной работы на современном этапе развития и преобразования уголовно-исполнительной системы. Переход современного российского общества к новому состоянию требует от специалиста пенитенциарной системы готовности к эффективному использованию возможностей и мобилизации своего личностного потенциала в новых социально-экономических условиях. Поэтому этому процессу способствует переход уголовно-исполнительной системы на современную модель.

Развитие творческого потенциала у сотрудников становится одной из важных стратегий и принципов современной практики. «Многими это достигается слишком большой ценой. Отсюда зачастую возникают существенные различия в деятельности, особенно ее результатах» [3]. Потенциал творческий и креативность ряд ученых не считают тождественным и определяют креативность как системную связь творческого потенциала с его использованием. Развитие творческого потенциала возможно в условиях различных видов деятельности. Содержательное проявление и качественное своеобразие творческого потенциала отдельного сотрудника можно определить психическими факторами.

Степень проявления творческого потенциала у воспитателя пенитенциарного звена для предупреждения конфликтов обусловлена социальными условиями и уровнем его собственной активности. Активность его выступает определяющим условием, при котором деятельность оказывает свое развивающее влияние на актуализацию имеющегося творческого потенциала, отсутствие же ее приводит к угасанию способности к творчеству. Мотивация, личная инициатива и самостоятельное решение осужденных встать на путь исправления приобретают важную роль в деле формирования и развития творческой личности воспитателя пенитенциарной системы и, в этом аспекте актуальность этой проблемы заключается в том, что от ее нерешенности в значительной мере страдает качество подготовки специалиста. Опираясь на выводы ученых, которые

рассматривают исследовательскую деятельность в области возникновения и разрешения конфликтов как фундамент творчества их быстрого уничтожения без последствий, в статье рассматриваются факторы процесса его развития. Стратегическим направлением активизации творческого потенциала в этой области исследований должно стать создание условий. Анализ психолого-акмеологической литературы и современных публикаций показал, что понятие «творческий потенциал» характеризует сложное явление. Известно, что «творческий потенциал» является интегративным образованием, которое позволяет человеку получать объективно и субъективно новые результаты в принятии решений, связанных с конфликтами. Личностные возможности сотрудников пенитенциарного звена по реализации творчества в процессе устранения конфликта зависят от конкретных характеристик действительности, в которых оказываются «конфликтные» личности уголовно-исполнительной системы, и от ее мотивации волевых качеств, самостоятельности и уверенности в себе.

Творческий потенциал, это некоторое свойство воспитателя, определяющее меру его возможностей в разрешении конфликта, в творческом саморазвитии на основе его духовно-нравственных ценностей. Творческий потенциал воспитателя является основой способности находить новое решение и действовать оригинально и нестандартно в устранении конфликтной ситуации. Степень проявления творческого потенциала в процессе разрешения и устранения конфликта обусловлена уровнем активности сотрудника или руководителя. Угасание стремления к развитию творческого потенциала ведет к примитивным способам разрешения и урегулирования конфликтов. На основе своего развитого творческого потенциала воспитатель учится самостоятельно решать сложные вопросы, связанные с конфликтными ситуациями. Соотношение актуального, потенциального и перспективного позволяет рассматривать личность воспитателя в ее движении от актуального уровня к потенциальным и перспективным возможностям творческого и безболезненно-успешного устранения конфликта при любых условиях его возникновения. Известно, что для реализации профессиональной деятельности в конфликтной среде воспитателю необходима соответствующая профессиональная культура как способ жизнедеятельности в конфликтных ситуациях. Развитие психолого-акмеологических важных качеств сотрудника позволит проводить профилактику преждевременных конфликтов. Юридическая акмеология призвана решать практические задачи в сфере конфликтных ситуаций. Одним из ведущих факторов являются способности, которые призваны находить способы решения и проявлять высокую организованность в возникших конфликтных ситуа-

циях. Субъективно-объективные факторы определяют организацию продуктивной и творческой атмосферы в деятельности воспитателя. Учет этих факторов может обеспечить условия для эффективности и оптимизации качества работы, а также увеличения результативности разрешения конфликтов. Работа в области разрешения конфликтных ситуаций требует обязательного психолого-акмеологического сопровождения, осуществляемого специалистами. Известно, что психолого-акмеологическое сопровождение определено как комплекс акмеологических технологий, основанных на знаниях, обеспечивающих осознание сотрудником своих индивидуально — психологических особенностей как необходимого условия достижения положительных результатов. Проблема развития личности воспитателя современной уголовно-исполнительной системы, обладающего акмеологической культурой, тесно переплетается с ее особенностями по успешному предотвращению и урегулированию конфликтных ситуаций. В зависимости от того, насколько творчески развит воспитатель, настолько его деятельность культуросообразна. Накопленный багаж творческих умений и навыков в области разрешения возникшего конфликта позволяет современному работнику пенитенциарной системы подняться до уровня человека высокой культуры. Идея развития акмеологической культуры в уголовно-исполнительной системе является в значительной степени новым исследованием, изучающим проблемы конфликтных ситуаций среди сотрудников. Становление духовного мира воспитателя проходит через ряд ступеней образующих своеобразную иерархию культурных потребностей. Как известно, вопрос механизма становления личности воспитателя пенитенциарного звена актуален в современном знании. Акмеологическую культуру, как личностную и деятельностную характеристику сотрудника уголовно-исполнительной системы, можно представить новообразованием, которое окажет неоценимую помощь в разрешении конфликтов. Акмеологическая культура раскрывается как система основных функций личностных качеств и деятельностных проявлений, сформированность которой является условием и предпосылкой эффективного процесса устранения конфликтов.

Приступая к деятельности по разрешению конфликта между осужденными, следует учитывать в полной мере, что вмешательство третьей стороны в конфликт не всегда эффективно. В результате проведенного опроса в учреждениях Владимирской области, выявлено, что вмешательство администрации исправительных учреждений в конфликты между осужденными в 80% ситуаций оказывает положительное влияние. В 18% ситуаций оно не оказало влияния на разрешение проблемы. В 2% ситуаций было зафиксировано отрицательное влияние на итоги конфликта в отряде.

Целостность личности сотрудника уголовно-исполнительной системы в рамках устранения и разрешения конфликтов связывается с его неповторимостью, уникальностью и «высокого уровня общей культуры» [1]. При этом условием неповторимости и целостности личности воспитателя выступает его автономность, способность к самоуправлению и саморегулированию. Акмеологическая культура включает и вбирает в себя акмеологическую грамотность и акмеологическую компетентность, которые выступают как начальные ступени ее развития. При этом акмеологическая компетентность

может быть связана с уничтожением конфликтных ситуаций в кратчайшие сроки. При этом акмеологическая культура является интегральным показателем развития воспитателя и одновременно личностным качеством, обеспечивающим эффективность саморазвития его личности. Если сказать другими словами, акмеологическая культура есть условие, и поле проявления воспитателя в области успешного разрешения конфликтных ситуаций. Проблема комплектования качественным составом работников исправительных учреждений остается достаточно острой и требует своего решения [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкатов И. И. Психология групп осужденных молодежного возраста. М., 2009.
2. Деев В. Г. Психология направленности личности осужденных молодежного возраста. Рязань, 2007.
3. Каверин С.Б., Мотивация труда. — М.: ИП РАН, 2008.

© Федоров Александр Федорович (zimbur79@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Владимир

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЦЕННОСТИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (К ВОПРОСУ О НАУКЕ КЛИРОНОМИИ)

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE VALUES OF CULTURAL HERITAGE (THE QUESTION OF THE SCIENCE OF KLIRONOMY)

A. Buichik

Summary. The article gives a philosophical justification for the formation of the concept of "value" and its actualization in relation to the products of social activities in the form of tangible and intangible cultural heritage. The author conducted a historical excursion and analysis of the evolution of philosophical thought from the 5th century BC until the 19th century AD, which resulted in the definition of the concept of "value" as the main subject of philosophy by the representatives of neo-Kantianism.

Keywords: value, klironomical outlook, klironomy, cultural heritage.

Буйчик Александр Геннадьевич

ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский институт искусств
и реставрации»
info@buichik.ru

Аннотация. В статье даётся философское обоснование формирования понятия «ценности» и его актуализация по отношению к продуктам общественной деятельности в форме материального и духовного культурного наследия. Автором проведён исторический экскурс и анализ эволюции философской мысли на протяжении V в. до н.э. — XIX в. н.э., результатом которого стало определение представителями неокантианства понятия «ценность» главным предметом философии.

Ключевые слова: ценность, клирономическое мировоззрение, клирономия, историко-культурное наследие.

Философское осмысление сохранения историко-культурного наследия играет ведущую роль в формировании клирономического мировоззрения (от греч. *κλιρονομιά* [*klirónom'ja*] — наследие), т.е. осознании значимости материального и нематериального прошлого, которое создается обществом на протяжении его существования. Следствием становления качественно нового состояния культуры является освоение культурного контекста общего мирового пространства, осознание целостности и неделимости самого мира. Постепенно очерчивается формат глобального сообщества, что приводит к расширению взаимосвязей различных народов и их культур.

В связи со всё большим усилением процесса глобализации общества важным элементом сохранения национальной культурной идентичности остаётся центральное аксиологическое понятие «ценности» в области культуры. Оно в свою очередь формирует понятие «культурной ценности», через которое — определение категории «культурного наследия», базирующееся на совокупности культурных ценностей, определённых каждой цивилизацией в рамках, принятых данным социумом.

Обмен культурными ценностями является существенным фактором развития культурно-творческого потенциала народов, интенсификации процесса взаи-

мовления и взаимообогащения национальных культур. Сохранение всемирного и национального культурного наследия, является на сегодняшний день основной задачей социума. Преемственность лучших достижений художественного опыта позволяет рассматривать такой обмен как объективную историческую закономерность. Кроме того, история обмена культурными ценностями — это особая часть истории культуры каждого страны и народа.

Помимо культурной составляющей, обмен культурными ценностями является инструментом международной культурной политики, способствуя созданию условий для диалога и сотрудничества государств, народов и социумов, относящихся к различным культурным традициям. Культурные ценности, такие как произведения искусства, научное знание, культурные традиции, являются достоянием всего человечества, т.е. находятся выше границ и национальных барьеров.

Культурные ценности, являясь высшими клирономическими проявлениями мировой материальной и нематериальной культуры, концентрируют в себе многовековой опыт человечества. Они непосредственным образом выполняют преобразующую функцию по отношению к человеку в частности и социуму в целом. Культурная жизнь общества включает в себя историко-культурное наследие прошлого, существующее в обеих формах

ценностей, которые традиционно являются предметом повышенного общественного интереса, т.к. привлекают внимание как средоточие творческого потенциала человечества, незаменимая часть мироздания, которая содержится в основе культурного разнообразия. Их ценность повышается фактором эксклюзивности, темпоральной дифференциации и принадлежностью к определённому обществу или социальной группе.

Чтобы проследить историческую ретроспективу становления понятия «культурные ценности», необходимо рассмотреть эволюцию представления о феномене «ценность», начиная с эпохи развития античной философии в лице ведущих мыслителей, которые отождествляли ценности с самим бытием, а ценностные характеристики включали в его понятие.

Например, Сократ рациональное обоснование религиозно-нравственного мировоззрения, познание же природы, натурфилософию считал ненужным и безбожным делом считал главной задачей философии. Он был принципиальным врагом изучения природы. Активность человеческого разума в этом направлении философ считал безбожеством. Также Сократ считал, что мир есть творение великого и всемогущего «божества». Нужны гадания, а не научные исследования, чтобы получить указания богов относительно их воли. Он следовал указаниям дельфийского оракула и советовал делать это своим ученикам [14].

Демокрит же принял горячее участие в споре о достоинстве человека — о ценностях, т.е. о том, что для индивидуума наиболее важно, как и во имя чего он должен жить. Философа волновали вечные вопросы, например, существуют ли принципы, которые можно назвать самыми высокими нравственными основаниями жизни, а если существуют, то в чём они состоят. Демокрит стремился отстоять собственную социальную позицию в том мире, где существуют самые разные устремления, взгляды, интересы, позицию мудреца, который живёт не только мудростью, идеалами и интеллектуальными заботами. При этом он твёрдо и чётко различал, разделял и противопоставлял телесные блага, удовольствия и душевное благо, которое считал божественным: «Не телесные силы и не деньги делают людей счастливыми, но правота и многосторонняя мудрость... Телесная красота человека — есть нечто скотоподобное, если под ней не скрывается ум» [10]. Демокрит акцентировал внимание на то, что подлинная добродетель в поступках должна быть противопоставлена речам о добродетели, поэтому «должно приучать себя к добродетельным делам и поступкам, а не к речам о добродетели... Истинный благодетель не тот, кто имеет в виду отплату, а тот, кто хочет делать добро... Должно стыдиться самого себя столько же, как и других людей... В каждой душе должен быть начертан

закон: Не делай ничего непристойного!» [10]. В принципе, данное изречение явилось клирономической предтечей постулата реставратора — «не навреди».

Платон развил эти идеи, формируя протоклирономическое мировоззрение общества. Творец-Демиург создаёт этот феноменальный мир, беря за образец мир идей. На вопрос «Для чего Бог создаёт мир?» Платон отвечает, что Бог благостен и поэтому он захотел, чтобы всё в мире стало похожим на него, то есть благими, что вещи должны стремиться к Благу, насколько это в их силах, так как это состояние наиболее совершенно и, следовательно, обладает высшей ценностью [9]. По Платону такие высшие нравственные ценности, как добро, справедливость, честность, добродетель, прекрасное находятся в мире идей и обладают подлинным идеальным существованием, а человек, чтобы приобщиться к миру идей, должен отрешиться от физического, материального, несовершенного мира, посредством совершенствования своей души с помощью знаний и мудрости [2]. Следовательно, философ высшей ценностью объявил Благо и мир идей, в который попадает душа после смерти, если стремится стать совершенной и благой.

Свой вклад в формирование ценностного подхода к окружающему человека миру внёс и Протагор. Согласно ему, «человек является мерой всех вещей, существующих, как они существуют, и не существующих, как они не существуют» [1]. Тезис Протагора, что «человек есть мера всех вещей», может быть истолкован как эпистемологическое положение, а именно: вещи не обнаруживают себя перед людьми такими, какими они являются сами по себе. Перед человеком предстают всегда только определённые стороны или свойства вещей. Его тезис следует понимать так, что человек есть мера всех вещей постольку, поскольку вещи всегда предстают перед людьми той стороной, которая определяется обстоятельствами и конкретным способом их использования. Этот взгляд на вещи приводит к эпистемологическому перспективизму, согласно которому наше знание вещей всегда обусловлено перспективой их рассмотрения. Один из фрагментов его трудов указывает, что философ стремился расширить перспективизм за пределы восприятия вещей, чтобы включить в него и теоретические рассуждения: «О всякой вещи есть два мнения, противоположных друг другу» [1]. Следовательно, Протагор уже усматривал в понимании «ценности» глубокие различия самих людей по их социальному положению и профессиональной принадлежности. Это в дальнейшем сыграло важную роль в формировании клирономического мировоззрения общества, т.к. человек определяет свойства и ценность того или иного объекта или предмета индивидуально. Чтобы индивидуальный взгляд стал коллективно осознанным, необходимо было определённое начальное клирономическое образование, которое бы

способствовало коллективному определению ценности историко-культурного наследия.

Аристотель в «Никомаховой этике» и «Политике» пошёл дальше и проанализировал проблемы морали, указав, что «люди образуют понятия блага и блаженства сообразно с жизнью, которую они ведут». Философ первым разрабатывал категории блага, добродетели и счастья как ценностей. Он исследовал основные понятия этики, определил критерии нравственной оценки и создал классификацию добродетелей и пороков. Под добродетелями Аристотель понимал такие качества личности, которые в процессе своей реализации способствуют осуществлению добра и справедливости [7]. Следовательно, применительно к восприятию и пониманию историко-культурного наследия Аристотель очертил глубинные элементы морального облика человека, которые по своей сути определяют взгляды на окружающие объекты и предметы, дифференцируя их по неким уровням ценности. Если объект или предмет ценен, то он будет сохраняться человеком, оберегаться, чиниться, восстанавливаться до тех пор, пока его предназначение не станет бесполезным.

Также «ценность» в современном понимании связана с понятием «прекрасного». Для Платона и Аристотеля понятие прекрасного было тесно связано с понятием «калокагатия», что понимается как «прекрасное-и-доброе», т.е. это — красота души и тела [8]. Таким образом, в эпоху античности понятия добра и красоты были тесно взаимосвязаны: красота без нравственного начала не восхищала древних философов, так как она быстро увядала и не была подкреплена изнутри. Плотин в своих трактатах о прекрасном — «О прекрасном» и «О мысленной красоте» представил красоту как пронизывающую собой весь мир, видимый и невидимый, являясь высшим проявлением бытия [17]. Следовательно, что чем подлиннее бытие, тем более высокая степень красоты ему присуща. В русле своей эманационной теории он разработал затем иерархию прекрасного. Следовательно, чтобы сформировать у индивидуума как представителя общества корректное клирономическое мировоззрение, необходимо сперва правильно обучить его понятию красоты и эстетики.

Применительно к объектам и предметам искусства и культуры «ценность» определяется только как категория постоянная, континуальная. Соответственно, ценным такие объекты становятся навсегда, их сохранение и восстановление переходят в разряд благих намерений как отдельно взятого индивидуума общества, так и социума в целом.

В Средние века понятие «ценности» связывалось с божественной сущностью. В ту эпоху природа уже не рас-

сматривалась как нечто самостоятельное, поскольку над всем стоит Бог, которому подвластно сотворение природы и чудес. Внимание сконцентрировалось на изучении и познании Бога и человеческой души. Такая ситуация понимания природы несколько поменялась в позднем Средневековье, но и тогда природа ещё пока воспринималась только как совокупность символических образов [13]. На протяжении Средневековья формировалась сакральность истории бытия. Возник интерес к истории человечества. Это постепенно привело к анализу памяти, т.е. антропологической способности, составляющей основу исторического знания. Время стало достоянием человеческой души, строение которой создаёт условие возможности времени.

Следовательно, в эпоху Средневековья, не смотря на смещение акцентов в сторону религиозного восприятия ценности и красоты, клирономические идеи глубинно сохранились в своём содержании, что послужило в дальнейшем возвращению социума к чувству прекрасного и пониманию его сохранения.

В эпоху Возрождения на первый план выдвинулись ценности гуманизма. Однако понятие «ценность» пока ещё не получило значения философской категории. В данный период искусство приобрело огромную значимость. В результате, возник культ человека-творца. Сакральный характер стал переноситься на творческую деятельность человека. Николай Кузанский подчёркивал познавательную мощь человека («человек есть его ум»), уподобляя творческие способности божественным [16]. Леонардо да Винчи, создавая свои творения, формировал на протяжении всей своей профессиональной деятельности понятие «ценности» [3]. Он неслучайно говорил, что живопись является поэзией, а поэзия — живописью. Леонардо активно пользовался опытом предшественников, тем самым заложив духовные основы клирономии в виде преемственности «ценностей».

В Новое время развитие науки и новых общественных отношений во многом определило основной подход к рассмотрению предметов и явлений как ценностей. Френсис Бэкон пришёл к выводу о том, что Бог не запрещал познание природы. Наоборот, он дал человеку ум, который жаждет познания Вселенной. Люди только должны понять, что существуют два рода познания: познание добра и зла и познание сотворённых Богом вещей. Познавать сотворённые вещи человек должен с помощью своего ума, а препятствиями на пути познания являются четыре «призрака» — рода, пещеры, площади и театра [15]. Практически, по Ф. Бэкону, именно познание формирует понятие «ценности». Преодолевая «призраков», человек способен познать сущность «сотворённых Богом вещей», в том числе и рук человеческих, т.к. человек есть творение божие.

Дэвид Юм занимал двойственную позицию в вопросе об «объективности» ценности: с одной стороны, он утверждал, что сами по себе объекты лишены всякого достоинства и «свою ценность они извлекают только из аффекта», что красота и ценность полностью соотносительны с возможностью вызывать «приятное чувство» у субъекта; с другой — что у объектов есть «собственная ценность», существует «ценное само по себе» [12]. Вклад Юма в осмысление понятия ценности можно считать самым значительным в этой области рефлексии за весь до-кантовский период. Недостатком рассуждений Юма было его понимание ценного как «естественного», «природного», которое не позволяло понять в чём именно ценность этого ценного.

В трудах И. Канта «Основоположение к метафизике нравов» (1785 г.), «Критика практического разума» (1788 г.), «Критика способности суждения» (1790 г.) нравственная ценность уже определяет ценность человеческой индивидуальности, весь мир существует ради ценности личности. Следовательно, понятие ценностей в сочинениях философа обрело принципиально новые измерения. Вслед за ним представители баденской

школы неокантианства В. Виндельбанд [11] и Г. Риккерт [6] объявили понятие «ценность» главным предметом философии, а представители феноменологического направления М. Шелер и Н. Гартман абсолютизировали и обосновали теологическое учение о ценностях [5; 4].

Таким образом, философская мысль сыграла большую роль в формировании осмысления ценности историко-культурного наследия. Эволюция общественного клирономического мировоззрения с эпохи Античности до Нового времени показала актуальность сохранения человеком историко-культурного наследия для развития цивилизации. В эпоху Средневековья акценты ценности, созданного обществом блага были заменены на ценность божественного творения. Однако эта философская трансформация мысли стала, в конечном счёте, важным дополнением в дальнейшем развитии клирономической мысли, позволившей ведущим философам XVI–XIX вв. эволюционно прийти к исключительной важности понятия «ценности» для человека, в том числе материального и нематериального (духовного) историко-культурного наследия как результата деятельности общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология мировой философии. В четырёх томах. — М.: Мысль, 1969. — Т. 1. Часть 1. Перевод фрагмента А. Маковельского.
2. Виц Б. Б. Демокрит. — М.: Мысль, 1979. — 212 с.
3. Вольнский А. Л. Жизнь Леонардо да Винчи. — М.: Алгоритм, 1997. — 525 с.
4. Горнштейн Т. Н. Философия Николая Гартмана. (Критический анализ основных проблем онтологии). — Л.: Наука, 1969. — 278 с.
5. Григорьян Б. Т. Макс Шелер // Философы двадцатого века. — М., 1999. — 263 с. — С. 229–246.
6. Куприянов В. А. Реабилитация телеологии в философии баденского неокантианства // Философия и культура. — 2017. — № 11. — С. 54–68.
7. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Аристотель: Жизнь и смысл. — М.: Детская литература, 1982. — 286 с.
8. Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. — М., 1965. — 376 с.
9. Лурье С. Я. Демокрит: Тексты, перевод, исследования. — Л.: Наука, 1970. — 664 с.
10. Маковельский А. О. Древнегреческие атомисты. — Баку, 1946. — 212 с.
11. Михайлов И. А. Виндельбанд // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мысль, 2010.
12. Нарский И. С. Философия Давида Юма. — М.: Изд-во МГУ, 1967. — 358 с.
13. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: Средневековье (от Библиейского послания до Макиавели). — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1995. — 368 с.
14. Сократ, Платон, Аристотель, Сенека. Жизнь замечательных людей, биографическая библиотека Ф. Павленкова. — М.: Издательство «Республика», 2010. — 568 с.
15. Субботин А. Л. Фрэнсис Бэкон. — М.: Мысль, 1974. — 175 с.
16. Тажуригина З. А. Философия Николая Кузанского / Под ред. В. В. Соколова. — Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 152 с.
17. Шичалин Ю. А. Плотин. // Античная философия: Энциклопедический словарь. — М.: Прогресс-Традиция, 2008. — 896 с. — С. 578–589.

© Буйчик Александр Геннадьевич (info@buychik.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА. АПОФАТИЧЕСКОЕ В ПОЭМЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ «ЦАРЬ-ДЕВИЦА» И НЕКОТОРЫЕ ВОСТОЧНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

PHILOSOPHY OF LANGUAGE LITERARY
TEXT. APOPHATIC IN THE POEM OF
MARINA TSVETAeva «TSAREVNA» AND
SOME EASTERN CULTURAL PARALLELS

*M. Dudareva
V. Nikitina*

Summary. The article raises the issues of folklore Tsvetaeva and much attention is paid to the apophatic moments in the text. The object of the research is the poem-fairy tale «King-Maiden», the imagery of which is associated with folk aesthetics. Many metaphors, dark apophatic places in the text can be decoded only through the language of myth and folklore. Parallels with Eastern cultural literature (Japanese, Chinese) tradition allow a deeper understanding of the images of Stepmother, the tsarevna.

Keywords: language, idiostyle, philosophy, eidology, Tsvetaeva, myth, folklore.

Дударева Марианна Андреевна

*К.филол.н., старший преподаватель Российский университет дружбы народов
marianna.galieva@yandex.ru*

Никитина Влада Валерьевна

*К.филол.н., доцент, Российский университет дружбы народов
start@rudn.ru*

Аннотация. В статье поднимаются вопросы фольклоризма Цветаевой и большое внимание уделяется апофатическим моментам в тексте. Объектом исследования выступает поэма-сказка «Царь-Девница», образность которой связана с фольклорной эстетикой. Многие метафоры, темные апофатические места в тексте возможно раскодировать только через язык мифа и фольклора. Параллели с восточной культурной литературной (японской, китайской) традицией позволяют глубже понять образы Мачехи, Царь-Девницы.

Ключевые слова: язык, идиостиль, философия, эйдология, Цветаева, миф, фольклор.

Марина Цветаева, по тонкому замечанию С.Г. Бочарова, «ни во что не входила, ни с кем не сгруппировывалась, не связывала свой путь с каким-либо философским направлением» [4, с. 416]. Однако это наблюдение крупного литературоведа вовсе не мешает, например, выявить особую философию языка поэта, а ведь художественное естество Цветаевой можно понять во многом через язык, систему тире, за которой проглядывает онтологический план, апофатические моменты текста. Кроме того, именно на цветаевское тире обратил внимание теоретик В.П. Раков, писавший о мёне и апофатическом в литературе [20]. Именно к этой проблеме апофатического в языке, идиостиле Цветаевой обращаемся в данной статье, объектом которой является поэма-сказка «Царь-Девница».

В поэме ярко выражено фольклорное начало и проявилось оно на разных уровнях текста. Здесь учитываем то, что «цветаевский фольклор — особый: это индивидуальная лирика, заговорившая голосом, словами и образами народного искусства» [17, с. 18]. В этом произведении поэт не следует за какой-то одной культурной традицией, в поэме происходит синтез архаических пластов, мифологий разных культур. Исследователи «фольклоризма» Цветаевой обычно ориентируются на русскую традицию, хотя, стоит отметить, работ данной

проблематики мало, о «Царь-Девнице» существует несколько статей, посвященных народному началу в поэме [21–23]. Анализируя поэму, мы будем исходить не только из русской былинной традиции, которую поэтесса хорошо знала [22, с. 93], но и в целом из комплекса архетипов, фольклорных формул русского *космо-психо-логоса*. Лингвисты, занимающиеся проблемами апофатического в русском языке обращаются к устному народному творчеству, к особому пласту лексики с приставкой не и отглагольному отрицанию [15]. Таким образом, апофатическое в русской литературе может быть сопряжено с фольклорным началом, с фольклорной эстетикой, так как в разных жанрах фольклора (волшебная сказка, шестипестельная загадка, заговорная поэтика) наблюдаем *необъяснимое* с точки зрения бытовой логики.

Рискнем обратиться не только к русской традиции, но и к восточной мифологии и культуре, которые также были актуальны для поэтов серебряного века. Русский эпос близок к эпическим сказаниям востока [11, с. 11]. Рассмотрим поэму в дальнем культурном контексте, китайской и японской мифологии.

Обращаясь к японским преданиям о богатырях и самураях, мы находим в них героя, свойственного русскому эпосу. Так, юноша Есодзи, выбранный судьбой спасти

царство от чумы, оказывается на перепутье трех дорог [2, с. 110]. Число три — известная фольклорная константа, которая предвещает всегда испытания для героев:

*«Куда нам, братцы, ехать будет?
Нам ехать, не ехать во Суздаль-град?»*

.....
Да ехать, не ехать в Чернигов-град?

.....
Нам ехать, не ехать во Киев-град? [3, с. 210]

Богатыри, находящиеся перед выбором, не столько определяют направление движения, сколько решают свою судьбу, так как во Суздале-граде «питья много», в Чернигове-граде — «девки хорошие», а в Киеве-граде нужно оборону держать. Герои выбирают третью дорогу:

*Да Киеву граду на оборону,
Да нам добрым молодцам на выхвальбу* [3, с. 210]

В былинке «Алеша Попович и Тугарин» герой выбирает испытания, инициационный путь. В японской мифологии настоящий культурный герой также проходит инициации, добиваясь своей цели: «Пять раз приходил Есодзи к священному источнику, пока, наконец, его мать не поправилась окончательно» [2, с. 110].

Второй фольклорный элемент, константа — трагический мотив, переодевание героя в *чужие* ему одежды. В японской мифологии находим цикл историй о принце Ямато. Юноша переодевается в дорогое шелковое платье, перевоплощаясь в «застенчивую и робкую девушку» [2, с. 135]. Таким образом, он побеждает врагов и приобщается к *солнечному царству*. В начале своего похода он поклонялся в храме Исэ Аматаэрасу, Богине Солнца. В этом цикле мифов мы наблюдаем рост Ямато до настоящего воина, богатыря, который приобретает силы, могущество, славу не только благодаря своим личным качествам (хотя у него их много), но и покровительству женщины (его тетя — жрица в храме) и Богине Солнца. У М. Цветаевой «младенчик» также одарен солнцем:

*Тебе в игрушки-погремушки
Я само солнце подарю!* [24, с. 251]

Чистую любовь и сильного солнечного героя, который следует своему инициационному пути (Дзэн), мы найдем и в китайской литературе. Обратим внимание на коан, «историю Сюнкай» [13, с. 34] — о девушке, верно следующей пути прозрения, хотя в монастырях было запрещено обучаться женщинам. В ее жизни было много трудностей (изгнание из монастыря, клевета, тюрьма, смерть в молодости). Она, как и цветаяевская Царь-Девушка, как и мачеха, крепка духом, верна своей цели:

*“Дай подушечку поправлю!”
— Я сам примощусь! —
“Как же так тебя оставлю?”
— Я и сам обойдусь! —* [24, с. 191]

Если, в русском фольклоре, в русской культуре свойственно гиперболизировать качества героев (наверное, это вообще черта русской природы), как положительные, так и отрицательные, то в Дзэне человек показан в «золотой середине». Уравновешенная натура не знает ни добра, ни зла — принцип инь и ян, принцип Дао. Эти героини типологически сопоставимы в своем эстетическом образе, несущем главную смысловую нагрузку в произведении. Сюнкай из-за любви поджигает монастырь, а мачеха идет к колдуну с той целью, чтобы получить любовное средство. Старик ее отговаривает, но она настаивает на своем:

*Не наестся кровью
Ревности игла!* [24, с. 250]

Здесь вспомним слова Вольтера: «Из всех народов мира китайцы написали больше всех, чтобы сказать меньше всех» [18, с. 159]. Цветаева именно через поэму-сказку передает глубокие древние истины, которые сокрыты за метафорой. Обращаясь к китайской поэзии Жуань Цзи, к его картинам природы, душевному состоянию лирического героя, мы можем провести параллель с поэзией Цветаевой, лирическая героиня которой говорит «китайским языком»:

*Это — детская наука,
Я китайской обучена.* [24, с. 218]

В стихотворении китайского поэта выражение чувств героя происходит посредством языка природы:

*Час полночный,
Но я не в силах уснуть.
.....
Свежий ветер
Развеивает мои одежды...* [12, с. 169]

У Цветаевой нарисована такая же картина, с теми же составляющими — «свежий ветер», «шелковые одежды», «пустынный простор» (в поэме морская гладь). Если Жуань Цзи укладывает действие в восемь строф, что свойственно для восточной культуры и литературы, — в малой форме воплощен глубокий смысл (хокку, восточные арабески, джатаки), то Цветаева берет это за основу и «растягивает» в пространстве, что свойственно для русской традиции:

*А ветер — шелка горячие
Как парусом разворачивает.* [24, с. 224]

.....
Эх мы, сосны-чернолесье!
 — Ни денек тебе, ни ночька,
 Ни заря тебе, ни месяц. [24, с. 206]

Интересна фраза «ни заря тебе, ни месяц», отсылающая нас к двойному отрицанию, значит, и к мифологеме *вневременности*, сосуществования дня и ночи, света и тьмы одновременно. Такое пограничное апофатическое состояние мы найдем почти в каждой культурной религиозной традиции [5] и в русском фольклоре, в лирической песне, где действие происходит на заре.

Третий образ, характерный для восточных и русских мифов, образ «небесной девы», с которой можно встретиться только во сне. В поэме, заметим, царевич спит. Именно сном и начинаются основные действия в произведении, через «сон» мы можем глубже понять образ мачехи.

*Спит Царевич, распростерся,
 Спит, не слышит ничего,* [24, с. 190]

Мачеха, на первый взгляд разрушитель, губитель души, но тем самым она, приводя царевича в сонное состояние, создает, освящает мир. Космические сотворения и разрушения сменяют друг друга *ad infinitum* [25, с. 71]. Заметим, что сонная иголка воткнута в шею — можно поставить вопрос о трансформированном мотиве *отрубленной головы*. Только после отсечения головы наступает *возрождение* в новом качестве. Поэтому в поэме, как бы случайно, возникает символ меча:

*То не меч честной
 Мечу держит речь,
 То булава-сон
 Промеж хилых плеч,* [24, с. 259]

И в то же время Царь-Девушка своим женихом называет меч:

*Мой жених — мой меч пресветлый,
 Меч мой сабельный, веселый:* [24, с. 200]

В дзэне есть священный меч, который является не орудием убийства, а символом просвещения мира, он связан с вечной жизнью, зарождением энергии [14, с. 45]. Мой жених/мой муж — в принципе одно и то же — женщина символизирует демиургическое начало. Белая Богиня могла стать как матерью, так и женой («речь идет о коронации ирландского короля в Тирконелле, перед которой он как бы символически родится от белой кобылы» [9, с. 495]).

Однако все-таки зачем мачеха мешает Царь-девице и царевичу? Конечно, это можно объяснить исключительно с бытовой точки зрения, что и делают некоторые

исследователи: «Мачеха Царевича, чтобы помешать его любви с Царь-Девушкой, оборачивается ведьмой» [1, с. 26]. Однако тогда складывается противоречие — Мачеха относится к Царевичу как к сыну:

— Я сын тебе, а ты мне — мать.
Взошел я ветром подышать, [24, с. 223]

Сама Цветаева кодирует образ Мачехи, которая является объединяющей семьей между влюбленными. Она создает между Царь-Девушкой и царевичем как бы вакуум, чтобы Эрос стал *космическим*. Вспомним пушкинскую Татьяну, которая «любила на расстоянии», потом этот космический образ нашел себя в поэтике Ф.М. Достоевского. Настасья Филипповна отказывается от замужества с князем Мышкиным, так как подлинная *космическая любовь* не допускает этого [8, с. 164]. Таким образом, в цветаевской поэме-сказке воспроизводится архаическая форма *сватовства*.

Поэт обращается не к поздним фольклорным традициям, а поднимает ранние пласты культуры: «Мифопоэтическое начало может проявляться на разных уровнях текста» [16, с. 300]. На имплицитном уровне Цветаева показывает *небесный брак*, где герои, прежде чем вступить в союз, должны были пройти брачные *состязания* — «борьба происходит между женихом и самой невестой». Этот вариант связан с образом богатырской девицы — поленницы удалые, амазонки, девы-воительницы, валькирии [10, с. 265]. Мачеха «ростит» младенчика, чтобы он вступил в *бой* с Царь-Девушкой, то есть в брак:

*Чтоб Деву-Царь согнул кольцом —
 Младенчика крецу!»* [24, с. 212]
*Но для этого он должен впасть в сон:
 Водой плещет, поливает,
 А он спит.*

.....
Ты Царь мой будешь — Сонный! [24, с. 260]

Вспомним историю о правителе древнего царства Чу Сянван, который встретил во сне «божественную женщину и вступил с ней в любовную связь, гуляя по горе высокой Тан» [7, с. 358–359]. Поэтому, чтобы встреча осуществилась юноша должен спать, а это достигается с помощью укола булавкой:

*То булава-сон
 Промеж хилых плеч,
 То острожник двух рук ревнивых
 Женской мстью сражен в загривок.* [24, с. 259]

В одном из своих ранних стихотворений поэт так же говорит о *сновторчестве*, которое позволяет выйти за пределы бытового профанного:

*Освободите от дневных уз
Друзья, поймите, что я вам снюсь.* [24, с. 282]

Какие бы *ситуации* в поэме мы не рассматривали, все они объединены методом «пяти искусств», то есть действие всегда разворачивается на фоне природы. В даосских «Пяти искусствах» основными элементами являются «Небо, Земля, Человек, инь, ян, стихии воды, дерева, огня, земли и металла» [6, с. 148]. В поэме, безусловно, есть все элементы, но доминируют Небо и Земля — принцип инь и ян:

*Через всё небо — вкось
Красные письма.
Первый глухой удар
Грома далекого.* [24, с. 261]

Таким образом, происходит *рождение* богатыря (можно говорить о космогоническом мифе). В былине «Рождение богатыря» герой появляется на свет и вызывает «вселенское потрясение»:

*Заслышал Скимен-зверь невзгодушку:
Уж как на небе родился светел месяц,
На земле-то народился могуч богатырь.* [3, с. 28]

Это действие сопровождается громом и молнией также у Цветаевой:

Ребенок, здесь спящий, [24, с. 259]
.....
Мой — в гробе и в громе! [24, с. 260]

В этом ритуальном контексте вернемся к нашему предыдущему выводу — Мачеха говорит и желает о том, чтобы «младенчик» (богатырь) смог одолеть Царь-девицу:

*Чтоб цельный полк поклат перстом,
Чтоб первый гром пред ним ползком,
Чтоб Деву-Царь согнул кольцом —
Младенчика крещу!»* [24, с. 212]

Напомним, что громовержец в мифологической традиции рубит дерево, в которое оборачивается змей, в то время как женщины могут превращаться в дерево, птицу, рыбу, звезду [19]. Таким образом, героиня народной лирики позиционируется с «центром мифологического мира»:

*Ветер — воды — огонь — земля,
Эта спящая кровь — моя!* [24, с. 259]

Лао-Цзы в своей книге писал: «Дао рождает одно, одно рождает два, два рождает три, три рождает всю тьму вещей» [6, с. 148]. Носителем такого высшего амбивалентного знания в «Царь-девице» является и Царь-девица, и мачеха — они одно целое, они неотделимы друг от друга. Цветаева показывает динамику образа. Уместным также будет поставить вопрос о количестве действующих лиц в произведении. Исследователи обращаются в основном только к образу Мачехи, но ее нельзя отделять от образа Царь-Девы. «Каждое человеческое тело — одновременно мужчина и женщина» [8, с. 48]. Поэт задает хитрый вопрос читателю:

— *Гляжу, гляжу, и невдомек:
Девуца — где, и где дружок?* [24, с. 210]

В поэме представлена эйдология любви, космического Эроса. В литературоведении сложилось мнение о том, что «Царь-Девуца» — поэма об одиночестве в любви. Однако в поэме представлено «течение любви», Эроса в мире, во Вселенной, когда он только еще зарождается, так как Эрос — великий прародитель всего сущего [8, с. 63]. Таким образом, нам открывается апофатичность поэтики Цветаевой, которая проявляется не только через пунктуационные особенности текста, систему тире, но и через фольклорную образность, формулы и архетипические построения, связанные с мифологемой вневременности, перехода от ночи к утру. Образность поэмы раскрывается в неразрывной связи с фольклорной образностью, а типологии с восточной культурной традицией помогают глубже понять фольклорные константы в поэме-сказке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмик Аветян. Фольклорные мотивы в творчестве М. Цветаевой 1910–1920-х гг. // Проблемы современной филологии ЕЛГУ им. В. Я. Брюсова. 2007. Вып. 6.
2. Богатыри и самураи // Японская мифология: энциклопедия. М.; СПб., 2007. [Далее тексты японских мифов цитируются по названному изданию с указанием страницы].
3. Былины / Сост. Ф. М. Селиванов. М., 1988. [Далее тексты былин цитируются по названному изданию с указанием страницы].
4. Бочаров С. Г. Двадцатый век // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999.
5. Брагинская Н. В., Шмаина-Великанова А. И. Свет вечерний и свет невечерний // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. С. 73–92.
6. Восхождение к Дао: вне времени и пространства / Сост. В. В. Малявин. М., 1997.
7. Вэй Юн. Книга женских прелестей // Молния в сердце. Духовное пробуждение в китайской традиции. М., 1997.

8. Гачев Г. Д. Культ Татьяны // Русский эрос. «Роман мысли с жизнью». М., 1994.
9. Грейвс Р. Тройственная муза // Грейвс Р. Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии. Екатеринбург, 2007.
10. Жирмунский В. М. Героическое сватовство // Жирмунский В. М. Тюрский героический эпос. Л., 1974.
11. Жирмунский В. М. Литературные отношения Востока и Запада и развитие эпоса // Жирмунский В. М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.; Л., 1962.
12. Избранные стихотворения Жуань Цзи // Книга прозрений: восточные арабески / Сост. В. В. Малявин. М., 1997.
13. История Сюнкай // Плоть и кость Дзэн / Пер. с англ. В. И. Нелина. Калининград, 1992.
14. Коваль С. Н., Холин Ю. Е. Мастера дзэн // Коваль С. Н., Холин Ю. Е. Дух воина. Краснодар, 1993.
15. Михайлова М. Ю. Художественная апофатика русского фольклора // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 2. С. 472–476.
16. Осипова О. Н. Исследовательские возможности современного мифопоэтического подхода к анализу русской поэзии XX века // Литературоведение на пороге XXI века. М., 1998.
17. Павловский А. И. Куст рябины. Л., 1989.
18. Поэт и культура // Книга прозрений: восточные арабески / Сост. В. В. Малявин. М., 1997.
19. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994.
20. Раков В. П. Меон и стиль. Монография. Иваново; Шуя: Шуяский государственный педагогический университет; Центр кризисологических исследований, 2010.
21. Саушкина А. И., Рамазанова М. Л., Божкова Г. Н. Пороки и недуги в поэме М. И. Цветаевой «Царь-девица» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76). Ч. 1. С. 51–54.
22. Сухова А. В. Ритуально–мифологическая архетипика образа Царь–Девицы в одноименной поэме М. Цветаевой // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвузовский сборник научных трудов. Иваново, 1998 Вып. 3.
23. Титова Е. В. Жанровая типология поэм М. И. Цветаевой: Дисс. . . канд. филол. наук. Вологда, 1997.
24. Цветаева М. И. Царь-Девица // Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 3. [Далее текст поэмы Цветаевой цитируется по названному изданию с указанием страницы].
25. Элиаде М. Священная история, история, историзм // Элиаде Мирча Священное и мирское / Пер. с фр. яз. Н. К. Гарбовского. М., 1994.

© Дударева Марианна Андреевна (marianna.galieva@yandex.ru), Никитина Влада Валерьевна (start@rudn.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

ПРОБЛЕМА «СЛОН-МУХА» В ФИЛОСОФИИ

THE «ELEPHANT-FLY'S» PROBLEM IN THE PHILOSOPHY

S. Zaynudinov

Summary. The article analyzes the history and sources of some phenomena that are associated with the concept of “beginning” in philosophy, and in modern philosophy are still unresolved problems. Indicated that causes of changes of the choosing of «beginning» of the universe in the philosophy are the discrepancies in the explanations of philosophers based on the “beginning” of the processes of the Universe and the emergence of the Universe from the real processes of the Universe that led to the transformation of until now existed human in “tech” person. It is warned that the attitude of some philosophical currents to the problems of philosophy create insurmountable obstacles to the elimination of processes that contradict the processes of the Universe and the Universe itself, and can cause the death and disappearance of mankind.

Keywords: earth, water, air, fire, “technological” man, Universe, beginning, human (conversational) mind.

Зайнудинов Сафар Зайнудинович

К.т.н., доцент, Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева
pol123987@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы история возникновения и источники некоторых явлений, которые связаны с понятием «начала» в философии, и в современной философии являются до сих пор нерешенными проблемами. Указывается, что причинами изменения выбора «начал» в философии являются несоответствия объяснений на основе «начал» философами процессов Мироздания и возникновение Мироздания с реальными процессами Мироздания, что привело к превращению до сих пор существовавшего человека в «технологического» человека. Делается предупреждение, что отношение некоторых философских течений к проблемам философии создают непреодолимые преграды для устранения процессов, которые противоречат процессам Мироздания и самому Мироздания, и могут стать причиной гибели и исчезновения человечества.

Ключевые слова: земля, вода, воздух, огонь, «технологический» человек, Мироздание, начало, человеческий (разговорный) разум.

В 2015 году в журнале «Философия науки и техники» [12, с. 5–48] был размещен отчет с материалами круглого стола с названием «Наука. Технология. Человек», где опубликовались результаты обсуждения проблем, «связанные с изменением места науки и техники в современном обществе и с необходимостью нового осмысления самого характера научного знания и этических и когнитивных норм научной деятельности» [12, с. 5]. На основе научных фактов сделан вывод о том, что «Оказывается, что человек (по крайней мере, в том виде, в котором он до сих пор существовал) может исчезнуть не потому, что не развивались науки о человеке, а как раз в результате этого развития, а точнее — в результате такого использования результатов этих наук», возможна «трансформация человека по-разному», и даже применяется новое название для нового человека — «пост-человек» [12, с. 9]. Другими словами, подтверждается факт «уничтожения» до сих пор существовавшего человека и превращение его в «другого» — «технологического» человека. И это явление продолжает развиваться, не предотвращается ни философами, ни политиками, ни государством, и реализуется ускоренными темпами.

Результат превращения до сих пор существовавшего человека в «технологического» человека, с точки зрения современного естествознания, указывает на следующие изменения: 1) мозг человека начал терять свое свойство

«мыслить», поскольку функцию своего мозга «мыслить» человек передал вычислительной машине. Такой, с позволения сказать «обмен», приведет к «отключению» некоторых способностей мозга ощущать себя частицей природы и окружающего естественного мира, и на их основе действовать, что равнозначно утверждению: начался выход человека из человеческого рода (вида) и его вход в другой род (вид) животного, поскольку именно «мышление» есть главное отличие человека от животных; 2) кожа человека перестала быть приемником естественных сигналов от окружающего мира, или, другими словами, началось уменьшение способности кожи человека ощущать или осязать природный источник сигналов. Это утверждение связано, в том числе, с первым утверждением: ведь сигналы передаются мозгом органам тела посредством нейронов для обнаружения и действия, а мозг неспособен передавать сигналы, которые соответствовали бы свойствам передаваемых сигналов от естественного источника информации и привели бы к соответствующим обратным действиям органов тела человека; 3) вкус человека чаще настроен на искусственную пищу, чем на естественную пищу. Это утверждение связано с первым и вторым утверждениями: мозг приспособляется принимать команды от искусственных машин, а искусственная пища приготавливается на основе цифровой информации от этих же машин. Поскольку команда о выборе пищи дается приспособленный к искусственной пище мозгом, то мозг дает соответству-

ющую команду, т.е. на выбор искусственной пищи; 4) вышеописанные изменения приведут к тому, что «форма» тела человека частично, а затем и полностью потеряет человеческие движения, которые свойственны только «форме» тела человека. Забегая вперед, отметим, что реализация проблемы «слон-муха» приведет, отчасти, именно к таким изменениям «формы» тела человека.

Превращение до сих пор существовавшего человека в «технологического» человека с точки зрения философии означает:

- 1) поскольку **только** человек обладает «человеческим разумом» (разговорным разумом), то и только человек способен **создавать мысленно общее из частного**; если человек не способен **создавать мысленно общее из частного**, то «такой» человек уже не есть до сих пор существовавший человек: он есть «уничтоженный» или «технологический» человек.
- 2) поскольку **только** человек обладает «человеческим разумом» (разговорным разумом), то и только человек достигает свою цель **через познания области общего разума**; если он не умеет достигать свою цель через познания области общего разума, то «такой» человек уже не есть до сих пор существовавший человек: он есть «уничтоженный» или «технологический» человек;
- 3) поскольку **только** человек обладает «человеческим разумом» (разговорным разумом), то и только человек способен к тому, чтобы не только удовлетворял себя, но и чтобы разумом **сохранял рост и род вещей в мире, в том числе, и самый высший род — человеческий род**; если он не способен к тому, чтобы не только удовлетворял себя, но и чтобы разумом **сохранял рост и род вещей в мире, в том числе, и самый высший род — человеческий род**, то «такой» человек уже не есть до сих пор существовавший человек: он есть «уничтоженный» или «технологический» человек;
- 4) поскольку **только** человек обладает «человеческим разумом» (разговорным разумом), то и только человек способен **организовать производство** (диллерство, ритейлерство, купля-продажа и другие посреднические действия между производством и потреблением не являются производством) **и совершенствовать его посредством изучения (труда)**; если он не способен организовать производство и совершенствовать его посредством изучения (труда), то «такой» человек уже не есть до сих пор существовавший человек: он есть «уничтоженный» или «технологический» че-

ловек; Например, если человек не способен понять, что рабство человека человеку не есть производство, то такой человек является «уничтоженным» или «технологическим» человеком;

- 5) поскольку **только** человек обладает «человеческим разумом» (разговорным разумом), то и только человек способен **уменьшить зло, не допустить, чтобы зло побеждало добро, в том числе, не допустить, чтобы злые люди победили добрых людей**; если он не способен **уменьшить зло, не допустить, чтобы зло побеждало добро, в том числе, не допустить, чтобы злые люди победили добрых людей**, то «такой» человек уже не есть до сих пор существовавший человек: он есть «уничтоженный» или «технологический» человек; Например, если человек не способен понять, что главным противоречием в обществе является присвоение себе природных сотворённых материальных и нематериальных вещей и не стремится к устранению этого противоречия, то такой человек является «уничтоженным» или «технологическим» человеком;

Эти факты указывают на изменения видовых и родовых приводящих свойств (именно на мизодж) человека, которыми отличается человек от других животных; они становятся предпосылками для изменения и сдвига нрава человека, и, следовательно, также сдвига нравственности общества в сторону нрава животного рода; эти изменения содействуют становлению человека как материала для техники и технологии, и как не мыслящего существа в виде раба для работодателя.

Подобное «уничтожение» или «самоуничтожение» и «трансформация» человечества при неправильном использовании науки и его результатов впервые с научными доказательствами четко и недвусмысленно было сформулировано величайшим философом всех времен Ибн Синой (Авиценной) [2; 1], затем основоположниками марксистско-ленинской философии К. Марксом и Ф. Энгельсом [16, с. 126], американским философом М. Хайдеггером [17], русским философом П.К. Энгельмейером [20; 19], западным философом К. Ясперсом [21].

Теория «самоуничтожения» человечества имеет свою историю. Она начинается с древних времен, по некоторым исследованиям, реализовывалась не единожды, и к великому сожалению, реализовывается так же и в наше время. Эта теория указывает на многие причины, которые привели и приведут к уничтожению человечества. Однако среди многих причин, первой причиной является неправильный выбор «основ», «первопричин» или «начал» Мироздания, и затем, дальней-

шие неправильные объяснения философами процессов Мироздания, дальнейшие действия человека на основе этих неправильных понятий, что приведут непременно к гибели человечества. Вследствие обнаруженных несоответствий реальным процессам Мироздания эти «начала» менялись или эволюционировали с течением времени, и в наше время тоже происходит их выбор и их изменения. Это породило теорию «Большого взрыва», которая предлагалась Аристотелем, затем была подхвачена последующими философами, и, она совершенствуется даже в наше время различными теориями [18] и действиями, в том числе, вплоть до повторения «Большого взрыва» путем организации искусственного «Большого взрыва» в различных ускорителях частиц.

Живучесть процесса «Большого взрыва» объясняется следующими двумя факторами: 1) первый фактор: в исследованиях философов «Большой взрыв» считается **источником** всевозможных «основ», из которых возникает Мироздание: для Аристотеля такой «основой» являются четыре первичных элемента; для современной философии «основой» являются все известные из физики частицы, в том числе, электрон, протон, бозон Хиггса, стандартная модель, квантово-полевой мир, вещество [6] и т.д. Этот фактор обязывает объяснить Мироздание на основе законов современного естествознания; 2) второй фактор: этот фактор связан со **всевозможностью**, т.е., с направлением реализации первого фактора. Толчок этому фактору дал впервые Аристотель, который определил цель возникновения вещи в виде формулы «то, ради чего». Поскольку цель «то, ради чего» не подразумевает однозначную связь возникновения вещи из материи (правильнее было бы назвать не «материя», а «масса»), поэтому и появились различные философские теории, стремящиеся объяснить направления возникновения цели «то, ради чего». У Аристотеля эти направления выражены в виде многонаправленности природы, у Гегеля направления цели «то, ради чего» выступают в виде «действия» формы в различные стороны, в современной философии эти направления именуется «самоуправляемые системы» [15], естественное и искусственное, психология мышления [14], символические формы [10] и многое другое, не говоря о том, что каждое философское течение берет за «основу» для своей деятельности свой подходящий объект [13], или вводит новое понятие для своей философии.

«Начала», о которых мы здесь ведем речь, известны всем философам с названиями «земля», «вода», «воздух», «апейрон», «огонь», «четыре первичных элемента», «атом» и т.д. Согласно философским теориям известных философов (они тоже известны всем философам), посредством возникновения и исчезновения именно из них образуется Мироздание. Достаточно много разрозненных информации о «началах» можно найти в про-

изведениях Аристотеля, но представленная классификация и объяснения Авиценны [2, 340–352] обладает более объемную и структурированную информацию о них, позволяет отслеживать эволюцию «начал» в философии, дает возможность глубже осмыслить возникновение проблемы «слон-муха» [4, с. 221] и попытаться её устранить.

Разбирая недостатки направлений [2, 340–352], Авиценна уделял внимание тем свойствам вещей, которые возникают благодаря их делимости [2, с. 157–163], поскольку именно «деление» «начал» всегда присутствует в процессах Мироздания. Исходя с этой точки зрения, он рассматривал следующие вопросы, которые касаются этих явлений и напрямую направлены на решение проблемы «слон-муха»: 1) защищает ли тело непрерывно свою форму не только при приближении и соединении с другим телом; 2) сохраняется ли форма в теле при бесконечном делении и уменьшении или нет, т.е. сохраняется ли форма телесности при бесконечном делении и уменьшении; 3) сохраняют ли тела другие формы в себе при бесконечном делении и уменьшении, например, водные или воздушные формы, или нет [2, с. 210].

С точки зрения современного естествознания постановка вопроса в таком виде означает, что Авиценной исследуются следующие случаи: 1) каков механизм непрерывного сохранения формы в отсутствие внешнего влияния со стороны других тел? 2) каким образом форма защищает себя от разрушения при сближении и соединении с другим телом? 3) сохраняется ли телесная форма при бесконечном делении и уменьшении, т.е., остается ли тело таким, каким было до начала деления и уменьшения? 4) сохраняются ли при разделении энергетические уровни в теле, например, энергетические уровни электронов, ядерные энергетические уровни, гравитационные уровни?

Чтобы ответить на эти вопросы, Авиценна разделял тела на следующие группы и отдельно рассматривал их делимость: 1) простые тела, например, вода, земля, воздух и огонь; 2) тела, приводящие свойства (именно мизодж) которых возникает из этих четырех первичных элементов, например, кости, мясо и т.д.; 3) тела, которые образуются из подобочастных составов, например, животные, которые состоят из костей, мясо и т.д.; 4) тела, которые состоят из кластеров (халит). Он отвечал на вышеприведенные вопросы по мере указания недостатков других течений, особенно, перипатетиков и учения Анаксагора [2, с. 211].

Согласно Ибн Сине (Авиценне), древние перипатетики считали, что при разделении простых тел можно дойти до границы, за которой при дальнейшем разделении форма простого тела не сохраняется, например, вода

не остается водой. Это утверждение относится так же и к другим первичным элементам. Они утверждали свои высказывания тем, что если бы не было так, то каким бы маленьким не предполагали тело, можно было бы найти еще меньшее тело. И если вода, земля, воздух, огонь, кости, мясо и др. способны к этому, тогда есть возможность, что простое тело будет с любым размером, и тела из них могут получиться так же любого размера. Это же относится и к образованию тел из подобочастного состава, например, тело животного из костей, мясо и т.д. Следовательно, согласно теории перипатетиков, появляется возможность возникновения растений и животных с любым размером тела и с любым телом, например, слон в размере мухи, но не наоборот, поскольку мизодж (привходящие свойства) требует меньшего размера частей тела, чем большего,— отмечал Ибн Сина (Авиценна) [2, с. 211].

Затем, Ибн Сина рассматривал возникновение тела из состава, теорию Анаксагора о возникновение вещи на основе смеси кластеров (халит), т.е. совокупности подобных вещей («подобочастных» частиц-семян [3]), и показал, что согласно этим философским направлениям, «слоны в размере кошек не должны быть меньше по числу, чем слоны в размере мух, однако это не наблюдается. Кроме того, как можно назвать тело слоном, размер которого равен размеру тела мухи, разве что только по имени, поскольку слоновые движения не проявляются у мухи» [2, с. 211–213].

Таким образом, проблема «слон-муха», согласно вышеприведенным данным об эволюции «основ», возникает вследствие того, что, первичные элементы при разделении могут терять свою форму, или другими словами, могут иметь, в том числе и различные размеры. Поскольку вещи в Мироздании возникают из этих элементов, поэтому и есть вероятность того, что возникают слоны в виде мухи или кошек. Сравнительный анализ показывает [8], что эта проблема остается и в современном мире, и, как было показано, она превратилась в проблему превращения до сих пор существовавшего человека в «технологического» человека.

Приведем некоторые рассуждения Авиценны, направленные на устранение вышеуказанных противоречий в философии и решение проблемы «слон-муха».

Авиценна отмечал, что, по рассуждениям перипатетиков, мизодж (привходящие свойства), который возникает в малом теле, не обязательно должен быть достаточным для возникновения формы вида. Это высказывание означает, что определение соотношения «мизодж-форма» в таком виде есть доказательство того, что перипатетики не принимали во внимание физический смысл мизодж в таком варианте, в каком понимал Авиценна,

а именно, мизодж есть возникновение и исчезновение связей [7]. Поэтому Авиценна отмечал, что для образования формы нужны не только величина и мизодж (привходящие свойства), но и определенное количество материи [2, с. 212]. Например, **человек не может стать человеком, если его тело не будет таким телом, которое будет выполнять человеческие движения:** построить дом, сшить себе одежду, нести такой груз, который не смог бы изменить кайфият (в данном контексте кайфият можно понимать как «здоровье» тела — З.С.) его тела. Дух не будет формой, если тело не будет выполнять такие человеческие движения. Следовательно, вход только мизодж в тело не является достаточным для возникновения человеческого вида. И если эта материя (масса) по мизоджу (по привходящим свойствам) будет **меньше** или **больше**, то из-за излучения или колебания она будет восприимчивой к разрушению, не сможет сохранить свою форму, и дух не входит в такую материю (массу) [2, с. 212], т.е., такое тело не станет «живым» телом и человеком.

Как было показано [9, с. 110–118], в мировоззрении Ибн Сины простые тела (земля, вода, воздух и огонь) являются энергетическими уровнями и образуют собственную атомоподобную сферу (в современном понимании). Поэтому он утверждал, что деление касанием или противодействием не предполагает, что простое тело доходит до такого состояния или границы, что теряет свою форму, т.к. форма распределена по всему телу простого тела [2, с. 213].

Разбирая сближение сложных тел и первичных элементов, Авиценна доказал неправомочность рассуждения философов о возникновении Мироздания и указал их недостатки [2, с. 213], устранение которых приведет к решению проблемы «слон-муха» [7].

Из изложенного материала можно отметить, что согласно древней, Средневековой и современной философии, изменения в самих «началах» должны были становиться причинами возникновения подобных подобочастных тел (кости, мясо, кровь и т.д.) с различными размерами, и соответственно, причинами возникновения подобных тел с различными размерами, например, слона в размере мухи или кошек в большом количестве, что не наблюдается. Кстати, в этом утверждении ничего удивительного нет: еще философы европейского Средневековья, например, Р. Вилли писал: «Ибо мир животных — будь это ничтожнейший червяк — мы должны просто рассматривать как примитивных людей», и, продолжая эту же мысль, он утверждал, что под «опытом» не обязательно понимать опыт человека [11, с. 78]. Как видно, по части понимания Мироздания мы ушли недалеко от древней философии и философии европейского Средневековья. Этому содействует так же до сих пор

нерешенная философская проблема «теория размывания границ между видами и родами», унаследованная от Платона [22] и Аристотеля [5, с. 445–448], позволяющая возникновение одного и того же существа с различными телами. Отметим, что проблема «размывания границ» была решена в философии Авиценны [1, с. 45–60].

Однако следует подчеркнуть, что современная философия ни сама стремится решить её, ни дает возможность применить философию Авиценны для решения данной проблемы. Подобное утверждение исходит, в том числе, и из того факта, что по предложению некоторых недалновидных «философов», в вузах хотят заменить (в некоторых уже заменили) дисциплину «Философия» на дисциплину «История философии», преподавать слушателям дисциплину «История философии» вместо дисциплины «Философия», что не одно и то же: дисциплина «История философии» неспособна выявить проблему «слон-муха» и направить мышление слушателя на её решение, поскольку дисциплина «История философии» рассматривает содержание философии в контексте движения во времени, и тем самым, упускает из рассмотрения максимальную содержательную суть самой философии, не заостряет внимание слушателя на возникшую трудность теории возникновения

вещей, в том числе человека, превращает философию в «технологическую» философию, как превратили до сих пор существовавшего человека в «технологического человека». Кроме того, в некоторых вузах, если и оставили дисциплину «Философии», то настолько сократили её содержание, что не оставалось место не только для философии Авиценны, но и в целом даже для арабско-персидско-таджикской философии, что считается «достижением» и «инновационным» подходом очень «далновидных» современных философов.

И в конце отметим, что «уничтожение» до сих пор существовавшего человека и превращение его в «технологического» человека есть частичная реализация вышеназванных противочеловеческих и противочеловеческих теорий, которую еще можно остановить. Именно поэтому, виднейшие ученые — философы современности, ощущая ответственность философии и философов перед человечеством, подтверждая доказательства Авиценны, восклицание Маркса, сожаление Хайдеггера, высказывания Ясперса, предупреждают: «Сегодня человек как бы стоит на краю обрыва: либо он взлетит вверх, либо упадет вниз. Это и есть главные проблемы нашего времени. И это, конечно, прежде всего, философские проблемы» [12, с. 46]

ЛИТЕРАТУРА

1. Абу Али Ибн Сино. Осори мунтахаб. ч. 2. Душанбе. Ирфон. 1983. 560 с. (Абу Али ибн Сина. Избранные произведения на тадж. языке. т. 2).
2. Абуали Ибн Сино. Осори мунтахаб (ибораат аз дах чилд) (Абу Али ибн Сина. Избранные произведения из 10 томов на таджикском языке). т. 3. Душанбе. Ирфон. 1985. 448 с.
3. Анаксагор. //Философия. URL: <http://istina.rin.ru/cgi-bin/print.pl?id=981&p=0&sait=3> (дата обращения — 01.11.2016).
4. Аристотель. Сочинения в четырех томах. том 3. М. Мысль. 1981. 616 с.
5. Аристотель. Сочинения в четырех томах. том 1., М., Мысль., 1976., 550 с.
6. Большой энциклопедический словарь. Физика / гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 944 с.
7. Зайнудинов С. Мировоззрение Ибн Сино (Авиценны) с точки зрения современного естествознания. Издательство Спутник+. М.: 2012. 386 с.
8. Зайнудинов С. Современна ли современная философия (или критический взгляд на современную философию). Издательство Спутник+, М.: 2015. 157 с.
9. Зайнудинов С. Стихии в Средневековье и современные понятия естествознания//Журнал Ценности и смыслы. № 1(10). М. 2011. с. 108–119.
10. Ильин В. В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. Издательство Московского университета. 2013. 383 с.
11. Ленин В. И. т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. Издательство политической литературы, Москва. 1968.
12. Наука. Техника. Общество // Философия науки и техники. Научно-теоретический журнал. -М.: № 2. т. 20. 2015.
13. Реалистическая философия. Под общ. научной ред. проф. В. Л. Обухова и проф. В. П. Сальникова. Санкт-Петербург. Химиздат. 1999. 544 с.
14. Саймон Г. Науки об искусственном. Перевод с английского Э. Л. Наппельбаума. Издание третье. Москва. URSS. 2009. 142 с.
15. Украинцев Б. С. Самоуправляемые системы и причинность. Издательство Мысль. Москва. 1972. 256 с.
16. Философия в вопросах и ответах. Под ред. д.философ.н., проф. А. П. Алексеева и к.философ.н., доц. Л. Б. Яковлевой. Изд-во Проспек. М. 2005. 336 с.
17. Хайдеггер М. Что это такое — философия? Владивосток. 1992. 36 с.
18. Шкловский И. С. Вселенная. Жизнь. Разум. Издание шестое, дополненное. М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы. 1987. 320 с.
19. Энгельмейер П. К. Теория творчества. М. ЛКИ. 2007. 208 с.
20. Энгельмейер П. К. Технический итог XIX века. 1898.
21. Ясперс К. Смысл и назначение истории., М., издательство политической литературы., 1991. 527 с.
22. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. Издательство Альфа-Книга, М.: 2016, усл. печ. Л. 82,00.

© Зайнудинов Сафар Зайнудинович (pol123987@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ: УСИЛЕНИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

MANIPULATION OF CONSCIOUSNESS: INCREASED EXPOSURE IN THE INFORMATION SPACE

Y. Lobanova

Summary. The article analyzes the phenomenon of manipulation of consciousness, its forms, the reasons for the effectiveness of manipulative technologies and mechanisms of social control.

Keywords: manipulation, consciousness, control, mass media, information, streams, internet.

Лобанова Юлия Владимировна

*К.ф.н., Московский политехнический университет
julia-lobanova@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется феномен манипуляции сознанием, его формы, причины эффективности манипулятивных технологий и механизмы социального контроля.

Ключевые слова: манипуляция, сознание, контроль, массмедиа, информация, потоки, интернет.

В социальных исследованиях существует два противоположных взгляда на проблему манипуляции сознанием: часть философов и ученых полагают, что человек — большой ребенок, требующий внимания и управления, и, таким образом, переход от власти, основанной на принуждении и насилии к власти, использующей манипулятивные технологии — вообще большой прогрессивный шаг. Их оппоненты, напротив, считают, что человек — существо свободное, и возможность делать свободный выбор, к каким бы последствиям это не привело, должно является основной ценностью [1, 7].

Манипуляцией называют скрытое управление. Манипулирование сознанием можно определить как воздействие на человека в информационном поле, как программирование мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции [1, 16].

Важно отметить, что манипуляция — это психическое и скрытое воздействие, при котором человек рассматривается как объект, а не субъект взаимодействия. Задачей манипуляции является изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном для манипулятора направлении. Для этого используются определенные техники и технологии, к которым относятся язык, эмоции, сенсационность и срочность, повторение, дробление, изъятие из контекста, тоталитаризм источника сообщения, тоталитаризм решения, смешение информации и мнения, некогерентность высказываний и т.д. [1, 512].

Мы можем считать манипуляцию искаженной формой коммуникации: хотя человек рассматривается манипулятором как объект, манипуляция — это всегда

взаимодействие, и тот, кто подвергается манипуляции, становится соучастником, потому что он не сопротивляется, а поддается ей, меняется сам и изменяет свое поведение.

Рассмотрим некоторые причины успеха манипуляций. Почему современный человек с легкостью принимает информацию, не пытается подвергнуть ее сомнению, не использует критическое мышление?

Особенностью нашего времени является феномен «экономики познания». Во-первых, сегодня люди имеют ограниченный доступ к иной реальности, чем та, которая конструируется посредством массмедиа. Большинство людей знают мир не таким, как он есть, а таким, каким его реконструирует или даже выстраивает заново средства массовой коммуникации [6, 228].

Во-вторых, происходит распад традиционных социальных связей. В традиционном обществе социальный опыт усваивался посредством таких общественных институтов, как семья и система образования, сейчас они уступают свои позиции институту средств массовой коммуникации, воздействие которого на индивидуальное сознание и культуру все более возрастает.

В-третьих, информации становится так много, что человек не в состоянии ее переварить. Поэтому он использует стереотипы, привычные схемы, которые ему дает информационная среда, что приводит в итоге к однозначной интерпретации сообщений, которая может быть неверной или искаженной.

Следует отметить, что проблема манипуляции сознанием возникает только в демократических обществах.

Авторитарные и тоталитарные политические системы используют прямое принуждение. Заметный вклад в разработку этой проблемы внесли теоретики франкфуртской школы. Они вводят понятие «индустрия культуры», которое используют для характеристики нового качества культурных форм, появившихся с развитием индустрии развлечений и потребления. «Могущество культуриндустрии обусловливается ее единством с производимой потребностью. Развлечение становится пролонгацией труда в условиях позднего капитализма. Его ищет тот, кто стремится отвлечься от ритма механизированного процесса труда, для того чтобы он сызнова оказался ему по силам» [5, 171]. Индустрия культуры — это не только процесс производства как таковой, но и стандартизация производимого продукта и рационализация способов его распространения. Культурная продукция становится массовой, стандартизированной, стереотипной.

В условиях капитализма законы рынка становятся определяющими для всех сфер жизни общества, включая сферу культуры. Таким образом, культурный продукт приобретает форму товара, который производится для продажи и рассчитан на получения прибыли. Соответственно, ценность такой продукции определяется не художественными достоинствами, а логикой товарного производства и обмена. С помощью институтов индустрии культуры происходит распространение важнейших ценностей, связанных с поддержанием существующего порядка. Индустрия культуры четко транслирует материалы, отражающие ценности тотального господства технологической рациональности и рынка, что является залогом сложившегося положения дел. «Механизм спроса и предложения продолжает действовать в сфере надстройки в качестве механизма контроля, идущего на пользу правящим кругам. Капиталистическому производству удается настолько прочно закабалить потребителя и душой и телом, что без всякого сопротивления они становятся жертвой того, что им предлагается. ... Обманутые массы в гораздо большей степени, чем те, кто преуспел, становятся жертвой мифа об успехе. Они ведь руководствуются своими собственными желаниями. И поэтому они непоколебимо отстаивают именно ту идеологию, посредством которой их обращают в рабство» [5, 198]. Таким образом, индустрия культуры, представляет, по мнению авторов, возможно, наиболее изощренную форму тоталитаризма. М. Хоркхаймер и Т. Адорно пристально рассматривают и взаимоотношения средств массовой коммуникации с аудиторией. Массовое производство культурных форм предполагает унификацию индивидуальных особенностей, аудитория видится как некая однородная масса, и ей предлагаются стандартизированные и апробированные материалы. Функционирование индустрии культуры также сопряжено

с формированием у аудитории качеств пассивности и конформизма.

Технологии массовой коммуникации часто приводят к изоляции людей друг от друга, способствуют ослаблению межличностного общения, чувств социальной и моральной солидарности, т.е. происходит атомизация общества. «Быть удовлетворенным, значит быть согласным. Это становится возможным только благодаря герметической изоляции от социального процесса в целом» [5, 164].

Индустрия культуры создает определенный тип поведения, трансформирует его в естественную привычку и фиксирует ее через тиражируемую продукцию. Таким образом, по мнению авторов, осуществляется механизм «манипуляции» или «символического насилия». Стереотипизация тиражируемых материалов культуры приводит к функциональным изменениям в жизни людей, заменяя истинное представление о реальности ее искаженным отражением.

Еще один представитель Франкфуртской школы Г. Маркузе рассматривает средства массовой коммуникации как один из важнейших факторов искусственно сформированного социального согласия, отрицающего истинные интересы и потребности человека. Г. Маркузе вводит понятие «одномерного» общества, рассматривая в качестве одного из ключевых источников его формирования индустрию культуры. Основой саморегулирования современной индустриальной цивилизации является формирование стандартных ложных потребностей, привязывающих индивида к современному обществу. Тем самым индивид лишается возможности противостоять этому обществу [4, 18].

Основными формами манипуляции сознанием можно считать рекламу и идеологию. Реклама создает потребность человека в товарах и услугах, напрямую обращаясь к его подсознанию. Те же методы используются и в политической сфере, только место товара занимает кандидат [1, 50].

При осуществлении манипуляции в политической сфере, особая роль отводится политическим мифам. В отличие от традиционного мифа, который определяется как результат бессознательной деятельности и игры воображения, мифы в политике создаются целенаправленно опытными специалистами. Мифы являются таким же оружием, как пулеметы и самолеты. Но в отличие от техники, которая действует физически, мифы оказывают воздействие на сознание человека, при этом они не навязывают или запрещают какие-либо действия, а стараются изменить самого человека. Особая опасность мифа заключается в том,

что миф неуязвим для рациональной аргументации [2. 64].

Современные информационно-коммуникационные технологии ежедневно воздействуют на сознание и подсознание человека. Исследователи говорят, что мы живем в мире потоков. Один из наиболее авторитетных исследователей « сетевого общества» М. Кастельс утверждает, что современное общество « построено вокруг потоков: капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Потоки есть не просто один из элементов социальной организации, они являются выражением процессов, доминирующих в нашей экономической, политической и символической жизни... Новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его: пространство потоков. Пространство потоков есть материальная организация социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его». Кастельс определяет потоки как « целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разрозненными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [3. 64].

Эти потоки обрушиваются на индивида, не оставляя возможности для анализа и интерпретации контента, который он получает. Происходит эффект удвоения реальности, заданная интерпретация принимает форму сообщения.

Таким образом, любое событие, показанное по телевидению или в ленте новостей в сети Интернет, уже имеет конкретный шифр интерпретации, в самой организации фактов или ракурсе подачи информации уже заложен смысл и оценка.

Все это необычайно расширяет возможности для манипулирования сознанием.

В современном обществе большинство людей связаны с производством, хранением, переработкой, продажей и обменом информацией. Информация структурируется определенным образом, формируется социальная реальность, в которой человек не может быть независимым, его оценки и мнения предзаданы. Сегодня жизнь индивида протекает в двух мирах: реальном мире и в Сети. « Виртуальная» жизнь, хоть и связана с « реальной» жизнью, все же в некоторой степени является автономной и может сильно отличаться от реальной: в ней можно быть любым, воплощать идеальное представление о себе, а еще постоянно менять образы, статусы, быть разным. Межличностные взаимодействия

виртуальны, фрагментарны и динамичны, они быстро возникают, и также быстро прекращаются.

Следует отметить, что появление виртуальной жизни способствует усилению контроля над человеком и снижению рисков социального неповиновения. Многие потребности индивид переносит в виртуальную среду. Обычно, если человек не может удовлетворить потребности, это ведет к развитию воображения, в его сознании возникают образы как недостающего предмета, так и путей, которые ведут к его обладанию. Возможность искусственно изменить состояния удовлетворения главных потребностей представляет собой эффективное средство контроля над воображением и поведением людей [1, 119]. Это еще и очень удобно, так как в отличие от традиционных благ, информация неисчерпаема, и обеспечить удовлетворение потребностей в виртуальном мире гораздо проще, чем в реальном.

Еще одной проблемой, связанной с нахождением человека в виртуальном пространстве, является вопрос информационной безопасности. Размещая информацию о себе в социальных сетях, регистрируясь на различных сайтах и платформах, невозможно избежать утечки персональных данных, наступление на приватность идет по всем фронтам. Причем, дело касается не только информационной безопасности, но и безопасности психологической. Таким образом, развитие информационных технологий создает новые, практически неограниченные возможности для установления контроля над сознанием людей.

Есть мнение, что возникновение глобальной Сети, наоборот, уменьшает возможности манипулятивного воздействия. Сторонники данной точки зрения указывают на тот факт, что сама структура Интернета предполагает налаживание связей между субъектами напрямую, минуя единый управляющий центр. В результате, на смену пассивным « атомам-объектам», манипулирующее воздействие на которых осуществляется централизованно, приходят активные автономные субъекты, каждый из которых имеет доступ к сети и является равноправным участником коммуникации. Это создает заинтересованность в развитии способностей личности и стимулирует индивидуальную деятельность, ведь, как отмечает Кастельс, « пользователи Интернета являются главными творцами сети» [3, 44]. Информацию, которая размещена в Сети можно проверять, сверяясь с различными источниками или напрямую обращаясь к участникам событий. Но на практике, « Всемирная Паутина» сегодня служит главным источником субъективной и не проверенной информации, а доступ к персональным данным пользователей позволяет оказывать серьезное влияние на сознание человека, его потребности и мотивы, побуждая к определенному поведению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием http://www.pseudology.org/information/KaraMurza_Manipulyaciya_soznaniem2.pdf
2. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1990. № 2. С. 58–65.
3. Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004. С. 44. <http://read.virmk.ru/k/Kassirer.htm>
4. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.
5. Хоркхаймер М., Адорно Т. Дialeктика просвещения. Философские фрагменты. М., 1997.
6. Эко У. Заклятие сатаны. Москва 2019.

© Лобанова Юлия Владимировна (julia-lobanova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский политехнический университет

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РИСКОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ: ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ И ЗНАЧИМЫЕ ФАКТОРЫ

THE OCCURRENCE OF RISKS IN SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT: THE MAIN CAUSES AND SIGNIFICANT FACTORS

A. Mayakova

Summary. The article discusses the causes and factors of socio-cultural risks in the post-industrial stage of development of society. The author identifies two key features of post-industrial society — digitalization and economization. The study proposes and argues the use of the basis and postulates of the theory of complexity as a methodological basis, and also defines an important attribute of socio-cultural risks — uncertainty. The publication was prepared with the support of the Grant of the President MK-240.2019.6 «Transdisciplinary model of sociocultural risk management».

Keywords: risk, sociocultural risk, digitalization, economization, complexity theory.

Маякова Анна Васильевна

*К.ф.н., н.с., Юго-Западный государственный
университет (Курск)
BerryAnnett@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются причины и факторы возникновения социокультурных рисков в постиндустриальном этапе развития социума. Автор выделяет две ключевые особенности постиндустриального общества — цифровизацию и экономизацию. В рамках исследования предлагается и аргументируется применение в качестве методологической базы основы и постулаты теории сложности, а также определяется важный атрибут социокультурных рисков — неопределенность. Публикация подготовлена при поддержке Гранта Президента МК-240.2019.6 «Трансдисциплинарная модель управления социокультурными рисками».

Ключевые слова: риск, социокультурный риск, цифровизация, экономизация, теория сложности.

Понятие «риск» логично вписалось в категориальный обиход современного человека и общества, подразумевая сложность и безапелляционность постоянно возникающих проблем: обострение напряженности в деятельности социальных, экономических, культурных, политических сложных систем, повышение вероятности их ненадлежащего развития и возникновение, связанных с этим развитием, несоответствий. Данный факт актуализирует задачи исследования рисков, связанных прежде всего с социальной жизнью человека, поскольку эта сфера является образующей для современного человека. Исследования рисков социальной сферы распространяются на риски целого спектра типологии: экономические, политические, социальные, культурные, а также на их синтез — социокультурные, социо-экономические, социо-политические и другие. В данном исследовании остановимся на социокультурных рисках. Задача исследования рисков не ограничивается их идентификацией, а выходит на уровень оценки, контроля и управления рисками, и как следствие, поиска механизмов нейтрализации и преодоления порождаемых ими кризисных событий.

Положительная динамика расширения сфер и типов риска характеризует задачу управления рисками не столько как локальную проблему, сколько в виде системного (сложносистемного) явления. В связи с этим на первый план выходит выявление факторов возникновения и развития социокультурных рисков, позволя-

ющих не только определить актуальные и целесообразные основания воплощения и выполнения рискованных стратегий в конкретных сферах социальной жизнедеятельности, но и представить архитектуру рискогенного потенциала постиндустриального общества (культурных и социальных элементов) в целом. Решение данной проблемы не представляется возможным без актуализации фундаментальных положений функционирования социальной системы постиндустриального общества. Один из ключевых трендов ее развития — тотальная цифровизация. Современный философ-программист китайского происхождения Йук Хуэй недавно представил на суд мирового научного сообщества книгу «On the Existence of Digital Objects» («О существовании цифровых объектов»), в которой поднимает актуальные «острые» современности. Что мы знаем о ситуации современности? Знаем ли мы, что такое дигитальный объект и дигитальная среда? Умеем ли мы обращаться с этими объектами, ориентироваться в этом пространстве? Может быть, узнав эти новые вещи как подручные, мы поймем, что от нас требуется не снисходительное их принятие или высокомерное отвержение, но — забота о них, бытие с ними? [1] Сам же автор и совершает попытки ответов на эти вопросы. По мнению Йука Хуэя «дигитальные объекты — это новые производственные объекты, которые составляют нашу повседневную жизнь, это просто данные, формализованные в терминах «объектов», то есть это некое единство, состоящее из множества формаль-

ных свойств, для примера, профиль Facebook, образ Instagram и т.п. Дигитальная среда — условия, в которых эти объекты функционируют и в которых мы сами живем, но в отличие от «естественной среды обитания» каузальности здесь могут быть легко материализованы и просчитаны. Я полагаю, мы живем в эпоху, в которой концепт природы становится проблематичным. Я буду утверждать, что для дигитальности большее значение имеет не бинарность или дискретность, но скорее понятие данных, и прогресс цифровых технологий связан с продвижением в управлении данными» [1]. Данная точка зрения представляется весьма интересной в разрезе современных исследований, поскольку перенаправляет научно-практическую сферу на переосмысление философской проблематики цифровой реальности как действительности «Big Data», нашего смыслопорождающего взаимодействия с ней в реальном времени здесь и сейчас. И тогда эта реальность становится процессуальной, интерактивной, динамичной и эмерджентной.

Еще одним важным аспектом цифровизации постиндустриального общества является топологический поворот, в контексте которого возникли такие понятия (исследовательские направления) как социальная топология, топология культуры. Культура как сложная система взаимодействующих и воплощенных знаков и значений, как символическое поле общественной жизни обладает смысловым суверенитетом от отдельного человеческого бытия. Социальное бытие не обособлено, а продолжает свою жизнедеятельность в качестве эмерджентного целого под влиянием культуры. Современный ученый-философ С.А. Азаренко в своем исследовании ввел и аргументировал новый термин «топологема», подразумевающий такое место или местонахождение, в котором подвижно сосуществуют, самоорганизовываясь, различные места, порождающие неповторимое совмещение «мест» отдельной культуры [2]. Подобные суждения логично вписываются в методологию теории сложности — одного из ведущих направлений исследования постнеклассической науки. Данный факт еще раз подтверждает междисциплинарные взаимосвязи актуальных исследований науки и философии.

Наряду с цифровизацией постиндустриальная стадия развития общества характеризуется всеобщей «экономизацией», распространяющейся не только на социальную сферу, но и охватывающей научную область. Таким образом, активное распространение экономических постулатов и тенденций на внеэкономические виды деятельности человека и общества влечет за собой тотальное преобразование социума, определяемое высокой степенью неопределенности как антропологических, так и культурно-цивилизационных ожиданий. Подобные трансформации наблюдаются и на современном этапе развития постнеклассической науки.

Учитывая «экономизацию» постиндустриального социума, нельзя не отметить в исследовании социокультурной сферы возникновения рисков, что область хозяйственно-экономической деятельности постиндустриального общества масштабно расширилась, в связи с чем возрастает необходимость специального изучения корреляций экономической и неэкономических сфер жизнедеятельности социума, а также характеристика их аналогичной и несхожей эволюции, потенциальных социокультурных и антропологических исходов. В связи с этим возрастает ценность осмысления антропологического смысла социальных преобразований, происходящих под влиянием идеологии и практических результатов «экономоцентризма», которую можно определить как «специфическую социокультурную парадигму, сформировавшуюся в новоевропейский период развития социума и приобретающую доминирующее значение в системе современных социальных отношений, — а также масштабов и характера проистекающих отсюда антропогенных преобразований культурно-цивилизационных условий жизни общества» [3].

Явление «экономоцентризма» обозначено в постнеклассической науке как экспансия экономизма (в узком смысле), при этом данный феномен еще до конца не изучен, если не сказать больше — очень мало изучен и не ассимилирован современной философией. В связи с этим «экономоцентризм» становится все более интересным не только с научной и философской точки зрения, но и с позиции социума. Различные попытки теоретического обоснования и транспонирования «экономоцентризма» в междисциплинарную область научного и философского знания породили многообразие диссонирующих взглядов и суждений по поводу этого уникального феномена. Более того, недостаточно успешное преломление уже существующих методик и методологий исследования через призму «экономоцентризма» обусловило один из основных атрибутов этого явления — неопределенность. Эта неопределенность выражается во многом; применимо к социокультурной сфере — «неопределенность оценок нынешнего состояния и будущего как европейской, так и отечественной культуры, ставит исследователей перед необходимостью глубокого проникновения в суть осуществляющихся преобразований» [4].

Неопределенность является одной из тех черт, которые объединяют несколько актуальных направлений исследования в междисциплинарном ракурсе. Так, говоря об «экономоцентризме» мы подчёркиваем, что неопределенность имеет место во внеэкономической сфере постиндустриального социума и выражается в корреляции от тенденций увеличения поля деятельности феномена в социокультурном пространстве.

Единство многообразия порождает неопределенность — характерную черту постнеклассической философии, подробно рассматриваемую в ракурсе науки о качественных изменениях — синергетике и теории сложности [5]. Отечественный философ В.И. Аршинов, акцентируя внимание на «неопределенности» теории сложности, фокусирует внимание на «полуматематическом» уравнении с одним неизвестным: «синергетика — это X-наука» [6]. Феномен X-науки заключается в специфичной конкретике множества X. С одной стороны, множество является открытым и незавершенным, а с другой — «неопределенным в качестве актуального» [6]. При этом В.И. Аршинов говорит о великой миссии синергетики в рамках философии и постнеклассической науки — создание контекста «междисциплинарного сотрудничества и диалога» [7]. В этой связи рассуждения о сущности и соотношении философии и науки приобретают новый облик: установление границ, выявление значимости философии и науки изначально не ассимилируется синергетикой, поскольку идет вразрез с основной идеей и великой миссией синергии. По мнению ученого, только компромиссным подходом к подобным спорам и дискурсам можно добиться созидания так называемой «метамодели междисциплинарной коммуникации» [8]. Подобное отступление к теории сложности от общей темы исследования целесообразно, поскольку выделяет атрибут неопределенности как связующую нить многих исследований постнеклассической науки и философии, а также аргументирует релевантность сложностного подхода в исследовании социокультурных рисков постиндустриального социума.

Исследование (анализ) социокультурных рисков с позиции теории сложности можно сравнить с изучением многоагентной системы. Изначально агенты понимаются как «черный ящик» сложной системы, в котором известны правила, которые регулируют их индивидуальное поведение. Правила, которых придерживаются агенты, могут быть просты относительно комплекса. Они могут быть детерминированными или вероятностными. Очевидно, что агенты независимы, целенаправленны или имеют какую-либо ценность при внешнем воздействии иными агентами. Но агент не имеет интеллекта или какого-либо «психического» качества, поэтому агентов можно представить в виде системы. Агентами могут выступать не только корректирующие мероприятия различного рода, но и процедуры предварительного анализа и сами риски. Агенты взаимодействуют только с небольшим количеством других агентов, которые образуют их локальную окрестность. Тем не менее, длительные локальные действия имеют глобальные последствия, влияющие комплексно на систему в целом. Такие глобальные последствия, по определению, невозможны на уровне агента в рамках эмерджентизма: они не могут возникнуть из локальных правил (качеств), кото-

рые определяют поведение агентов. Это более понятно в рамках следующих наблюдений. Во-первых, целевые агенты взаимонезависимы, и поэтому часто находятся в состоянии конфликта: действие, которое, напрямую приведет к цели А, может помешать в достижении цели В, и, следовательно, вызвать активное сопротивление агентов В [9]. Локальные действия могут распространить свое влияние шаг за шагом к более удаленным агентам, таким образом, распространяясь по всей системе управления социокультурными рисками, образованной агентами и их взаимоотношениями. Такие же действия будут в целом иметь различные эффекты в разных частях системы в разное время. Предположим, что система имеет внутренний нелинейный характер. Это означает, что причина и следствие возникновения риска не пропорциональны. С одной стороны, небольшая вероятность возникновения риска может быть усилена глобальным эффектом положительной обратной связью, или «автокатализатором». Такая чувствительная зависимость от начальных условий, которую часто называют «эффектом бабочки», является одним из признаков детерминированного хаоса, то есть непредсказуемые исходы события произведены локально детерминированными процессами. С другой стороны, обратная связь может быть отрицательной, и высокая вероятность возникновения риска будет подавлена, что может привести к стабилизации состояния системы, другими словами произойдет минимизация или устранение риска либо его последствий [9]. Исходя и представленного выше, исследование (анализ) социокультурных рисков можно назвать сложной самоорганизующейся системой с четырьмя возможными положительными исходами событий:

- 1) возникновение нового риска происходит без внешнего участия субъекта (в идеальных условиях), а под действием внешнего или внутреннего фактора (агента), регулируется посредством внешних или внутренних факторов (агентов);
- 2) возникновение нового риска происходит без внешнего участия субъекта (в идеальных условиях), а под действием внешнего или внутреннего фактора (агента), регулируется субъектом;
- 3) возникновение нового риска происходит под внешним участием субъекта, но регулируется внутренними факторами (агентами) системы;
- 4) возникновение нового риска происходит под внешним участием субъекта и регулируется им же.

Сложностный и социогуманитарный подход в исследовании социокультурных рисков подразумевает бесконечность либо цикличность: новая технология → новый риск → новый инструмент по предупреждению риска → новый риск → На основании сложностного подхода В.И. Аршинова [10], многоуровневого представления кризиса В.В. Жерихина и А.С. Раутиана [11] и «формулы» управления рисками можно выделить нестабильную,

деструктивную и организационную стадии возникновения и управления рисками. Нестабильная стадия характеризуется повышенной чувствительностью к риску за счет возникновения новой технологии и попытки ее применения. Проводя аналогию с теорией сложности, отмечаем, что данное явление представляет собой характеристику сложности — неопределенность [12]. Деструкция на данном этапе слабо выражена и определяет начальный этап возникновения риска. То же наблюдается и в начале деструктивной стадии. Необратимая деструкция проявляется на деструктивной стадии, когда вероятность возникновения риска приобретает глобальный характер и переходит через уровень устойчивости системы, если говорить на языке теории сложности. Данная стадия представляет собой реальный риск. Именно на деструктивной стадии зарождается сложностное качество [12] и начинается процесс перехода хаоса в порядок — самоорганизация. Когда оформление сложностного качества завершается и самоорганизация начинает превалировать над деструкцией, риск характеризуется стремительным множеством слабо упорядоченных изменений. Данный этап определяется как стихание риска под влиянием нового инструмента по предупреждению риска. Минимизация или устранение риска характеризуется организационной стадией. На данном этапе приостанавливаются все процессы внутри системы, фиксируется новое сложностное качество и складывается устойчивый, качественно новый набор подсистем и элементов системы. Другими словами, наблюдается утверждение и применение нового инструмента по предупреждению риска, по результатам которого происходит формирование сложностного качества и нового риска, после чего вновь возникает нестабильная стадия неопределенности. Таким образом, данный процесс является циклическим с возникновением новых сложностных качеств и рисков.

Неопределенность также является атрибутом антропогенных трансформаций постиндустриального общества: ментальные, социальные и прикладные принципы и практики «экономоцентризма» играют роль структурных элементов сложной системы, определяющих новый тип человека — «*homo economicus*'a» [3]. Говоря языком теории сложности новый тип человека представляет собой главный актор сегодняшних и будущих изменений. Не взирая на то, что понятие «*homo economicus*'a» изучено и охарактеризовано учеными различных философских и экономических научных школ, задача экспансии проблемной области исследований остается актуальной и целесообразной. Например, вопрос идентификации, развертывания и оценки социокультурных рисков, возникающих под влиянием социальных инициатив «*homo economicus*'a» является недостаточно изученным. Если провести сравнительный анализ понятий «*homo economicus*'a» и «экономический человек», то можно сделать интересный вывод. На сегодняшний день в социуме

наблюдается некое превращение «экономического человека» из «оболочки» личности во все более распространенный в рамках постиндустриального общества тип личности. Данный тип личности в большей или меньшей степени репрезентативен в различных уровнях социальной стратификации и склонен к тенденции эволюции, проходящей комплементарно социально-экономическим и социокультурным преобразованиям в обществе.

Не смотря на атрибутивность неопределенности в «экономоцентризме», производственно-экономическая система как таковая такого атрибута не имеет. При этом именно неопределенность выражает эпистемологический статус производственно-экономической системы, подвергая рефлексии систему выстроенных абстракций, разделяющих социогуманитарное познание и его объекты. Преодоление этого разделения между существующими знаниями об «экономоцентризме» и их производственно-экономическим базисом является сложной современной задачей философии и постнеклассической науки в целом. Возможное решение кроется в вовлечении в область исследования эвристических принципов философии хозяйства с целью осмысления явления «экономоцентризма» в ракурсе сегодняшнего уровня знаний о «месте человека в природе и природы в человеке» [8]. Реактуализация и прикладная реализация принципов философии хозяйства даст возможность не только выявить генезис и оценить развитие экономоцентричного социума, но и выработать стратегии управления и предотвращения возникающих социокультурных рисков, присущих постиндустриальному обществу, а также сгенерировать типы субъектов, имеющих возможности решить подобные задачи. Обращая внимание на другой аспект постиндустриального общества — цифровизацию можно сказать, что разрастание поля влияния и поглощения цифровизации ориентировано на повышение качества всех сфер жизни человека и общества, поскольку должна сформироваться четкая возможность существенно увеличить объем ресурсов, доступных для применения в социальных процессах, за счет чего должно многократно увеличиться качество жизни. Однако, данный процесс не только грозит возникновением социокультурных рисков по окончании процесса, но и риск станет сопутствующим и трудно прогнозируемым. Данная проблема стоит перед мировым научным сообществом очень остро, поскольку в цифровизацию вовлечены и вовлекаются в настоящее время все больше и больше государств. Специалисты видят решение проблемы в полной трансформации всех социальных (социокультурных) процессов, однако изначальная задача сводится к, казалось бы, простой проблеме — идентификации рисков. Однако на практике это сделать весьма тяжело, поскольку неопределенность является одним из важных, если не сказать ключевых атрибутов социокультурных рисков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hui Y. On the Existence of Digital Objects. 2016. 332 с.
2. Азаренко С. А. Социальное воспроизводство и топология предела // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2018. Т. 13, № 3 (179). С. 27–37.
3. Семерник С. З. Экономцентризм как доминирующая мировоззренческая установка современного социума // Сервис plus, Т. 8, Вып. 3, 2014, С. 81–88.
4. Семерник С. З. Наука и образование: экспансия экономизма // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Вып. 146, 2012, С. 188–194.
5. Маякова А. В. Теория сложности как высшая ступень синергетики // Аспирантский вестник Поволжья. 2016. — № 3–4. — С. 106–113
6. Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999. 203 с.
7. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Синергетика: эволюционный аспект // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М., 1994. С. 229–243.
8. А. И. Герцен Сочинения: в двух томах. Т. 1 М.: Мысль, 1985, 592 с.
9. Асеева И. А., Маякова А. В. Философские основания и методологические ресурсы новой парадигмы сложности // Философия и культура. 2015. № 8. С. 1117–1125.
10. Аршинов В. И., Свирский Я. И. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть вторая // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 1. С. 78–91.
11. Котляков В. М., Жерихин В. В., Раутиан А. С. Анатомия кризисов. Гл. III: Кризисы в биологической эволюции. М.: Наука, 1999. С. 29–51.
12. Маякова А. В. Применение сложностного качества в прикладных науках о качестве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 4 (21). С. 271—279.

© Маякова Анна Васильевна (BerryAnnett@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Курск

КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ИННОВАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

THE CULTURAL MEASUREMENT OF EDUCATION: THE INNOVATIVE CHALLENGES OF THE THIRD MILLENNIUM

N. Mylina

Summary. The author considers changes in the educational environment through the prism of the emergence of an innovative type of economy. The article notes how the social character of a person changes in connection with the challenges of time, which require a continuous process of education, which in turn becomes an integral attribute of individuality.

Keywords: education, innovation, culture, labour, individuality

Мулина Наталья Алексеевна

*К.ф.н., доцент, Московский Международный университет
nataliamulina@yandex.ru*

Аннотация. Автор рассматривает изменения в образовательной среде через призму возникновения инновационного типа экономики. В статье отмечается, как меняется социальный характер человека в связи с вызовами времени, требующими непрерывного процесса образования, которое, в свою очередь, становится неотъемлемым атрибутом индивидуальности.

Ключевые слова: образование, инновации, культура, труд, индивидуальность.

Процессы изменения в нынешнем глобальном мире имеют стремительный характер. То, что казалось инновационным 3–4 года назад, уже теряет актуальность. Социально-экономические и иные преобразования, как правило, затрагивают все сферы жизни социума, приводя к различным, не всегда позитивным переменам. Тем не менее, прогресс невозможно затормозить, и любой социум адаптируется к происходящим переменам в жизнеустройстве, какими бы сложностями это ни сопровождалось. Например, не успев осмыслить все процессы, происходящие в складывающемся информационном обществе, мы всё чаще говорим о пост-информационном или цифровом. Очевидно, что усложнение и убыстрение социальной жизни, изменение ценностных приоритетов и ориентиров в сознании общества приводят к изменениям во всех сферах, в том числе, в образовательной.

Говоря о культуре, мы обычно имеем в виду те формы взаимодействия людей, которые положили начало становлению цивилизации. Люди издревле организовывали жизненное пространство, развивали сферу знаний и совершенствовали технологические процессы. Культура передает программы поведения и способы производства материальных и духовных ценностей каждому последующему поколению, при этом процесс образования цивилизационно-культурных изменений общественно-го сознания происходит постепенно.

На каждом историческом этапе развития нашей страны культура выступала в качестве содержательно-го нравственного ядра российской цивилизации. Рос-

сийская культура, по мнению Л.М. Марцевой, доктора философских и исторических наук, представляет собой цивилизованную, то есть законодательно регулируемую и оформленную в нормативно-правовом поле, культурно-нравственную специфику народов России, которую необходимо рассматривать в их историческом развитии с учетом непрерывного обновления внешних политэкономических факторов, технико-технологических условий жизни, а также интенсивности роста коммуникаций [4].

Ещё в семидесятых годах прошлого века американский социолог Э. Тоффлер высказал идею о том, что информационные технологии окажут не просто огромное, а шоковое влияние на социально-экономические процессы ближайшего будущего. Был озвучен специальный термин «future shock» — шок будущего. И действительно, глобальные изменения конца XX — начала XXI в. продемонстрировали предсказанные Тоффлером масштабные процессы. В ситуации глобализации и наступившей «цифровой реальности» культура человека меняется вместе со сменой менталитета.

Сегодня изучение влияния информационных технологий на различные сферы деятельности общества является одной из наиболее актуальных проблем научного сообщества. В том числе речь идет о влиянии информационных технологий на систему общественных ценностей. Так, проведенное Е.В. Бродовской исследование, указывает на то, что интернет-коммуникации оказывают прямое влияние на формирование ценностных ориентиров молодежи. Чем интенсивнее молодые люди

общаются посредством интернет-сети, тем меньше их заинтересованность в саморазвитии и самореализации, тем реже в иерархии ценностей ими на первое место выносятся мораль и нравственные качества [1].

Итак, сложившаяся в современном мире ситуация привела к изменению системы ценностей, выдвинув требования к таким качествам личности как конкурентоспособность и креативность. Поскольку современная информационная цивилизация предъявляет повышенные требования к образовательному цензу личности, то скорее преуспевает личность, наделённая креативными способностями. Однако думаем, что в сегодняшнем обществе востребованными являются и особые, уникальные, неповторимые способности человека. Практически каждый может занять своё место в обществе, не вступая в жесткие конкурентоспособные отношения, свойственные любому информационному обществу. Современное информационное общество становится самопроизводителем определенной свободы, в рамках которой современный человек имеет больший спектр возможностей, чем ранее.

В самой идее открытого общества изначально заложена идея непрерывающегося развития, способности к самопреображению. Выдвинутая Поппером и Бергсоном теория открытого общества представляется нам наиболее приемлемой для современного рынка вообще, а не только для России. На сегодняшний день актуальна предложенная Поппером концепция открытого общества, которая оставляет возможность для развития любого общества [5].

Информационное, а тем более, пост-информационное общество характеризуется изменением менталитета общества, его дрейфа от «техногенной культуры» к «антропогенной». Новая культура формируется в рамках инновационной техносферы, где компьютерные технологии меняют принципы взаимодействия людей, создают новые формы занятости и требуют, по мысли Макса Вебера, человека «нового социального характера» [5].

На цивилизационный вызов пост-информационного, или как теперь принято говорить, цифрового общества должна ответить образовательная система, так как она не просто задается потребностями общества, а имеет приоритетное значение в социуме. Сегодня уже активно используется новый термин «цифровое образование». Под цифровым образованием следует понимать организацию взаимодействия между обучающимися и обучающими, осуществляемого в процессе движения в цифровой образовательной среде от цели к результату. Основными средствами организации подобного взаимодействия выступают цифровые инструменты и технологии, а также цифровые следы как итог учебной и дальнейшей профессиональной деятельности, реали-

зуемой в цифровом формате [2]. Современная система образования должна стать «кузницей» нового менталитета, менталитета цифрового общества.

Каким бы образом не менялось общество — образование не перестает быть важнейшей сферой формирования социального характера, но, безусловно, вынуждено меняться тоже. На современном этапе развития цивилизации образование перестаёт быть массовым, линейным и стандартизированным. Узкопрофильные специалисты, которых совсем недавно готовили в соответствии с требованиями техногенной цивилизации, с их определённым набором знаний и умений, уже не удовлетворяют запросам «виртуальной экономики» с её мощной инновационной составляющей, оцифрованными деньгами, электронными торгами, мгновенными испытаниями новых продуктов, реализацией казавшихся совсем недавно безумными идей...

В новой реальности формируется тренд на свободно мыслящего, творческого, адаптивного, всесторонне образованного специалиста. В нынешней действительности кажется нелепым деление людей на «гуманитариев» и «технарей», или, как их называли в середине XX-го века «физиков» и «лириков». В цифровой цивилизации трудовая деятельность становится всё более разнообразной, менее фрагментарной, связанной с выполнением масштабного проекта, который может меняться по мере реализации, так как любой проект должен встраиваться в некие информационные матрицы. Такая деятельность требует от специалиста самостоятельного принятия решений, поиска вариантов, разработки инноваций.

Труд приобретает всё больше творческих черт, он предполагает гибкий график, удалённую работу, фриланс, свободный темп — всё, что требует индивидуализированного процесса работы и индивидуальности в качестве работника. Такой работник должен осваивать и осмысливать большие объёмы информации, поэтому процесс получения им образования не прекращается. Это принципиально новая черта образования, которая аргументирует его приоритетность.

Технологии в пост-информационном обществе стремительно совершенствуются, по этой причине работающим приходится постоянно учиться новому, — образование становится непрерывным. Понимание взаимосвязи процессов в современном мире, зависимость технологических процессов друг от друга, адаптация к меняющимся обстоятельствам и способность встраиваться в блоки масштабных рабочих процессов, — всё это влечёт за собой потребность в фундаментальном образовании.

В XXI веке под образованным человеком неизбежно понимается человек, который хорошо владеет инфор-

мационными технологиями, поскольку деятельность современного человека все больше зависит от его информированности и навыков эффективного использования информации. Современные специалисты любого профиля должны владеть навыками получения, обработки и дальнейшего использования информации посредством компьютеров и иных средств [6].

Помимо специализации необходимыми становятся такие принципы, как гибкий подход, выстраивание перспектив, мобильность, то есть навыки, которые приобретаются в результате осмысливания стоящих перед работником задач и стремления решить их оптимальным способом. Такой специалист «широкого профиля», в хорошем смысле этого слова, ищет смысл в своей работе, относится к ней не только как к способу получения материального вознаграждения, но и как к потребности в реализации своих способностей, которые непрерывно совершенствуются через дополнительное образование и расширение сферы знаний.

Здесь уместно вспомнить оригинальное сравнение Э. Тоффлера, который, сравнивая работу образованного человека индустриальной и постиндустриальной волн, проводит параллель с исполнением классических и джазовых произведений. В первом случае музыканты играют каждый свои ноты, написанные в партитуре, а во втором исполняется мелодия, обогащенная импровизацией всех участников, которые улавливают настроение и сигналы друг друга [7].

В инновационной экономике формируются новые принципы организации производства и администрирования. Актуальным становится запрос на специалистов,

наделённых сообразительностью и изобретательностью, а не просто способностью воспроизводить одни и те же действия. Новая образовательная система должна готовить кадры, способные работать из разных точек пространства, у которых уже не ассоциируется понятие «работа» с определённым местоположением, будь то фабрика или офис. Социум постепенно меняет структуру занятости, превращаясь из иерархической организации в сетевую.

Новый специалист, вписывающийся в такую систему, имеет понимание «престижа личности», личности, которая конвертирует знания в финансовое вознаграждение. Однако, материальные ресурсы нужны такой личности не просто для наслаждения дарами цивилизации, но и для дальнейшей личностной самореализации. Наращивание «образовательного капитала» становится неотъемлемой частью экзистенции, а образование становится деятельностью поискового характера, а не конечной суммой знаний.

Безусловно, в данном процессе складываются новые антропологические и культурные ориентации. Новый социум можно назвать «антропогенным», так как технологические векторы развития меняют ориентированность на индивидуальное развитие и непрерывное самообразование как залог гармоничного, плюралистического и комфортного существования человечества. Подытоживая вышесказанное, необходимо указать на такую характеристику образования третьего тысячелетия, как интеграция образовательной и профессиональной составляющих, которая становится антропогенным фактором дальнейшего развития социального характера и культуры человека в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродовская Е. В. Влияние Интернет-коммуникации на формирование ценностных ориентаций молодежи: анализ факторов интенсивности [Электронный ресурс] / Публикации МГТУ им. М. А. Шолохова. URL: file:///C:/Users/Владимир/Desktop/vliyanie-sotsialnyh-setey-na-formirovanie-tsennostnyh-orientirov-sovremennoy-molodezhi.pdf (дата обращения: 15.04.2019)
2. Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. «Цифровое образование» как системообразующая категория: подходы к определению / Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 3. С 25–36.
3. Вебер М. Избранные произведения // Под ред. д. ф. н. Ю. Давыдова. М., 1990. — 808 с.
4. Марцева Л. М. Культура и цивилизация: диалектика содержания и формы. Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 1. С. 37–46.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Наука, 1992. Т. 1–2. 528 с.
6. Сексенбаев К., Султанова Б. К., Кисина М. К. Информационные технологии в развитии современного информационного общества / Молодой ученый. 2015. № 24. С. 191–194.
7. Тоффлер Э. Третья волна. — Москва: АСТ, 2004. — 781 с.

© Мулина Наталья Алексеевна (nataliamulina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКА И СИНЕРГЕТИКИ

CONSCIOUSNESS THROUGH THE PRISM OF LANGUAGE AND SYNERGETICS

G. Parshikova

Summary. The article shows the connection between language and consciousness as self-organizing, non-equilibrium systems actively interacting with the external environment. The main provisions of their interrelation are revealed and substantiated, the features and properties of consciousness and language are analyzed. The main methods of knowledge representation, synergetics, nonlinearity, complexity, self-organization are considered and applied. The inextricable link between language and consciousness is underlined.

Keywords: Language, synergetics, fluctuations, attractor, frame, reflection.

Паршикова Галина Васильевна

К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВПО Брянский государственный
технический университет
parshikovagalina@yandex.ru

Аннотация. В статье показана связь языка и сознания, как самоорганизующихся, неравновесных систем, активно взаимодействующих с внешней средой. Выявлены и обоснованы основные положения их взаимосвязи, проанализированы особенности и свойства сознания и языка. Рассматриваются и применяются основные методы представления знаний, синергетики, нелинейности, сложности, самоорганизации. Подчеркивается неразрывная связь языка и сознания.

Ключевые слова: Язык, синергетика, флуктуации, аттрактор, фрейм, рефлексия.

Исследованию сознания, его природе посвящены тысячи трудов, однако вряд ли можно пребывать в уверенности, что сказано уже достаточно, тайная роль сознания раскрыта с исчерпывающей полнотой и можно подвести черту.

Одним из условий вероятности формирования и активации сознания является способность посредством языка заявить о своем самостоятельном бытии. Посредством языка, коммуникации человек приобретает способность к самосознанию, рефлексии. Язык содействует осознанию индивидом своих действий, поступков и самого себя в социуме.

Язык представляет собой средство общения, передачи идей и размышлений, т.е. выполняет коммуникативную функцию. Мысли не могут быть выражены без материального обрамления, в качестве материального, сенсуального обрамления мысли выступает язык. При мышлении не вслух, а внутрь себя, мысль также облачается в языковые формы. По словам М. Хайдеггера «Язык основывается в молчании». [1] Язык выступает в качестве инструмента накопления знаний, передачи и обработки информации, развития сознания. Облекая в языковые формы наши знания, чувства и идеи, мы даем им новую жизнь, оформляем как материальное бытие, вследствие чего они получают возможность быть представленными миру, возможность стать достоянием других людей, сохранить преемственность поколений.

С помощью языка создаются модели внешнего мира. Язык — это знаковая, информационная система с объективными устойчивыми связями и отношениями,

но в то же время — это открытая система, динамическая, нелинейная, неравновесная, чье формирование, эволюция взаимосвязана не только с имманентными атрибутами объекта, но и с внешними условиями индивида. Открытость языка создается посредством двух базовых функций — коммуникативной и когнитивной.

Рождаясь и развиваясь в социуме, в процессе коммуникации, язык представляет из себя объективное явление, т.е. язык есть результат, созданный обществом, однако он существует независимо от отдельных людей. Система языка не может быть рассмотрена, как противопоставление остальному миру. Она — его часть, продукт коэволюции (совместного развития) биологических, психических, социальных и культурных систем [2].

Язык собирательное, групповое творение, в рамках которого мы мыслим, существуем с первых дней жизни, поэтому осознать истину, действительность и бытие без обращения к языку не представляется возможным. Язык — это воплощение субъективного мышления, эмоций и чувств [2]. Предвосхищая начало интеллектуального процесса, метафоричность дает импульс новым идеям, образам. По словам Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова «всякое новое знание рождается через метафору, предстает поначалу в метафорической форме», и именно метафора «создает широкую, свободную для различных толкований и перетолкований основу для кристаллизации новых структур знания» [3].

Метафора, согласно М. Минскому, «способствует образованию межфреймовых связей, обладающих большим эвристическим потенциалом» [4]. Язык — это

не только средство, инструмент общения или познания, но и способ фиксации взаимодействия материи и сознания. Язык, как когнитивное явление, не только передает, воспроизводит информацию о мире, но и помогает организовать, усовершенствовать, рационализировать информацию и способы её представления, и создает условия для прохождения коммуникативных процессов, в процессе которых транслируются и используются знания и структура, содержащая эти знания и накопленную информацию. Подобно человеческому мышлению, образ, возникающий в сознании, не строится заново, а уже готовый извлекается из фреймовой структуры [5].

Совершенствование информационных систем, интеллектуальных диалоговых систем, нейронных сетей, экспертных систем, ориентированных на решение функциональных задач, обратило внимание на проблему представления знаний в аналогичных системах. Используя небольшой объем памяти, интеллектуальные системы хранят большое количество информации, которая используется во время работы системы. С помощью фреймовой организации можно решить эту проблему. Привлечение фреймовых структур также помогает объяснить способы формирования различных смыслов на функциональном уровне [5].

Язык есть неотъемлемая «часть мысли, сознания», однако так же «является основой мысли» и «орудием сознания». Наличествующую языковую реальность индивид обнаруживает с первых минут жизни, вместе с ней происходит становление личности, посредством ее осваиваются первосмыслы. Каждое новое поколение получает язык уже определенный, сформированный предыдущими поколениями, познает и осваивает его, т.е. постигает азы коммуникации.

Языковые знаки воспринимаются так же, как и иные события окружающей действительности, т.е. как стимулятор, воздействующий на органы чувств. Специфика явлений языка состоит в том, что они отражают формализованное в звуках отражение индивидами других явлений, сформулированные итоги жизненного пути и приобретенного опыта.

Л. Витгенштейн утверждал, что у любого из нас наличествует «некоторый набор доопытных установок, которые имеют условный характер» [6]. Определенные характеристики окружающего мира преобразуются в зависимости от ряда факторов: имеющегося чувственного опыта, рефлексивной деятельности и т.д. Индивид интерпретирует произошедшие события посредством феноменального опыта, полученного в результате взаимодействия, обратной связи с внешней средой. По словам В. Гумбольдта, «самое существенное ... это не смешение, а четкое разграничение вещи и формы, предмета и отношения». Язык способствует классификации в мышлении

различных типов субъективного и объективного, что оставляет отпечаток на рефлексии, самосознании. [7]

По мере развития коммуникации, трудовых, социальных связей индивидов друг с другом в совокупности с языком возникает особая форма отражения действительности — это сознание. Сознание и язык имеют неразрывную связь, однако единство языка и мышления отнюдь не указывает на их тождественность.

Человека следует рассматривать как сложную самоорганизующуюся систему, находящуюся в процессе непрерывного динамического изменения под воздействием информационных потоков окружающей среды. Синергетика отличается неповторимыми научными средствами изучения неклассических ситуаций, взаимосвязанных с нелинейностью, неоднозначностью, обращением к фрактальной и дробной размерности. Аналогичная картина наблюдается и в языке.

Контекст парадигмы сложности обусловил полиморфность методов анализа, а онтогенез нелинейной динамики дал научную базу и открыл новые горизонты для осмысления связи языка и сознания. Звуковые воздействия и отклик, вызываемый после их восприятия, являются одной из форм познания мира, а остальные формы коммуникации и типы сознания составляют единые, неделимые области бытия, краеугольным камнем которого является системная природа.

Функции языка сопряжены с социальными агентами — обновляющимся внешним миром и изменяющейся коммуникативной средой, поэтому язык соответствует новым потребностям социума и адаптируется к очередным изменениям. Систематическое столкновение неиссякаемости познания мира с локализованностью языка является внешним воздействием, провоцирующим скачкообразные трансформации языковой системы непосредственно тогда, когда преумножение количественных показателей обращается с запросом о качественной перестройке системы — самоорганизации. При этом язык представляет собой самоорганизующуюся систему, ликвидирующую скачкообразные флуктуации.

Система языка исследуется не в состоянии гомеостаза, а в процессе эволюции, наблюдается во время переходных процессов, в то время как система языка, какие-либо подсистемы или элементы подсистем качественно модифицируют свое поведение под воздействием сложной интеракции различных механизмов, в том числе и под воздействием внешних факторов. Язык и сознание, как гетерогенные нелинейные самоорганизующиеся систем, в процессе эволюции и трансформации попадают в область притяжения аттрактора, который выступает квазистойчивым состоянием для сепаратных частей каждой из систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер, М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер. — М.: Академический проект, 2005. — 526 с.
2. Паршикова, Г. В. Лингвистический концепт и качественное содержание ментальных состояний в объективизации природы сознания // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина: научный журнал. — 2015. — № 1. — Том 2. Философия. — С. 70–79.
3. Князева, Е. Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. — СПб.: Алетейя, 2002—414 с.
4. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. — М.: Мир, 1979. — 118 с.
5. Паршикова, Г. В. Моделирование сознания: от фреймового подхода к голографической парадигме // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». — 2015. — № 2. — С. 11–16.
6. Микешина, Л. А. Философия науки: эпистемология. Методология. Культура / Л. А. Микешина. — М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. — 445 с.
7. Новая философская энциклопедия в 4-х томах/ Научно-ред. совет: В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мысль, 2000. — Т. 1–4. — 2659 с.

© Паршикова Галина Васильевна (parshikovagalina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Брянск

НАШИ АВТОРЫ

Bakhtina N. — Candidate of psychological sciences, assistant professor, North-Eastern State University (Magadan)
18ab@mail.ru

Blokhovtsova G. — Candidate of Philosophical Sciences, associate professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilina (Krasnodar)
ggb_@rambler.ru

Buichik A. — St. Petersburg Institute of Arts and Restoration
info@buychik.ru

Danilova M. — Doctor of Philosophical Sciences, professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilina (Krasnodar)
madary@mail.ru

Doronina M. — Moscow Pedagogical State University
marydoronina@yandex.ru

Dudareva M. — Candidate of Philology, senior lecturer, Peoples' friendship University of Russia
marianna.galieva@yandex.ru

Enchinov E. — Candidate of historical sciences (PhD), senior researcher, BNU RA «S.S. Surazakova Research Institute of Altaic», (city Gorno-Altaiisk)
enchinov_e@mail.ru

Ernazarova D. — Postgraduate student, People's friendship University, Moscow

Fedorov A. — The candidate of psychological sciences, associate professor, Vladimir state university It. Century V.G. and N.G.Stoletovyh; Senior Researcher, UIS Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
zimbur79@mail.ru

Frolov D. — Candidate of Technical Sciences, Director of the Autonomous Nonprofit Organization "Institute of Art and Humanitarian Projects"
frolov-dmitry@yandex.ru

Gilmanova G. — Candidate of sociological Sciences, associate Professor, Bashkir state agrarian University

OUR AUTHORS

Gorshenev K. — Graduate student of the Maikop State Technological University
info@mkgtu.ru

Imomberdieva N. — Postgraduate student, People's friendship University, Moscow
imomberdieva.nilufar@yandex.ru

Khlupnova E. — Postgraduate student, St. Petersburg state academic Institute of painting, sculpture and architecture named after I. E. Repin at the Russian Academy of arts
elena.khlup@hotmail.de

Korotovskih T. — Candidate of psychological Sciences, associate Professor, Surgut state pedagogical University
s.korotovskih@mail.ru

Kozlova V. — Associate Professor of the Moscow city pedagogical University, Moscow
kva1208@yandex.ru

Kudinov S. — Doctor of psychology, Professor, People's friendship University, Moscow

Kuznetsova E. — Post-graduate student, Moscow state pedagogical University
ESKaip@yandex.ru

Lobanova Y. — Moscow Polytechnic University
julia-lobanova@mail.ru

Martish V. — Postgraduate, Tyumen State University
trunk-08@mail.ru

Mayakova A. — C.Sc. (Philosophy), Research fellow, Southwest State University (Kursk)
BerryAnnett@yandex.ru

Melnik L. — Candidate of physical and mathematical Sciences, associate Professor, Bashkir state agrarian University
lubaleb@mail.ru

Morozyuk S. — Doctor of psychology, Professor, Moscow state pedagogical University

Mylina N. — PhD, associate Professor, Moscow international University
nataliamulina@yandex.ru

Nikitina A. — Postgraduate Student, Novosibirsk State Technical University
albina_nikitina_637@mail.ru

Nikitina V. — Candidate of Philology, associate Professor, Peoples' friendship University of Russia
start@rudn.ru

Ogui V. — Independent researcher, (Nizhny Novgorod, RUS)
DoktorNN@yandex.ru

Orlova N. — RGSU (Moscow)
Nata-Lia-Nata@yandex.ru

Parshikova G. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Bryansk State Technical University
parshikovagalina@yandex.ru

Plotnikov N. — Candidate of Philosophical Sciences, independent researcher
dartana@bk.ru

Pyashkur Y. — Senior lecturer, Shadrinsky State Pedagogical University
dolgix_y-1485@mail.ru

Saveleva I. — Candidate of cultural studies, associate Professor, Nizhnevartovsk state University
ms.savel1973@mail.ru

Smirnova V. — Educator, Moscow City University Institute of Secondary Vocational Education, Moscow
smvic@rambler.ru

Svirshch E. — Independent researcher, (Kemerovo, RUS)
viktorogui@gmail.com

Tarasenko A. — Independent researcher, (Nizhny Novgorod, RUS)
anettmodi@mail.ru

Titova V. — Postgraduate, Tomsk state University
titova.lera.pr@gmail.com

Tukhvatullina L. — Candidate of physical and mathematical Sciences, associate Professor, Bashkir state agrarian University

Zaynudinov S. — Candidate of technical sciences, docent of the Russian State Agrarian University — Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev
pol123987@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).